

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

научный журнал

Каждый человек, даже если он этого и не осознаёт, живёт своей жизнью.

Массовое сознание.

Очерки логики исторического исследования

Восходное время. Удалые проблемы

Независимо от сферы науки, люди, которые изучают процессы развития, пользуются одними и теми же приемами и способами исследования.

Массовое сознание — практическое знание различных социальных групп, основанное на специализированном знании, нужное социальным группам повседневной жизни для взаимодействия и коммуникации в малых группах, местности проживания, стране, мире.

19
2015
Часть VII

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 19 (99) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметова Галия Дуфаровна, доктор филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*

Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*

Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*

Бидова Бэла Бертовна, *доктор юридических наук, доцент (Россия)*

Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*

Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*

Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*

Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*

Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*

Демидов Алексей Александрович, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, *доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)*

Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*

Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*

Колпак Евгений Петрович, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*

Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*

Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, *доктор философских наук, профессор (Россия)*

Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*

Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Узаков Гулом Норбоевич, *кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)*

Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*

Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*

Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Голубцов Максим Владимирович

На обложке изображен Борис Андреевич Грушин (1929—2007) — советский и российский философ, социолог, методолог исторических и социологических исследований.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Андреева Т. В.

Базилика Юлиев в Коринфе. Опыт реконструкции скульптурной группы и датирования римских императорских портретов период Юлиев-Клавдиев 643

Безшлеева Н. Ю.

Новомученичество как историко-культурный феномен России (на примере работ о служении архиепископа Андроника (Никольского) 649

Веселова Л. А., Мигунов А. Л.

Г. Кавалло «Чтение в Византии»: к вопросу о преемственности античной и византийской культур 652

Елкей Н. Н., Бектурганов К. Б.

Знаменитые женщины Казахского ханства 655

Никитенко В. А.

Нижегородское земство и организация экспедиции В. В. Докучаева в Нижегородской губернии 658

Попов И. А.

Естественные границы как фактор русской колонизации в современной англо-американской историографии 663

Пряшников С. В.

Роль православных священнослужителей в процессе воспитания подростков острова Сахалин (середина XIX — начало XX веков) ... 665

Фадеев Д. И.

Уклонение от воинской службы в годы Первой мировой войны (1914-февраль 1917 гг.) в Казанской и Симбирской губерниях 667

ФИЛОЛОГИЯ

Барари Р., Мадаэни А. А.

Простые предложения, выражающие отсутствие лица, предмета, явления в русском и персидском языках 670

Былкова С. В., Кочетова А. С.

Речевое воздействие в рекламе 673

Гончаров К. В.

Структурный анализ глаголов «give» «buy» «cook» 676

Ерещенко М. В., Кочетова А. С.

Лексические и композиционные особенности документного текста (на примере договоров образовательной организации) 680

Логина М. А.

Пространство пейзажного мышления в прозе русскоязычного писателя (на примере повести А. Н. Сергеева «Звездное небо Талгата») 683

Лю Сяочжэн, Тянь Фэнцзюань

The Application of Instructional Design in College English Teaching 688

Потапова А. С., Тихонова Е. В.

Агрономическая терминология: некоторые особенности перевода 691

Пчельникова А. А.

Анализ лексической единицы «духовное движение» во французском, русском и английском языках 694

Самохин И. С.

Посмертная популяризация творчества А. А. Вознесенского: первые шаги 697

Тихонова Е. В., Донченко А. В.

Фразеология как отражение национальной культуры китайского народа и ее перевод 700

Тихонова Е. В., Корнева Е. Д.

Распространение английского языка в Китае 702

Тихонова Е. В., Хегай А. Д.

Художественный перевод и китайская литература 705

Цветкова С. С., Колпашникова А. В.

Китайский разговорный язык. Сленг 707

Ялтырь В. Д., Ялтырь М. В.

Еще раз о гендере 709

ИСТОРИЯ

Базилика Юлиев в Коринфе. Опыт реконструкции скульптурной группы и датирования римских императорских портретов период Юлиев-Клавдиев

Андреева Татьяна Валентиновна, соискатель
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Очарование греческой классики, помноженное на римское мастерство и настойчивость, создало особый пласт искусства. Греко-римский портрет занимает важное место в истории искусства. Это документ эпохи, и произведение мастера одновременно. Базилика Юлиев была местом императорского культа в новой римской колонии Коринф. При раскопках здания в 19 веке найдены портретные статуи, которые продолжают вызывать споры историков. В археологическом музее сохраняется вариант расположения статуй Луция и Гая Цезарей по сторонам статуи Августа. Высказывались мнения некоторыми исследователями об ошибочности такой схемы. Автор статьи предлагает свой вариант расстановки первых статуй в базилике в начале 1 века н.э. Сохранившаяся статуя типа «полуобнаженного Юпитера» представляется центральным образом нового храма. Это мог быть «обожествленный» Юлий Цезарь в образе «Громовержца» вокруг которого стояли идеализированные обнаженные образы рано умерших Гая и Луция Цезарей. Также предложен способ атрибуции нескольких портретов по ушным раковинам. Его использование показывает близость технических приемов, использованных мастером Августа из Прима-Порты, и исполнителями статуй Гая и Луция. Возможно, это одна мастерская или единый прототип. Речь идет о сохранении эллинистических скульптурных традиций в Греции и их использовании в столичных мастерских Римской империи.

Ключевые слова: скульптурный портрет; греко-римский портрет; искусство римской империи; архитектура Рима; искусство классической Греции.

В 146 г. Коринф был стерт с лица земли после неудачного восстания против Рима. Через столетие на развалинах греческого города Гай Юлий Цезарь строит новое римское поселение с впечатляющей римской агорой. В ее середине, напротив южной внутренней галереи с колоннами, стояла трибуна, с которой Луций Юлий Галий, брат философа Сенеки, в 52 году судил апостола Павла. «Южнее, над всеми этими постройками, выше современного музея, — пишет К.К. Вермюле, стояло на высоком подиуме само большое и красивое святилище рода Юлиев, основателей римского Коринфа, ныне называемое «базилика». Павсаний называет его «святыней сестры Августа Октавии», чья скульптура стояла внутри храма» [11, р. 211]. Заметим, что такую же ошибку, как К.К. Вермюле, делают многие исследователи, полагая базилику и Храм Октавии одним зданием. Это разные храмы. Поэтому несколько строк следует посвятить архитектуре и истории Римского форума.

Основание «Колонии Лаус Юлия Коринтенсис» *Colonia Laus Iulia Corinthensis* Юлием Цезарем в 44 году до н.э. отмечено у разных древних авторов, об этом же

рассказывает масса нумизматического и эпиграфического материала. Археологические находки, связанные со строительством, надписи, рассказывающие об организации городских частей колонии найдены в разных частях Коринфа и окрестностей.

Читаем у Павсания:

[2] Теперь из древних коринфян никто не заселяет Коринфа, там живут только поселенцы, отправленные туда римлянами. Причиной послужил Ахейский союз; принадлежавшие к нему коринфяне тоже приняли участие в войне против римлян, которую подготовил Критолай, избранный полководцем ахейцев; он убедил отпасть (от римлян) как ахейцев, так и много других народов вне Пелопоннеса. Когда же римляне победили в этой войне, то они всех других эллинов лишили права носить оружие, а все те города, которые были укреплены, они лишили стен, разрушив их; что же касается Коринфа, то его окончательно разорил Муммий, бывший начальником римлян во время этого похода; впоследствии же, говорят, он был восстановлен Цезарем, который первый в Риме установил нынешнее государственное устрой-

ство; при его правлении был восстановлен также и Карфаген [5, гл. 3].

[1] На середине площади стоит медная статуя Афины, на ее пьедестале вырезаны рельефные изображения Муз. За площадью — храм Октавии, сестры Августа, правившего римлянами после Цезаря, основателя нынешнего Коринфа [5, гл. 1].

Знаменитый город, несколько раз стертый в прах, тщательно раскапывался и изучался на протяжении 19 и 20 века. Его культуре и истории посвящены монографии, научные статьи. Хотя остались неразрешенные вопросы, особенно в плане атрибуции и датировок многочисленных находок. Для автора наибольший интерес представляет базилика Юлиев, потому что с этой постройкой связано несколько первоклассных скульптурных портретов. Что дает надежду на реконструкцию скульптурной декорации храма. Разберем несколько вариантов реконструкций базилики, предложенных в книгах и статьях последнего времени.

«У северной стены был императорский алтарь Ларам, а у южной стены был трибунал. Базилика подвергалась реставрациям в императорское время, самая существенная из которых была перестройка каменного здания со гипсовой декорацией в мраморный храм, с укладкой пола мраморными плитами. Функции трибунала очевидны из факта находки семи императорских статуй. Статуи Августа, Клавдия? и похоже, Антонина Пия? окружали трибунал с двух сторон, с Августом и Клавдием направо и Антонином налево. Находки статуй плюс большое заселение Коринфа, театр с эпитафическим посвящением Августу, его семье и их Ларам, подсказывает что Базилика Юлиев был местом имперского трибунала, здесь был суд над государственными преступлениями и рассмотрение дел, требуемых имперского арбитража», — пишет американский исследователь, архитектор Пауль Скоттон. [8, pp. 48–65].

Это строки из диссертации господина П. Скоттона, изданной в 1997 году. Мне трудно представить, что в базилике кто-то будет делать место культа богов домашнего очага — Ларам. Возможно, такие выводы происходят вследствие того, что автор делал работу по архитектурным вопросам, и мало разбирается в истории или археологии. Однако в туристической литературе по Коринфу я встречала не раз упоминание о том, что снаружи южной стороны базилики в древности был суд. Не знаю, следствие ли это публикации труда П. Скоттона, или есть конкретные подтверждения этой теории. К тому же другие авторы уверенно говорят, что эпитафических данных от периода Юлиев-Клавдиев в Коринфе нет [11, pp. 108–112].

На раскопках Коринфа в 1914 и 1915 г. внутри базилики Юлиев были открыты многочисленные мраморные римские скульптуры. Среди них статуя Августа в тунике и тоге, обнаженные статуи молодых людей, которые считаются изображениями его наследников Гая и Луция Цезарей, портрет Германика (?), два полуобнаженных муж-

ских торса и две военные статуи в доспехах, их головы не сохранились. Все изображения хранятся в археологическом музее Коринфа, надписей нет [3, pp. 70–85]. К позднему периоду правления Августа, по информации музея, около 4–14 гг. относятся изображения его наследников Гая и Луция. По каталожным данным, статуя самого «божественного» Августа, у которой не сохранились ноги, и голова Германика, вероятно, принадлежат к правлению Калигулы. Два фрагментарных торса «юпитеровского» типа и две военные статуи трудно поддаются атрибуции, время их создания неизвестно [7, pl. 186–189].

Родные братья Гай и Луций, как указывали античные авторы, были дружны и отлично ладили между собой. Напомню, что внуки Принцепса Августа пользовались его любовью и были им усыновлены. Поэтому обычно их называют сыновьями Августа. В искусстве они, как правило, представлены в паре, что облегчает проблему атрибуции их изображений. «В статуях из базилики Юлиев братья представлены в героическом образе божеств или героев, изображения похожи между собой. К настоящему времени пришли к согласию, что сохранившаяся до пояса статуя представляла Гая, тогда как целая фигура принадлежит его младшему брату Луцию. Первый имеет тонкое и задумчивое лицо, а второй выглядит как версия молодого Августа из Примапорты. Оба портрета достаточно сухие и академические», — пишет Ф.П. Джонсон [3, pp. 70–85].

Работа Джонсона опубликована в 1931 году. Исследователи более позднего времени соотносят полную статую старшему брату — Гаю. Мы придерживаемся этой версии.

«Луций в представлении божественного тела, со следами пунтелли, оставленными на левом плече копиистом, базируется на типе, обычно называемом Гермес. Адольф Липпольд, профессор античной истории в Равенсбурге, предположил, что прототип представлял Тезея, и Луций-Тезей имел парой Гая-Ахилла, что придавало мифологический оттенок героическим статуям двух наследников» — пишет К.К. Вермюле [11, pp. 179–180]. Эти изображения продолжают питать воображение исследователей, которые снова ищут им аналоги. Д. Поллини полагает, что «Гай и Луций представлены типом, напоминающем о Диоскурах: каждый показан в героической наготе, с накидкой, завернутой вокруг левого плеча и вокруг левой руки». Хотя конфигурация их рук сходна, Гай повернут направо и Луций налево, что предполагает, что статуи были парой. К тому же статуя Гая найдена в южной части восточной экседры, а статуя Луция использована в конструкции стены в той же части базилики. Они, возможно, фланкировали экседру, и головы были повернуты в ее направлении. До периода Калигулы в римских колониях как Коринф такие обнаженные статуи использовались для посмертных посвящений, и скорее всего статуи сделаны после смерти Гая в 4 г.н.э». [7, p.139].

«Полагаю, что юлианская базилика, где находятся римские портреты первого века, имеет связь с местной

греческой традицией, — пишет Катарина Вандерпуул, — Это статуи Августа с его приемными сыновьями Луций Цезарем и Гаем Цезарем из семейной группы. В частности, обе статуи Гая и Луция Цезарей «размерами и очертанием сходны с группой статуй в театре в Лептис Магне. Эта группа включает «хорошо известных «Диоскурой» — божественных близнецов. Гай и Луций могут быть представлены как божественные близнецы. Этот статуарный тип наверняка восходит к прообразам для всех четырех фигур, возможно, к знаменитым Диоскурам в Дельфах. Тот победный монумент был посвящен спартанской победе при Айгоспотамой 405—404 BC. Однако победный монумент был поставлен не только спартанцам, но также отмечал вклад жителей Пелопонеса и коринфян в войне с Афинами» [1, р. 53—55].

«Кориф как новая римская колония гордилась своим связями с самим Римом. Среди коринфян в раннюю империю был спартанец Евриклес, кто с другими спартанскими знатными людьми, возможно, ведут свой род от Кастора и Поллукса. Может, это спартанские патроны выбрали Диоскуров Антифана предстать Гая и Луция? Они не только льстили императорской семье, но и отдавали дань местным честолюбцам» — подчеркивает нидерландская исследовательница [10, Р. 269—284].

Производство статуарных групп было остановлено императором Тиберием со времени смерти его сына Друза П в 23 г. Калигула возвращается к прерванной традиции и распространяет изображения своей семьи. Снова используются забытые на четырнадцать лет формы прославления правителей. Молодой император включал в статуарные группы тех же представителей династии, которые появились на римских императорских монетах в ранний период его правления. Среди них чаще всего встречаются Август, которому он приходился правнуком по материнской линии, и его отец Германик, внук Ливии.

«Внутри базилики найдена табличка со словом Генти Аугусте (*Genti Augustae*). В ее нижней части выбито посвящение Тиберию Гемеллу, внуку императора Тиберия и Антонии П, дочери триумвира Марка Антония, матери Германика и бабке Калигулы. Надпись датируется началом правления Калигулы, поскольку он казнил первого в 38 г. и даровал второй титул Августы Антонии в 37 г. Хотя Гемелл был официально усыновлен молодым императором, он во всех надписях, включая две, определенно относящиеся к периоду Калигулы, назван сыном Друза П, и таким образом внуком Тиберия, и его усыновление императором, как кажется, совершенно не принималось в расчет — пишет Е. Свифт. Он продолжает: — Титул на базе упоминает *Gens Augusta*, а не привычный *Gens Julia*. Это свидетельствует о том, что императорская семья в тот момент соотносилась с самим Августом, а не с родом Юлиев. Династически это верно, поскольку и Калигула и Тиберий Гемелл восходят к Ливии» [9, pp. 4—23].

Заметим, что не удивительно игнорирование факта усыновления Гемелла Калигулой. Возможно, император боялся конкуренции своего родственника, и очень бы-

стро его казнил. Процесс усыновления имел какое-то политическое значение, был своеобразным показательным актом.

Статуя Августа из базилики, по мнению Ф. П. Джонсона, представляется упрощенной версией тогата с Виа Лабиа в Музее Национале Романо. «Скульптор, — пишет исследователь, — почти превратил тогу, накинутую на голову для традиционного римского акта жертвоприношения, в химатий, убрав складки с части одеяния, расположенного вокруг ног». Император, на передней части головы которого сохраняются следы красной краски, держит свиток и *simpulum*, ковш для жертвенных возлияний вина, в левой и правой руках соответственно [7, pp. 34—43].

«Лицо Августа, удлиненное и треугольное, не соответствует созданным при его жизни портретам, а близко к изображениям самого Калигулы. Тот факт, что большая складка тоги с острым углом, синус, падает ниже колена, подсказывает время после смерти Августа. Эта статуя могла быть произведена в то время, что и упомянутые посвящения, став своего рода визуальным свидетельством о «доме Августа» — пишет Ф. П. Джонсон [7, pp. 34—43].

Наибольшие споры вызывает найденная в восточном нефе голова Германика? официальный портрет, близко следующий римской модели. Идентификация этого несомненного представителя семейства Юлиев-Клавдиев трудна, хотя нос с горбинкой и оттопыренные уши позволяют предложить, что это может быть также Тиберий, его сын Друз П или Калигула. «Красивая голова с накинутой тогой и аккуратной бородкой, свидетельствующей о периоде оплакивания, — по мнению Ч. Б. Роуза, — могли принадлежать типу тогата и также демонстрирует влияние стиля Калигулы, как и статуя Августа. Накидка императора состоит из одного слоя материи, а у Германика она формирует три горизонтальных слоя со складкой в форме буквы омега в центре. Если портреты сделаны в одно время, то можно говорить о нескольких мастерах. [13, р. 89]. «В исполнении портретов Августа в тоге и Германика заметна разница» — полагает Д. Бошунг [2, 220 ff. III. 36].

«Когда мастерская обязывалась производить портреты императора и его семьи, то обычно скульптуры делали запрос черепных характеристик в столичных мастерских. Другими словами, хотя стандартный облик представителей династии оставался неизменным, действительная форма головы могла быть близкой к портретам императора того периода, когда создавалась группа. Такой курьезный факт влияния облика живущего правителя на форму некоторых портретов Августа отмечен в случае с головой Августа из Коринфа, — полагает Дж. Поллини. [6, pp. 45—47].

Как видно из этого краткого обзора, несмотря на давность находок и интерес к ним, единство не достигнуто даже на ступени датирования.

Автор не может согласиться с некоторыми выводами иностранных ученых. Ниже приводятся лица Калигулы и Августа крупным планом. Описанные в предыдущих аб-

зацах сходство нижней части головы не заметно. И если Калигула в самом деле с острым подбородком, то у Августа привычный для него крепкий и с ямочкой.

В последней части статьи предлагаются некоторые авторские идеи о расстановке статуй в базилике, датировании и атрибуции скульптурных портретов.

Вариант постановки статуй в базилике Юлиев

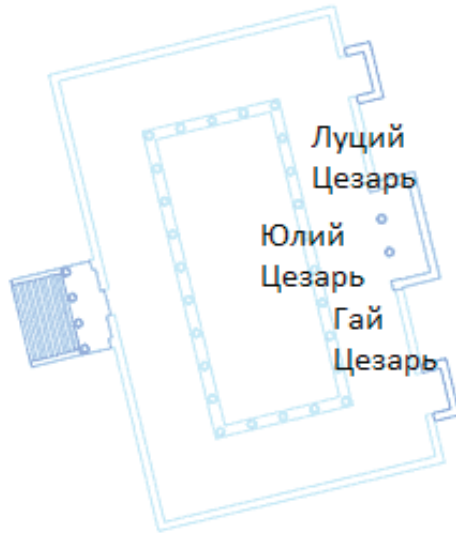

Рис. 1. Реставрация базилики Юлиев в Коринфе, на 150 г. [8, pp.29–35]

Предлагается следующий возможный вариант реконструкции статуй в базилике Юлиев.

Базилика, которая построена в период Августа, была, по нашему мнению, одно апсидной. Что легко видеть на планах археологических раскопок. Скульптуры Гая и Луция были найдены близко к стороне с апсидой. Недалеко была найдена фигура с обнаженным торсом без головы. Учитывая, что Октавиан всячески подчеркивал свое родство с Юлием Цезарем, и построил в его честь храм, то основная фигура должна быть именно его «отца». Обожествленный к тому времени Юлий Цезарь легко мог

быть изображенным в образе Бога-Громовержца. Поэтому мне видится логичным поставить это изображение в центральную апсиду. Цезарь-Юпитер был первым, кого видели входящие в храм. Умершие Гай и Луций изображены также, так и Цезарь — нагими. Что, во-первых, подтверждает, что все изображенные были мертвы на момент установки статуй, во-вторых, обожествлены, то есть получили статус «дивус». Как неоднократно было замечено в литературе, братья смотрят в разные стороны. То есть могли быть обращены либо к какому-то образу, или смотрели в направлении апсиды и т.д.

Рис. 2. Луций Цезарь, Юлий Цезарь, Гай Цезарь

Видится, что такое расположение в первоначальном храме Юлиев было вполне вероятным.

В музее Коринфа между Луцием и Гаем расположена фигура Августа в тоге. Такое расположение идет в разрез с историческими фактами и другими данными, например, датировкой статуй.

Статуарный портрет Августа, скорее всего, был сделан во времена Калигулы, к чему склоняются многие авторы. Я бы добавила, что период последних лет Тиберия тоже возможен. В любом случае, статуя Августа не располагалась между двумя братьями в базилике.

Датирование портретов Нерона Друза (Калигула) и Августа в тоге.

Портрет Германика (Калигулы) вызывает множество дебатов. В целом, многие исследователи полагают, что портрет это работа времени Калигулы. К тому же времени относится и полно фигурная статуя Августа в тоге. Я опускаю аргументы, подтверждающие эту точку зрения. Детальные описания легко найти в литературе.

Рис. 3. Портрет Августа. Калигула (Германик)

За то, что статуя Августа принадлежит времени после его смерти, говорит то, что складка-синус ниже колена, общий тип заостренного книзу лица, схожесть прически [2, pp.29–32].

Автор обращает внимание на одну деталь. Возможный интерес представляют особенности изображения ушных раковин, которые предлагается проанализировать.

И не только у портретов Августа и Калигулы, но у нескольких других статуй. Для дополнительного подтверждения некоторых версий. Первыми разберем детали портретов, которые полагаются более поздними, и, вероятно, сделанные при правлении Калигулы.

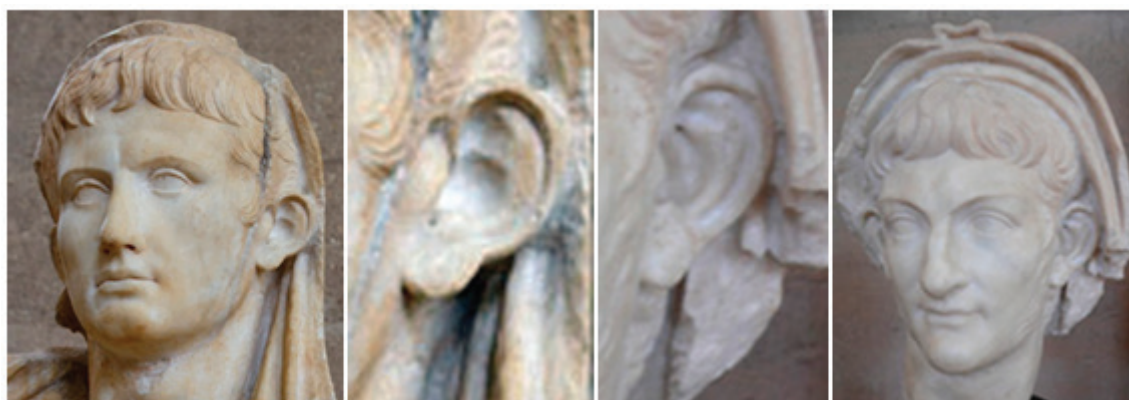

Рис. 4. Август и его ушная раковина. Калигула и его ушная раковина

На счастье, сохранились целыми левые ушные раковины. И их можно рассмотреть, расположив рядом. Представляется, что несмотря на ряд отличий, общая форма

мочек ушей, и обработка внутреннего ушного пространства схожая. Мои размышления, возможно, будут яснее, если мы рассмотрим еще три картинки.

Ниже я расположила фото левых ушных раковин уже знакомых нам сыновей Цезаря: Луция и Гая. И сравнила их с фотографией левого уха Августа из Прима Порты.

Последний портрет сделан при жизни Августа, и стал образцом для императорских изображений на века. Поэтому обращение к нему с целью сравнения имеет основания

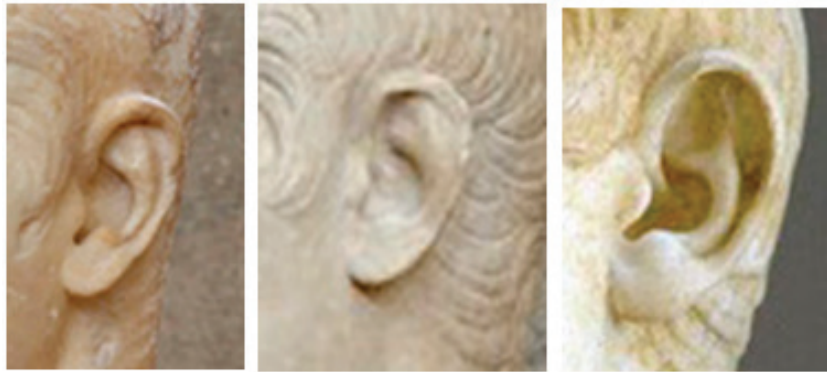

Рис. 5. Луций Цезарь Гай Цезарь Август

Легко видеть, что ушные раковины Луций, Гая и Августа из Прима Порты близки по общей форме. И очень отличаются от тех, что принадлежат Августу в тоге и Каллигуле. Что еще раз говорит, что последние сделаны в другое время. К тому же очевидно, что Август из Прима Порты был очевидной моделью для портрета Гая. Заметьте поразительное сходство в деталях прически. Портрет Луция чуть отличается. Его волосы сделаны в виде штриховки. Хотя сама прическа такая же. Это говорит

о том, что Луций и Гай произведены в период правления Августа. Возможно даже, это мое мнение, в государственных мастерских в Риме, и потом привезены в Коринф. Также можно предположить, что образцом для мастеров статуй Гая и Луций были классические статуи 5 века до н.э. Мне видится сходство с Дорифором Поликлета. Так, самые первые статуи базилики Юлиев были вдохновлены лучшими образцами греческого искусства классики.

Литература:

1. Dutch, Robert S. *The educated elite in 1 Corinthians*. London. 2005.
2. Boschung, D. *Römische Glasphalerae mit Porträtbüsten*, BJB 187, 1987,
3. Johnson, F. P. *Corinth. 1. The Sculpture*. 1896–1923. Cambridge, Mass., 1931.
4. Massner, A. K. *Bildnisangleichung: Untersuchungen zur Entstehungs — und Wirkungsgeschichte der Augustus Portraits 43 v. Chr. — 68 n. Chr. Das roemische Herrscherbild IV*. 1982.
5. Pausanias. *Pausaniae Graeciae Descriptio*, 3 vols. Leipzig, Teubner. 1903.
6. Pollini, J. *The Portraiture of Gaius and Lucius Caesar*. 1987.
7. Rose, C. B. *Dynastic commemoration and imperial portraiture in the Julio-Claudian period*. Princeton. 1997
8. Scotton, Paul Douglas. «The Julian Basilica at Corinth: An architectural investigation» (January 1, 1997). Paper AAI9727296.
9. Swift, E. H. *A Group of Roman Imperial Portraits at Corinth. III. Gaius and Lucius Caesar* Vol. 25, No. 4. 1921.
10. Vanderpool, Catherine de Grazia. *Roman Portraiture: the Many Faces of Corinth*. In Williams and Bookidis 8 (eds.). Corinth, The Centenary 1896–1996.
11. Vermeule, C. C. *Roman Imperial Art in Greece and Asia Minor*. 1968.
12. Weinberg, S. S. *The southeast building, the twin basilicas, the mosaic house*. 1960.
13. Zanker, P. *Provinzielle Kaiserportraits. Zur Rezeption der Selbstdarstellung der Princeps*. Abh. München. 1983.

Новомученичество как историко-культурный феномен России (на примере работ о служении архиепископа Андроника (Никольского))

Безшлеева Наталия Юрьевна, аспирант
Институт российской истории РАН (г. Москва)

Важность обращения к трагическим страницам государственно-церковных отношений в отечественной истории определяется тем, что на современном этапе «как никогда актуально стоят вопросы налаживания сотрудничества деятельности государства и Русской Православной Церкви в различных сферах общественной жизни» [10, с. 10].

Также изучение опыта новомученичества помогает реконструировать систему ориентиров христианских ценностей в сознании современного человека, «возрождение которых должно определять духовно-просветительную составляющую XXI века» [3, с. 188]. А исследование феномена самоотверженного, бескомпромиссного служения Отечеству и церкви архиепископа Пермского и Кунгурского Андроника (Никольского В. А. (1870–1918)) дает возможность расширить представление о роли русского новомученичества в духовном возрождении современной России.

Представляется целесообразным исследовать период, охватывающий годы с 1894 по 1918: нижняя временная граница связана с началом царствования императора Николая II (1894), церковная политика которого способствовала коренным изменениям в государственно-церковных отношениях, окончанию Синодального периода и восстановлению патриаршества в РПЦ, а также с началом церковного и общественного служения архиеп. Андроника (Никольского). Верхняя хронологическая граница заявленной нами темы ограничивается 1918 г., в котором атеистической государственной властью был завершён перевод противостояния с Церковью из области идейной борьбы в область политической, с применением репрессий. За активное сопротивление мероприятиям советской власти по отношению к Церкви в 1918 г. был казнён архиеп. Андроник (Никольский).

В отечественной литературе проблема новомученичества начинает активно разрабатываться лишь с начала 90-х годов прошлого столетия. Термин «новомученики» впервые встречается в документах Священного Синода и Архиерейского Собора РПЦ 1991–1992 гг.

Первое упоминание о судьбе архиепископа Пермского Андроника содержится в книге клирика Русской Зарубежной Церкви протопресвитера Михаила (Польского) [18, с. 69–70]. Впервые в отечественной литературе кратко биографическое описание владыки Андроника представлено в книге митр. Мануила (Лемешевского) [15, с. 256–258]. Первые более подробные описания жизни и деятельности архиеп. Андроника (Никольского) были составлены пермскими историками-краеведами П. Н. Агафоновым [1], М. Г. Нечаевым [16], которые использовали

в своих работах некоторые прижизненные публикации архиеп. Андроника (Никольского).

Первым церковным историком, который привлек к исследованию исторических судеб и роли новомучеников ранее недоступные материалы из более чем 100-тысячного корпуса судебно-следственных дел за 1917–1950 гг., документы ЧК — ГПУ — НКВД — КГБ — ФСБ, а также Архива Президента Российской Федерации, бывших партийных и государственных центральных и местных архивов стал к. и. н., игумен Дамаскин (Орловский) [6].

Анализ представленных им материалов послужил основанием для канонизации новомучеников и исповедников Российских на Архиерейском соборе 2000 года. Первое подробное житие архиеп. Андроника (Никольского), составленное игуменом Дамаскиным опубликовано в 1996 г. В данной публикации автором были использованы данные архивов и материалы периодической печати, но житийный стиль изложения значительно отличается от стиля научной работы.

С 1996 года пополняется база данных ПСТГУ «За Христа пострадавшие» — электронное издание по новомученикам и исповедникам, в котором также содержатся биографические сведения архиеп. Андронике (Никольском). На основании этой базы данных, под руководством прот. В. Воробьева, была издана монография «За Христа пострадавшие».

В 2013 г. вышла книга В. А. Королева, в которой подробно жизнеописание архиеп. Андроника (Никольского) составлено с использованием материалов центральных архивов, региональных архивов Перми и Ярославля, материалов периодической печати, дневников, писем и творений святителя. Наиболее полно, с привлечением епархиальной печати тех лет и личных писем владыки Андроника, описан Новгородский и Омский период служения святителя [14], однако в данной работе не рассматривается деятельность архиеп. Андроника (Никольского) в контексте государственно-церковных отношений.

Игумен Дамаскин (Орловский) исследует взгляды архиепископа Андроника (Никольского) на проблему гонимости русской государственности в соотнесении с научной теорией Н. Я. Данилевского. [7, с. 264–273]. Автор приходит к выводу о том, что взгляды архиеп. Андроника и Николая Данилевского во многом совпадают, подтверждаются ходом русской истории и достойны быть услышаны современниками в XXI в.

С начала этапа разработки интересующей нас проблематики по различным аспектам исследуемой темы были защищены исследования по проблемам канонизации святых на современном этапе, а также работы, по-

священные жизни и деятельности конкретных новомучеников в контексте государственно-церковных отношений. Так, в кандидатской диссертации О. Р. Князевой о миссионерской деятельности РПЦ на примере пермской губернии кратко говорится, в частности о миссионерской деятельности архиепископа Андроника в Пермской епархии, другие аспекты его служения и другие периоды его служения не рассматриваются [12].

Кандидатские диссертации М. В. Булавина [4] и Е. А. Кобелевой [13] посвящены роли советских карательных органов в процессе становления государства. В них содержатся лишь отдельные упоминания о деятельности архиеп. Андроника (Никольского) и репрессиях против него.

В кандидатской диссертации В. В. Вяткина [5], посвященной формам и методам церковной деятельности в Пермской епархии в XIX — начале XXI века, уделено внимание пермскому периоду церковного и общественного служения архиепископа Андроника, с акцентом на событиях с февраля 1917 по июнь 1918 г. Комплексно деятельность архиеп. Андроника (Никольского) не исследуется.

Таким образом, изучение степени научной разработанности в исторической литературе проблемы государственно-церковных отношений на рубеже XIX — XX веков показало злободневность и актуальность темы, а также ее недостаточную изученность. Это говорит о том, что исследователям следует продолжать изучение церковно-государственные отношения в России конца XIX — начала XX века, в том числе и на примере деятельности архиеп. Андроника (Никольского), канонизированного Русской Православной Церковью, чтобы феномен новомученичества мог быть осмыслен в научно-исторической литературе в полной мере.

Источники, которые позволяют нам анализировать административную, просветительскую, миссионерскую, благотворительную деятельность архиеп. Андроника (Никольского) в местах его служения в условиях церковно-государственного кризиса в России конца XIX — начала XX вв., а также рассмотреть реакцию советской власти на деятельность архиепископа Андроника, причины его преследования и убийства, — это документы как опубликованных, так и архивных, извлеченных из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Пермской области (ГАПО), Государственного архива Пермского края (ГАПК), Государственного архива Ярославской области в городе Угличе (УгФ ГАЯО), Отдела рукописей Российской Государственной Библиотеки (НИОР РГБ).

Среди документов ГАРФ особый интерес по данной теме вызывают материалы Министерства юстиции РСФСР (Ф. А-353), в которых имеется переписка Совнаркома, Наркомюста и Пермской ЧК по делу архиепископа Андроника, обвинявшегося в агитации против советской власти (Д. 460); документы и материалы Всероссийского церковного поместного собора (Ф. Р-3431), содержащие выступления архиеп. Андроника (Никольского) на заседаниях отделов собора; документы мини-

стерства юстиции Российского правительства в г. Омске (Ф. Р-4369), в которых находятся наблюдательные производства по делу об убийстве в Пермской епархии 55 лиц духовного сана, включая епископа Андроника; документы Архиерейского Синода Русской Православной Церкви в Сремских-Карловцах (Ф. Р-6343) с материалами о положении церкви в Советской России.

Из личных фондов ГАРФ обращают на себя внимание материалы фонда митр. Арсения (Стадницкого) (Ф. 550), в котором имеется его переписка с епископом Андроником, а также воззвания и обращения владыки Андроника к пастве, Дневник митр. Арсения; фонд священника Иоанна Кронштадского (Ф. 1067); прот. Петра Булгакова, настоятеля церкви при российском посольстве в Токио (Ф. Р-5973).

Из документов РГИА интерес представляют следующие фонды: Канцелярия Синода (Ф. 796), где находятся формулярные списки монашествующего духовенства, письма архиепископа Андроника митрополиту Флавиану (Гордецкому); Канцелярия обер-прокурора Синода (Ф. 797) — Указы Святейшего Синода о перемещениях и награждениях владыки Андроника, его переписка с обер-прокурором Синода. В Государственном архиве Ярославской области в городе Угличе (УгФ ГАЯО) имеются сведения о происхождении архиеп. Андроника (Никольского) (Ф. 90).

Документы о государственно-церковных отношениях в Пермской епархии, деятельности архиеп. Андроника (Никольского) на посту правящего архиерея и репрессиях со стороны советской власти против него отложились в фондах ГАПО: Пермская духовная консистория (Ф. 37), Канцелярия пермского губернатора (Ф. 65), Пермский епархиальный училищный совет (Ф. 147), Правление Пермского архиерейского дома (Ф. 198), Пермское епархиальное управление (Ф. Р-1), Пермский губернский революционный трибунал (Ф. Р-49), Пермский губернский отдел управления (Ф. Р-301), Уполномоченный Совета по делам религиозных культов (Ф. Р-1204), Уполномоченный совета по делам РПЦ (Ф. Р-1205).

В фондах ГАПК «Канцелярия Пермского епархиального архиерея (г. Пермь)» (Ф. 664) находятся Указы Синода об учреждении кафедры Соликамского викариата архиерея и назначении викария, а также собственноручный синодик архиеп. Андроника (Никольского); «Коллекция документов и воспоминаний о революции 1905 года, Февральской революции, Октябрьской революции и гражданской войне» (Ф. Р-732) содержатся воспоминаний чекистов об аресте и расстреле архиеп. Андроника (Никольского).

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки интерес представляет фонд Московской Духовной Академии (Ф. 172), в котором имеется диссертация кандидата богословия иеродиакона Андроника (Никольского) [17]. Значительное количество актуального материала для исследования периода отечественной истории конца XIX — начала XX вв. представляют материалы периодической печати; в частности, газет — епар-

хиальных «Ведомостей»: Владикавказа, Екатеринбурга, Москвы, Новгорода, Омска, Перми, Уфы, Ярославля, а также журнала «Богословский вестник» и др.

Среди опубликованных источников особое значение для данной работы имеют документы священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.; мемуары святителя Николая Японского [8] и митрополита Евлогия (Георгиевского) [9], а также опубликованные фондом «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви» труды архиеп. Андроника (Никольского) [19] и его письма, вышедшие в издательстве Сретенского монастыря [2].

Указанные опубликованные и неопубликованные источники содержат рекомендации и выводы из религиозно-нравственных трудов Преосвященного Андроника, которые могут быть использованы в выстраивании пар-

тнерских отношений Русской Православной церкви и государства на современном историческом этапе, а также в сфере духовного, культурного, нравственного и патристического образования и воспитания; для охраны, восстановления и развития исторического и культурного наследия нашего Отечества.

За прошедшие десятилетия накоплен обширный материал о христианах, пострадавших в условиях гонений со стороны советской власти в XX веке, но до настоящего времени в современной исторической науке остается не полностью исследованным феномен новомученичества; отсутствуют комплексные исследования, освящающие подвиг святых XX века в контексте государственно-церковных отношений. «Историческая наука должна восполнить пробел в изучении, анализе и обобщении трудов отечественных и зарубежных авторов» [11, с. 8].

Литература:

1. Агафонов, П. Н. Архиепископ Пермский и Кунгурский Андроник (Владимир Никольский). Пермь: Издание Пермского Петропавловского собора. 1995. — 71 с.
2. Андроник (Никольский), архиеп. Пишу от избытка скорбящего сердца. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2007. — 304 с.
3. Безшлеева, Н. Ю. Новомученичество как феномен в истории России: на примере служения архиепископа Пермского и Кунгурского Андроника (Никольского). Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 1. с. 185–189.
4. Булавин, М. В. Взаимоотношения государственной власти и Православной Церкви в России в 1917–1927 гг. (на примере Урала). Дис... канд. ист. наук. Екатеринбург: 2000. — 370 с.
5. Вяткин, В. В. История Пермской епархии в XIX — начале XXI века: формы и методы церковной деятельности, государственно-церковные отношения. Дис... канд. ист. наук. Пермь: 2005. — 316 с.
6. Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним: В 7 кн. Тверь: Булат, 1992–1993.
7. Дамаскин (Орловский), игумен. Воззрения архиепископа Пермского и Кунгурского Андроника (Никольского) на русский гражданский строй // Вестник архивиста. 2013. № 2. с. 264–273.
8. Дневники святого Николая Японского. В 5 тт. СПб.: Гиперион. 2004., Т. 3. — 896 с.; Т. 5. — 960 с.
9. Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания. М.: Моск. рабочий; ВПМД, 1994. — с. 621.
10. Зубанова, С. Г. Социально-исторические вехи Православной Церкви в сфере социального служения XIX столетия. История государства и права. 2009. № 12. С. 10–12.
11. Зубанова, С. Г. Социальное служение Русской Православной Церкви в XIX веке. М. Лика, 2009. — 338 с.
12. Князева, О. Р. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в 1905–1917 гг.: На примере епархий Пермской губернии. Дис... канд. ист. наук. Пермь: 2000. — 217 с.
13. Кобелева, Е. А. Место и роль органов ЧК в процессе становления Советского государства. 1918 — начало 1922 гг.: На материалах Пермского Прикамья. Дис... канд. ист. наук. Пермь: 2005. — 354 с.
14. Королев, В. А. Простираясь вперед. Жизнеописание архиепископа Пермского Андроника в документах. Пермь: Перм. гос. национ. исслед. университет, М.: Содружество Православный Паломник. 2013. — 640 с.
15. Мануил (Лемешевский В. В.), митр. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. (включительно). Erlangen, 1979–1989. Т. 1. — 544 с.
16. Нечаев, М. Г. Страсти по Андронику. Жизнеописание и подвиг новомученика. Пермь: Панагия. 1996. — 32 с.
17. НИОР РГБ. Ф. 172. Оп. 3. Карт. 171. Д. 6. Архиеп. Андроник (Никольский). «Древнецерковное учение об Евхаристии, как жертве — в связи с вопросом об искуплении»; Древнецерковное учение об Евхаристии, как жертве — в связи с вопросом об искуплении / сост. В. А. Королев. М.: г. Фрязино. Содружество Православный Паломник. 2008. — 320 с.
18. Польский, М., протопресвитер. Новые мученики российские. М.: Т-во «Светлячок». 1994. Репр. воспр. изд. 1949–1957 гг. (Джорданвилль). Т. 1. с. 69–70.
19. Священномученик Андроник (Никольский), архиепископ Пермский. Кн. I. Творения. Статьи и заметки. Тверь: Булат, 2004. — 512 с; Кн. II. Проповеди, обращения, послания. Тверь: Булат, 2004. — 464 с.

Г. Кавалло «Чтение в Византии»: к вопросу о преемственности античной и византийской культур

Веселова Любовь Александровна, магистрант;

Мигунов Артем Леонович, магистрант

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Общепризнанно, что современные исторические исследования носят во многом междисциплинарный характер [3, с. 17–24; 4, с. 12–18; 6, с. 110–124; 9, с. 50; 12, с. 50–63.; 13, с. 31–39; 14, с. 84–91; 15, с. 40–53.; 17, с. 227–231.]. Касается это в полной мере и изучения истории Византии, особенно её культуры. Как показывает практика, именно междисциплинарные исследования позволяют делать выводы по существенному кругу проблем, в том числе и тем, которые, как казалось бы, изначально выходят за рамки проводимого исследования.

В полной мере это относится к научному наследию итальянского историка, специалиста в области античности и средних веков Гугльельмо Кавалло (Guglielmo Cavallo). Сфера его профессиональных интересов в данном произведении связана, в первую очередь, с изучением письменной культуры и практик чтения в средневековой и античной Европе. Из его работ уместно упомянуть такие, как, in «Proposte metodologiche per una nuova raccolta di facsimili di manoscritti greci letterari, in Proceedings of the XIV International Congress of Papyrologists» [22] Одной из наиболее значимых его работ является «Чтение в Византии» («

В данной работе Г. Кавалло использует широкую методологическую базу, а именно: анализ источников и монографий по интересующей нас теме, их синтез, методы научной дедукции, а также некоторые лингвистические приемы, например, объяснение исторических явлений при помощи существования определенных семантических полей и терминов в языке как доказательство неких явлений в практиках чтения. Нельзя также не упомянуть и широкий охват источников — видны примеры использования как официальных документов, текстов религиозного характера (писания, жития святых), так и документы личного характера (в основном, переписка и дневниковые записи). Важным плюсом в работе Г. Кавалло является привлечение работ по лингвистике и культурологии.

С точки зрения новизны материалы данной монографии представляют собой значительный шаг вперед. Ключевым здесь является выдвижение новой теории соотношения способов восприятия текста в античную и средневековую эпоху и выделение не вполне традиционных методов восприятия текста.

Надо сказать, что тематика письменной культуры Византии достаточно неплохо изучена: здесь мы можем назвать таких авторов как: Р. Шартье, С. С. Аверинцев, М. Маклюен, А. Мангуель, М. В. Бибииков, А. П. Каждан и другие. Однако мы с уверенностью можем сказать, что, несмотря на некоторые шероховатости и возникающие

вопросы, Г. Кавалло смог создать нечто, что потенциально способно оставить свой след в исторической науке.

Основной его идеей является утверждение о сильной взаимосвязи средневековой византийской традиции письма и чтения с античной [16, с. 155–158] и с вытекающим из ряда логических конструкций утверждением о предрасположенности читателя византийской эпохи к определенным способам восприятия и репрезентации текстового материала к способу чтения. Здесь мы в первую очередь говорим об аудиализации (т.е. устном воспроизведении) текста, его проговаривании вслух и, соответственно, слуховом восприятии, и о его визуализации, и отражении обоих факторов в культурном восприятии текста читателем. Данные построения опираются на обширный источниковый материал, работа содержит множество ссылок на научные монографии преимущественно западных исследователей.

Г. Кавалло достаточно подробно рассматривал эволюцию книги, письма и чтения на протяжении античности и средневековья, затронув вопросы формы и способа чтения в связи с физической формой книги — свитка или кодекса. Анализировались им также традиции чтения, сформировавшиеся в античной Греции, и дошедшие вплоть до периода средневековой Византии. Помимо этого, у Г. Кавалло наличествует возможность попытки построения образа читателя того времени с учётом рассмотрения системы обучения чтению, а также специфики культуры чтения в исследуемых периодах.

Кроме того, Г. Кавалло анализирует проблематику, связанную с вопросами восприятия текста. Им рассматривается проблема визуализации текста в сознании читающего, роль и распространение чтения вслух. Автором приведены в качестве доказательств яркие примеры, в том числе и построения, касающиеся структуры самого языка, находящей отражение в способе восприятия текста.

Наибольший интерес представляют следующие положения итальянского исследователя:

в Византии чтение, в основном, было устным и визуальным;

экстенсивный способ будет иметь тенденцию исчезать в Византии, тогда как интенсивное чтение, внимательное, для себя и в уединении, усиленное принятием книги-кодекса и широким распространением христианства, будет превалировать, несомненно, в измененном контексте и, следовательно, иногда в различных формах;

в Византии чтение про себя, еще меньше практикуемое, чем в Античности, останется предназначенным практически эксклюзивно для монастырей, для так назы-

ваемой «литературы для потребления» или для области фантастики и магии;

не противоречит с предыдущим утверждением и то, что одна из основных функций, «конечная цель» чтения в византийский период является «полезность», даже чтение для удовольствия всегда будет замаскировано под полезное чтение, т.к. читали, главным образом, «церковные книги», а они были в высшей степени полезны для возвышения души;

что касается места чтения и его статуса, то в системе репрезентации начала империи, индивидуальное чтение наедине становится своего рода «символическим статусом», знаком высокого социального статуса, библиотеки же никогда не станут «жизненным пространством» или местом развлечения, как это было в Античности;

все материальные средства презентации письма, а именно, пунктуация, строчные буквы, разделение текста на книги и главы, средства украшения и т.п., — указанные приспособления не рассматривались как помощь в понимании написанного, потому что они обозначали наиболее удобный способ для восприятия текста и изменения голоса по отношению к смыслу текста, т.е. голос служил для выявления смысла в процессе чтения, а текст предназначался в основном для прослушивания;

особенно с X в. и до конца Византии вербальное и визуальное восприятие текста равнозначно: голос в Византии является основой и инструментом общения, что проявляется в некоторых церемониях прочтения писем, например, так что отсутствие последнего выражается словами со значением «молчание»;

в Византии голос использовался не только при чтении книг и писем, но и при чтении надписей внутри культовых зданий.

Таким образом, по мнению автора в Византии был сохранён и усилен вид чтения вслух, признанный наиболее распространенной разновидностью чтения в греко-римской античности. С этой точки зрения, Г. Кавалло ещё раз подтверждает идею, что на протяжении поздней античности не существовало разрыва между предыдущей эпохой и византийским периодом.

Нельзя не отметить, что Г. Кавалло отчасти склонен к полемике с другими видными специалистами по византийской истории, в частности, с С.С. Аверинцевым и А.П. Кажданом [8, с. 17–64]. Сутью данной полемики мы можем считать иное построение картины мира средневекового читателя и формирование альтернативной позиции по отношению к общепризнанной в том, что касается способов восприятия текста.

Нельзя также не обратить внимание на некоторые спорные вопросы в методологии исследования, подборе материала и построении аргументации при доказательстве некоторых ключевых моментов исследования, характерные для Г. Кавалло.

Первым и наиболее важным моментом, который необходимо осветить, является недостаточная проработка вопроса временных и хронологических границ исследования.

Понятие «Античность», равно как и понятие «Средневековая история Византии» достаточно широки. В исследовании же мы находим отсылки к таким временным промежуткам, однако при этом не находим уточнения хотя бы их части.

Проблема же локализации исследования заключается в том, что во многих местах автор не уточняет территориальных рамок проводимого исследования. Очевидно, что как Античный мир, так и Византийская империя на протяжении периодов своего существования включали в себя весьма обширные территории с различными культурами, развивавшимися и эволюционировавшими на протяжении времени. Тем не менее, в исследовании мы не находим уточнения вопроса о локусе исследования. Вопрос о том, является ли это неким обобщением традиций чтения и культуры всей империи, или внимание концентрируется на столицах и крупных городах, как центрах общественной жизни; включается ли в исследование вопрос о чтении на имперской периферии; влияют ли на традиции чтения национальные особенности народов, проживающих на территории империи, — все эти вопросы остаются открытыми.

Ключевым для исследования является вопрос о конфликте точки зрения Г. Кавалло с имеющимися взглядами одних из наиболее авторитетных авторов, работающих в этой области.

В первую очередь здесь необходимо рассмотреть утверждение Г. Кавалло о значительном превалировании чтения вслух, как метода интенсивного чтения, над способом чтения про себя. Так, он говорит, что «В Византии чтение про себя, еще меньше практикуемое, чем в Античности, останется предназначенным практически эксклюзивно для монастырских кругов» [20, Р. 18]. В данном вопросе он отталкивается, прежде всего, от утверждения о зависимости языковых норм и правил, пунктуации и построения текста от способа его восприятия, утверждая, что всё вышеозначенное указывает на превалирование аудиального способа восприятия текста. Как он говорит, «Именно голос, с другой стороны, заставлял всплывать смысл «непрерывного письма», которое воспребладало во всем Греко-романском мире, начиная с первых веков нашей эры, и которое было лишено интервалов между словами. В Византии чтение про себя, еще меньше практикуемое, чем в Античности, останется предназначенным практически эксклюзивно для монастырских кругов» [20, Р. 16]. Несмотря на новизну данных построений, здесь мы видим однозначную полемику с устоявшимися точками зрения. Например, в своих работах Роже Шартье [18, с. 32; 19, с. 139–141] также указывает на некоторое превалирование устного чтения, однако не отрицает достаточно большой распространенности и чтения мысленного, про себя, в некотором роде, представляя менее радикальный взгляд на данную проблематику. В рамках этого вопроса мы можем также обратить внимание на работы М. Маклюена. В одной из них [10, с. 49–51] на основе анализа культурных особенностей бесписьменных на-

родов он делает вывод о том, что представители европейской цивилизации, как имеющие развитую письменность, более склонны к визуальному восприятию мира в целом, включая восприятие текстового материала, в то время как аудиальный способ восприятия свойственен как раз обществам бесписьменным [1, С. 230; 2, С. 291]. При этом, однако, необходимо заметить, что он также рассматривает идею о распространении устной формы чтения, акцентируя внимание на проблеме преемственности от античной риторической традиции [7, с. 95; 10, с. 151–153]. Таким образом, здесь мы видим некоторую полемику относительно способа видения культурного базиса европейской цивилизации. Наконец, о «широком распространении чтения про себя (до той степени, что это начало влиять на языковые нормы) пишет А. Мангуэль [11, с. 64]. Таким образом, мы видим, что в отношении данного вопроса Г. Кавалло вступил в серьёзную полемику со многими исследователями, что, в целом, является одной из оборотных сторон новаций, которые он привносит в изучение истории чтения в Византии

Неоднозначной является и проблема знаков препинания: Г. Кавалло выдвигает теорию об их эволюции в тесной взаимосвязи с развитием традиции чтения текста. По его мнению, «Знаки пунктуации, если они присутствовали, служили не логическому построению фразы, а указывали паузы для дыхания и ритма для риторического чтения и чтения вслух. В Византии не встречается существенных нововведений по отношению к этим свойствам

построения и артикуляции письменного текста» [20, Р. 18]. Однако данная его позиция вступает в прямое противоречие с трудами его коллеги А. Мангуэля, который, в свою очередь, делает выводы о том, что эволюция знаков препинания и норм оформления текста происходила под большим влиянием именно мысленного чтения, чтения «про себя» [11, с. 65].

Тем не менее, имеет смысл утверждать, что работа Гугльельмо Кавалло совершает качественный шаг вперед по направлению к более скрупулезному изучению истории чтения в Византии. В целом, это можно свести к предложенной М. В. Бибиковым концепции двух направлений, представляющих разные подходы к изучению византийской культуры. Одни считают, что Византия в основном сформировалась в результате освоения Античной традиции, отказывающиеся ей в культурной самобытности. Другие же исследователи склонны рассматривать Византию изолированно от Античности [5, с. 267–270]. Г. Кавалло в своем труде пытается занять некую третью позицию, рассматривая историю Византии в целом как процесс постепенной эволюции культурных основ, берущих свое начало в Античности, и развивавшихся в контексте новой цивилизации. Указанное обстоятельство наглядно демонстрирует успешность применения междисциплинарного подхода при изучении исторического прошлого, способствуя построению новых концепций на основе изучения локальных сюжетов прошлого.

Литература:

1. Архангельская, И. Б. Г. М. Маклюэн и его книга «Понимание средств коммуникации: продолжение человека» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 4. с. 228–232.
2. Архангельская, И. Б. История письменности и печатной культуры в книге Г. М. Маклюэна «Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 2 (58). с. 288–296.
3. Бибилов, Г. Н. Современная история: оксюморон или научная дисциплина? // Обсерватория культуры. 2011. № 6. с. 12–18.
4. Бибилов, Г. Н. Современная история: оксюморон или научная дисциплина? (часть первая) // Обсерватория культуры. 2011. № 5. с. 17–24.
5. Бибилов, М. В. Историческая литература Византии. СПб.: Алетея, 1998. 315 с.
6. Гарскова, И. М. Информационные технологии и информационный подход в исторической науке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2011. № 4. с. 110–124.
7. Гаспаров, М. Л. Проблемы литературной теории в Византийском и латинском средневековье. М.: Наука, 1981. 254 с.
8. Из истории культуры Средних веков и Возрождения: сборник статей / отв. Ред. В. А. Карпушин и др. М.: Наука, 1976. 316 с.
9. Леушкин Д. В., Марголис Н. Ю., Симонов А. Л., Фоменков А. А. Использование электронных научных библиотек в современном образовательном процессе в вузах // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2014. № 1. С. 49–53.
10. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / пер. с англ. А. Юдина. Киев: Эльга, 2004. 217 с.
11. Мангуэль, А. История чтения / пер. с англ. М. Юнгер. Екатеринбург.: У-Фактория, 2008. 384 с.
12. Петров, Ю. В. Антропологические основания «аналитического синтеза» в историческом познании // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 277. с. 50–63.
13. Поршнева, О. С. Концепции и методы социологии в историческом исследовании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2006. № 2 (6). с. 31–39.

14. Поршнева, О. С. Становление междисциплинарной парадигмы современного исторического знания, ее возможности и ограничения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. № 1. с. 84–91.
15. Проскурякова, Н. А. Новые теоретико-методологические подходы в постсоветской социальной истории XVIII начала XX вв // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2006. № 2 (6). с. 40–53.
16. Ревко-Линардато, П. С. Византийский рационализм и античная философия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 1–2 (51). с. 155–158.
17. Синицын, А. А., Чурекова Н. Б. Всероссийская научная конференция «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории» (Саратов, 3–5 октября 2008 г.) // Вестник древней истории. 2009. № 2. с. 227–231.
18. Шартье, Р. Письменная культура и общество / пер. с фр. и послесл. И. К. Стаф. М.: Новое издательство, 2006. 272 с.
19. Шартье, Р., Кавалло Г. История чтения в западном мире: от Античности до наших дней / пер. с фр. М. А. Руновой. М.: Фаир, 2008. 542 с.
20. Cavallo, G. Lire à Byzance. Paris: Les Belles Lettres, 2006. 168 pp.
21. Cavallo, G. Theodore of Tarsus and the Greek Culture of his Time, in Archbishop Theodore. Commemorative Studies on His Life and Influence, a cura di M. Lapidge, Cambridge, Cambridge University Press, 1995. — pp. 54–67.
22. Cavallo, G., Manfredi M. Proposte metodologiche per una nuova raccolta di facsimili di manoscritti greci letterari, in Proceedings of the XIV International Congress of Papyrologists, Oxford, 24–31 July 1974. London, published for the British Academy by the Egypt Exploration Society. pp. 47–58.

Знаменитые женщины Казахского ханства

Елкей Нурлыбек Нурланулы, магистр истории старший преподаватель;
Бектурганов Куаныш Берикболатулы, студент
Костанайский государственный педагогический институт (Казахстан)

В статье авторами рассматривается положение женщин в казахском обществе, а также роль женщин-героев Казахского ханства во время национально-освободительной борьбы. Авторы попытались восполнить недостающий материал о героях-девушках казахского народа для подрастающего поколения.

In the article the authors consider the situation of women in the Kazakh society, as well as the role of women heroes of the Kazakh khanate during the national liberation struggle. The authors tried to fill in missing material about the characters—the girls of the Kazakh people for the younger generation.

На основе исторических материалов создано мнение, что в казахском обществе женщины не ценились, и что у них не было свободы. С этим можно и согласиться, так как фактом этому служит то, что девушки того времени не могли выходить замуж по любви, существовала зависть между женами одного мужчины. Однако, женщины в казахском обществе и в обществе кочевников высоко ценились, потому что, как говорится в пословице, женщина одной рукой качает колыбель, а другой — мир. Известны многие казахские девушки, которые прославились своим умом, мужеством и героизмом. Очень печально, что несмотря на свою былую известность в те времена, они не удостоились должного внимания со стороны современных историков. Подрастающее поколение должно их знать, а противостоит этому недостаточность трудов о героях-девушках.

Айганым — правительница народа

У Уали было четыре жены, самая младшая — Айганым. Уали взял ее в жены молодой, когда ему было за пятьдесят. В те времена у девушек не спрашивали согласна ли она идти замуж или нет. Если одна из сторон, во многих случаях сторона девушки молчит, считали это за согласие и венчали молодых. Не согласных мусульманок, особенно казахских девушек, до времен советских никто и не слушал. Причиной этому служит то, что это могло привести в конфликту, ссорам, поэтому у девушек не было иного выхода как молча согласиться. И Айганым поступила так же. Но она через приезжих свидетелей передает своему старому мужу свою просьбу: «У Уали у подножья Боровое есть три жены, и несколько детей от них. Пусть он не селит меня рядом со своими женами, я не хочу

страдать от его жен и детей, если он и вправду женится на мне, пускай переезжает сюда» [1].

Уали принял просьбу своей молодой и красивой жены и после венчания оставил своих жен и детей на старом месте возле Борового, и переехал к горам Сырымбет, там он и поселился. Это примерно 1805 годы. Уали в то время было около 60 лет.

Айганым была умной и сразу же после замужества завладела Уали. Уали умер в 1819 году. После этого случая Российское государство признало Айганым царицей. Айганым родила от Уали сыновей Абден, Мамке, Шынгыс, Кангожа, Алжан и дочерей Рахия и Нуриля. К смерти отца все они были очень малы. Уали никому из сыновей от старших жен не оставил в наследство ханство.

По правилам Сперанского в то время казахи, называвшиеся Сибирскими, были разделены на шесть дуанов: Кушмурун, Кокшетау, Акмола, Баян, Каркаралы, Кокбекти. Красивая и умная женщина, которой было только за тридцать, пришлась по душе князю и он назначил ее старшим султаном Кокшетауского дуана [2, с.130].

Айганым воспользовалась тем, что нравилась князю и сославшись на то, казахи не могут построить зимовки и до сих пор живут в юртах несмотря на морозы и холод, проявила желание, что хочет стать им примером в этом. Сперанский согласился с этой идеей и отправив специальных инженеров, сделал план ханского дворца. По плану между двух гор Сырымбета, у его подножья, с местных елей должны были построить дворец с большими комнатами, с жестяной крышей, обшитый с двух сторон войлоком и с мечетью и медресе внутри. Царское правительство одобрило пожелание и выделило деньги на строительство в размере шестьдесят тысяч рублей [3, с.25]. В результате, у подножья гор Сырымбет был воздвигнут архитектурное произведение искусства.

Айганым, поселившаяся в историческом поместье и царившая с роскошью, осталась в истории как женщина, которая смогла достичь власти, получила европейское образование, знала несколько языков и стала политическим деятелем.

Как солнце в темноте казахской Фатима Тоташ

Среди казахских ханов можно отметить только Жангира Бокеева, который получил европейское образование, рос на стоке Западной и Восточной культуры и был на равне со всеми. Прознав, что тяжело придется жить зависимым русскому государству, не зная его языка и не имея возможности донести свою мысль и показать себя, хан Бокей стремился отучить своего старшего сына Жангира на русском. Стоит признать, что его русский товарищ, гражданский губернатор Астрахани Станислав Андреевский помог ему и с семи лет воспитывал его сына у себя дома на равне со своими детьми, сделал все, чтобы Жангир получил всестороннее образование. Постарался, чтобы он выучил несколько языков и знал всевозможные законы всех стран. Помог в изучении арабского

и персидского языков, вызвал даже специального учителя из Стамбула, чтобы тот обучил его истории, литературы и культуры Восточных народов.

Чтобы Жангир закончил обучение, даже после смерти его отца, Андреевский не пустил его четырнадцатилетнего на правление народом, и до совершеннолетия отдал бразды правления младшему брату хана, султану Шыгай [4, с.24]. Этому совету прислушивались и прежние ханы, чтобы будущий правитель учился власти и набирался опыта.

Он был против крещенской политики правительства. Хотел объединить мусульманский народ. Для этого он брал пример с других мусульманских народов и ждал помощи от них.

Эта идея и привела его к главному имаму Российских мусульман, муфти Уфы, Мухамеджану Хусайнову за год до его назначения ханом. Когда он пришел специально, чтобы позжать руку и повидаться, имам был на летнем поместье за городом в местности Кубанкуль. Имам душевно принял его и обрадовался его образованию и воспитанию. Но не богатство имама привлекло внимания Жангира, он был пленен красотой его красавицы дочери Фатимы [5, с.121]. Она была его ровесником и красоты неписаной.

Летом же следующего года, после назначения ханом, во главе имамом Оренбургского караванного дворца кипчаком Дюйсенали и с братьями Адиль и Мендикерей, он отправил их сватать дочь Мухамеджан муфти. Хан есть хан, имам, у которого под покровительством были хорошие земли, по шесть-семь домов в Казани и Уфе, кожные и мыльные заводы, который отправлял корабли по Ишиму, и который держал сотни работников, обслуживающих купцов, не отказался выдавать дочь замуж. Встретил сватов и принял их предложение. И осенью 1824 года Фатима Тоташ приехала в качестве невестки в ханское село в местность Курабайлы возле Атырау [5, с.132].

Вскоре после прихода Тоташ, жена Жангира, внучка Караман аргын батыра Бокенбай Жузим, которую его отец при жизни взял Жангиру в жены, умирает и Фатима сразу же становится первой женой Жангира.

Она была очень образованной, умной девушкой, которая находила общий язык с простым народом, знала как строить отношения с людьми, кроме татарского языка знала русский, французский и немецкий языки. Кроме этого часто ездила по городам и общалась с аристократами, участвовала в благотворительных мероприятиях и ходила на танцы. В 1826 году приезжала в столицу, чтобы принять участие на церемонии иннагурации царя, и Царь одарил ее драгоценностями и дорогими камнями. А в 1839 году сама императрица отправила ей дорогое саукеле, украшенное драгоценными камнями, золотой гребешок и золотые серьги [6, с.98].

Привыкшая жить в городе, она хотела построить город наподобие дворца, чтобы жить в спокойствии. Схватившаяся за эту идею, она сразу же после церемонии иннагурации пришел на прием к императору Николаю I и попросил деньги на строительство ханского дворца

и архитектора на его планирование. Император сразу же принял его предложение и выделил средства, назначил Оренбургского губернатора следить за строительством города.

Жангир для будущего места ханского дворца выбрал западную часть пустыни Жаскус. Осенью 1826 года строители во главе оренбургского архитектора Тафаева вбили первый кол исторического места. Так как Фатима постоянно болела, Жангир женился еще на одной молодой девушке [6, с.100]. На этот раз его выбор пал на необразованную простую девушку из степи. Однако, он не вытеснял родню первой жены и своего первого сына Сақыпкерей и любил его очень сильно. Несмотря на это, они были против молодой жены хана.

Царское правительство приняло решение уничтожить ханское правительство и на его месте сформировать Временное управление, которое будет править от имени правительства. До формирования управления, учитывая все имущество и богатство хана, был сформирован Совет попечителей. В его состав входили родные братья хана и госпожа Фатима. Однако, госпожа часто болела и не принимала участие в управлении, и спустя два месяца после смерти мужа умерла.

Сапура Матенкызы, которую прозвали «Коктемир»

В сентябре 1775 года появился один человек в племенах Табын и Тама Младшего жуза и его имя превратилось в легенду. Степные сплетни называли его Невидимым, Святым, но во многом его называли Невидимый для душ или Коктемир (Синнее железо). Коктемира считала наследником Е. И. Пугачева и он агитировал народ продолжить сражение. Движение Коктемир охватывает казахские степи. И это было закономерно. Потому что событие тех дней способствовало этому. Оно появилось осенью 1775 года как новый вид сопротивления, которое расширяется весной и летом 1775 года после жестокого подавления отряда наказателей казахов Младшего жуза [6, с.102]. Позывы Коктемира получили поддержку от племен Тама и Табын, которые больше всех пострадали от отрядов и затем охватили и другие племена.

Прежде всего Коктемира обещал, что «Новый царь» вскоре вернется. Казахи ему верили и его слова совпадали с разными слухами, которые распространялись среди народа. Народ продолжает ждать Пугачева. К тому же народ не верил в смерть императора, которого прозвали Петром III. И поэтому прошелся слух, что «Емелька еще жив, вместо него убили другого человека. А настоящий Емелька собирает новое войско среди казахов и идет к нам» [7, с.55].

Коктемир начал свое агитирование в сентябре 1775 года, а к весне у многих начало назревать подозрение, потому что император Петр III до сих пор не пришел. Люди, собравшиеся в деревне Коктемира, бездействовали. Однако движение Коктемира было под влиянием султана Досалы, и оно принимает другой вид. Оно переходит на

действия против правительства, обычного «пограничного воровства».

В марте 1776 года поход казахов против башкир начинается сходить на нет. С целью разгромить Башкирию и затем завоевать Уфу, полтора тысячное войско обратно собирается в деревне Коктемира.

С самого начала движения хан Нуралы со всеми силами старается ее подавить. Он информировал о действиях султана Досалы и его детей, о походах казахских войск, об их численности, о племенных отношениях и цели движения.

С осени 1775 года с целью противостоять известности Коктемира хан Нуралы отправляет Сырыма Датова, который завоевал доверие у народа своим умом и мудростью, чтобы он призвал казахов не верить Коктемиру и воевать против него, и хотел получить согласие у сел. К тому же хан Нуралы призвал старшин племен на совет, но от этого не было проку. И только после этого Нуралы собрав свое войско, отправился в село к Коктемиру: «Я отправился их уничтожить и сжечь их дома, а они оказываются к реке Киыл всем племен» — говорил он [7, с.68].

Движение Коктемира останавливается летом 1776 года. И этому было несколько причин. Султаны Досалы, Сейдалы, которые поддерживали движение не были до конца ему верны. У них были и свои счета насчет поддержки восстания. Было и соперничество между ханом Нуралы и Досалы. Пугачев в своих прежних посланиях обещал повесить царя и поставить ханом Досалы вместо него. Вторая важная причина остановки движения — неявка «нового царя», который обещал освободить всех и был движущей силой и мечтой народа. Движение с сентября 1775 года до весны следующего года заставлял верить людей в приход Пугачева, но однако его неосуществление стало причиной погашения энтузиазма у народа. К тому же, окончательная остановка крестьянской войны на земле русской стала еще одной причиной переобувания многих султанов и старшин, их предательства и отказа агитировать Коктемира и переезда в сторону реки Киыл. Царское правительство не стало отправлять отряды в селы племен Тама и Табын, а лишь ограничилось разрешением башкир атаковать их в ответ на атаку 1776 года. К тому же после окончания агитации Коктемира, последние действия движения превратились в обычное «пограничное воровство», оно не представляло опасности, поэтому феодалы, участвовавшие в движении не были наказаны. Движение Коктемира было последним действием, которые казахие совершили для поддержки крестьянской войны Е. Пугачева. Отголоски восстания в Младшем жузе, который продолжился до 1776 года, приняли вид отдельных стыковок между реками Жайык и Волги [8, с.103].

Из-за таких действий села Коктемир летом 1776 года с Кобды переезжает к реке Киыл, и на этом движение останавливается. Нет другой информации о его судьбе. Несмотря на то, что исследователи об этом пишут, образ девушки героини, которая мечтала о свободе, до сих пор неизвестен народу. Борьба, которую она возглавила, остается самой тайной загадкой в истории Родины.

Бопай батыр, которая известна своим мужеством

В 1838 году Бопай со своим войском три раза атаковала западные районы Западно-Сибирского губернаторства. Она зашла на вражеские земли, совершила партизанский поход и атаковала с тыла, оставила их со множественными потерями [8, с.130]. Бопай, которая активно участвовала в делах восстания и была известна степи, участвовала пости во всех походах, которые возглавлял Кенесары. К тому же по своей прямой обязанности, собирала зекет (налог), и конфисковала всех богачей и бийев, которые отказывались платить или увертывались от него.

Однажды войско Бопай атакует ауыл бия Балкожа. Разозлившийся бий преследует хана Кене и направляет военному войску, вышедшего из Оренбурга, втайне атакует его дворец и берет в плен его родственников. К тому же, зима 1844 года была тяжелой и слабый скот казахов, потерявших свои хорошие земли возле границы, гибнет [9, с.52].

Торе Касыму в сороковом году приходится отправиться в сторону Хивы. Рядом были его сын Кошек и Бопай. В Созаке их ловит Ташкент и месяц держит в плену. Затем Кошека вызывают в Ташкент, а Бопай закрывают в крепости Азрет. Окончательно ослабший в плену султан Касым в сентябре умирает.

Литература:

1. Мұқанов, С. Аққан жұлдыз. // www.kitap.kz
2. Көп томдық шығармалар жинағы / Шоқан Уәлиханов. — Алматы: «Толағай групп». 2010. Т. 5. — 528 б.
3. Мұқанова Гүлнәр. Айғаным ханым туралы аңыз бен ақиқат // Жаңа Сарыарқа. — 2007. — № 2. — 27 б.
4. Аяған, Е. С. Жәңгір ханның ағартушылық іс-әрекеті: автореферат. Қарағанды, 2006. — 25 б.
5. Боранғалиұлы, Т. Жәңгір хан. — Алматы: «Абзал-ай», 2014. — 528 б.
6. Ақтаев Сарбас. Қазақ ханымдары. — Алматы: «Ана тілі», 2011. — 104 б.
7. Бекмаханова Нәйла. Көктемір туралы аңыз. / орыс тілінен аударған С. Тәжіғұлов. — Алматы: жалын, 1983. — 184 б.
8. Ұлы даланың ұлы қыздары. Анықтамалық. Т. 3. Құраст. Г. Т. Тәңібергенова. Алматы: «Ұмай», 2008. — 192 б.
9. Ахметов, Қ. Кенесары хан Ұлытау өңірінде. — Астана: «Фолиант», 2002. — 76 б.
10. Айтай, Б. Кенесары көтерілісі туралы / Қазақ тарихы. — 2005. — № 6. — 45–51 б.

Бопай умирает возле Ырғыза, куда она пришла невестой. В Актюбинской области в районе Айтеке би есть ауыл, который называется Бопай. Говорят, что возле этого аула есть могила на холме. Существует предположение, что это и есть могила Бопай. Профессор, историк Торе-гали Каратаев в газете «Егемен Казахстан» предположил такую идею. Однако он пишет, что Бопай является сестрой Кенесары. И опирается он на отрывок из книги Ермухана Бекмаханова, напечатанный в журнале «Жұлдыз» в 1992 году. Вообще, русское «брат», «сестра» нас путает. И «дядя», «племянник» тоже. Первое у казахов делится на старшего и младшего братьев, второе старшая и младшая сестры. Казахи делят «дядю» на дядь со стороны отца и матери (нагашы), а «племянника» на братьев со стороны отца и матери. И легко можно понять, кто есть кто, и кто старше. И поэтому при переводе нужно быть аккуратнее, можно спутать старших и младших. Во всех легендах и рассказах о Кенесары, Наурызбай она представляется его младшей сестренкой [10, с.45–46].

Кенесары во время восстания было около сорока. А его старшей сестре было за сорок. А женщине за сорок было бы тяжело садиться на коня и тем более возглавлять войско. Хорошо, пусть Бопай будет старшей или младшей сестрой Кенесары, не в этом суть. Главное, что нет сомнений в том, что была дочерью народа и героем для казахов.

Нижегородское земство и организация экспедиции В. В. Докучаева в Нижегородской губернии

Никитенко Вероника Александровна, студент
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

За всю историю своего существования Нижегородское земство провело большой комплекс народнохозяйственных мероприятий [30–33; 34; 42–44; 47, с. 260], среди которых можно отметить развитие системы народного образования [13–16; 22; 24]; подготовку педагогических кадров [46], создание сети учебных заведений, библиотек [40; 41; 51; 52] и пр. Следует отметить и орга-

низацию земством квалифицированной медицинской помощи [26; 27], проведение агрономических мероприятий и общественных работ [23, с.133], а также взаимодействие земских органов с кредитно-финансовыми учреждениями [7, с.118]. Сквозь призму реализации хозяйственных инициатив, следует отметить и значительный вклад земства в развитие либерал-реформаторского дви-

жения [9–11; 26; 29], проекты по усовершенствованию различных государственных институтов [8, с. 97; 17; 19–21; 33; 49, с. 8] и проведению социально-политических реформ [36–40; 50, с. 101; 51].

Отдельной страницей в истории земства являются мероприятия, которые были проведены в годы русско-турецкой (1877–1878 гг.), русско-японской (1904–1905 гг.) и Первой мировой (1914–1918 гг.) войн [1–6; 12; 18; 25; 34] и выразились в конкретной огромной помощи русской армии: организации медицинских пунктов, сборе пожертвований, мобилизации, налаживании военных производств и пр. [45; 46].

Особой страницей истории нижегородского земства является практическая помощь в организации экспедиции В. В. Докучаева — известного ученого-почвоведом — на территории Нижегородской губернии. Хозяйственно-экономическая деятельность земств России во многом основывалась на статистических исследованиях различных отраслей земского хозяйства. Поскольку одним из основных источников земских доходов являлось обложение земель, то задача статистики в этой области сводилась к изучению объектов обложения, учету количества и доходности угодий и т.п. Первые земские статистические исследования были проведены в 60-х — 70-х гг. XIX в. в Вятском, Рязанском и других земствах, а с 1871 г. образуются особые статистические «столы» («бюро») различных губерний.

Нижегородское губернское земское собрание на заседании 14 января 1882 г. посчитало устаревшей прежнюю методику статистической оценки земель и решило «положить в основу» такой оценки «естественно-научное» исследование почв всей губернии [2, с. 61]. По прочтении доклада губернской земской управы «О последствиях сношений со специалистами относительно оценки земель Нижегородской губернии для составления на новых основаниях раскладки губернского земского сбора» [54, с. 5], в земском собрании завязалась оживленная дискуссия, в ходе которой рассматривались кандидатуры специалистов-почвоведов и вероятность приглашения кого-либо из них для проведения научных изысканий.

Значительная часть гласных (депутатов — авт.) собрания склонялась к выбору кандидатуры А. А. Крылова — доцента геологии Московского университета. Гласный А. С. Гациский, например, отметил, что ему импонируют «такие соображения г. Крылова, как, например, зависимость различной степени доходности почвы от занятий населения, зависимость состава почвы и подпочвы от той толщи, которая лежит еще глубже их и т. д.». [53, с. 61]. Кроме того, отметил гласный, «за г. Крылова говорит еще и то обстоятельство, что он, кроме того, что геолог, еще и сельский хозяин, и землец, и ему более, чем кому-нибудь, должны быть известны сельские нужды» [53, с. 61].

Сомнения гласных рассеял профессор Санкт-Петербургского университета А. Н. Иностранцев (пред-

седатель секции минералогии и геологии Петербургского общества естествоиспытателей). Разобравшись, что исследование «грунтов» нужно нижегородскому земству для составления раскладки земских сборов, Иностранцев заключил, «что для этой цели нужно исследование почвы, как самого поверхностного образования со стороны физической, химической и минералогической, а не геологическое исследование поверхности почвы» [53, с. 180] и указал на доцента кафедры минералогии и кристаллографии Петербургского университета В. В. Докучаева, уже имевшего к этому времени солидную репутацию исследователя-почвоведом. Председатель собрания А. М. Ермолов призвал земцев согласиться с методом исследования В. В. Докучаева и принять в основу оценки земель «естественно-научное» исследование почв Нижегородской губернии. Собрание, после продолжительных прений, с небольшим перевесом голосов приняло это предложение и обратилось к В. В. Докучаеву с письменной просьбой «взять на себя определение по всей губернии качества грунтов» [53, с. 180]. Для этой цели ученому выделялось (из земских фондов) 15500 рублей [53, с. 180], что намного превышало финансовые возможности «Императорского Вольного Экономического Общества», под эгидой которого трудился Докучаев.

Предложение нижегородского земства ученым было принято и с весны 1882 г. Докучаев, вместе со своими учениками-ассистентами Н. М. Сибирцевым, П. А. Землячонским и А. Р. Ферхминим начал проведение исследований в Нижегородской губернии. Работа такого масштаба и содержания, никогда еще не проводившаяся в России, давала возможность практическим путем проверить ряд теоретических предположений и перспективу отработать методы и приемы подобных исследований в будущем. Объем проводимых работ был чрезвычайно велик: каждому из участников научной экспедиции ежедневно приходилось исследовать по 30 квадратных верст территории губернии, производя анализы особенностей почвы, распределения земель по угодьям и десяткам других критериев [48, с. 70]. В. В. Докучаев, помимо выполнения непосредственно исследовательской работы, проверял и направлял деятельность своих помощников; собрал обширную коллекцию почв и минералов; обобщил огромный объем полученных данных.

Уездные земские управы оказывали исследователям посильную помощь. Сложнее обстояло дело с «несознательным» местным населением: крестьяне, опасаясь увеличения поземельного налога, просили В. В. Докучаева брать образцы почв лишь с худших по урожайности земель; многие помещики, в свою очередь, также не желали проведения подобных изысканий. Но, несмотря на объективные трудности, сбор и обработка материала шли чрезвычайно интенсивно: каждый из участников экспедиции с помощью химиков, ботаников, минералогов составлял полный отчет обо всех особенностях почвы исследуемого уезда. Докучаев, после проверки,

сдавал в печать обработанные данные, корректировал их и с особой тщательностью проверял составление почвенных карт.

Желая популяризировать изыскания своей научной экспедиции, В. В. Докучаев обратился с просьбой к XVIII нижегородскому губернскому земскому собранию об учреждении «естественно-исторического» музея, экспонатами которого послужили бы образцы почв, минералов, растений и прочий научный материал, собранный участниками экспедиции [55, с. 101]. Учёный лично составил план обустройства музея и его

тематических коллекций, а его идея нашла полное понимание в среде земских деятелей: нижегородский естественно-исторический музей стал первым в стране провинциальным музеем такого рода [55, с. 103]. Талант и огромная работоспособность В. В. Докучаева и его помощников позволили завершить исследования в чрезвычайно короткие сроки: комплекс обработанных научных данных под названием «Материалы к оценке земель Нижегородской губернии» были полностью изданы уже в 1886 г. и по сей день остаются краеугольным камнем отечественного почвоведения.

Литература:

1. Голубин, Р. В. Деятельность региональных военно-промышленных комитетов России в годы Первой мировой войны // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Международные отношения, Политология, Регионоведение. 2003. № 1. с. 38–48.
2. Голубин, Р. В., Николаев Д. А. Процесс мобилизации общественных сил Нижегородской губернии в начальный период Первой мировой войны // Доклады Академии военных наук. 2006. № 5. с. 238.
3. Голубин, Р. В., Николаев Д. А. Практическая деятельность нижегородского земства в контексте политики мобилизации «общественных сил» губернии в начальный период Первой мировой войны // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 8–1. с. 71–74.
4. Голубин, Р. В., Николаев Д. А. Деятельность нижегородского губернского земского комитета по реализации хозяйственно-экономических задач в начальный период Первой мировой войны // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 8–1. с. 74–78.
5. Голубин, Р. В., Николаев Д. А. Деятельность нижегородского земства в контексте организационного процесса мобилизации экономики Нижегородской губернии в начальный период Первой мировой войны // Клио. 2014. № 9 (93). с. 53–56.
6. Голубин, Р. В., Николаев Д. А. Процесс ликвидации военно-промышленных комитетов Нижегородской губернии в контексте мероприятий советской власти в 1918 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 1. с. 48–53.
7. Голубин, Р. В., Морозов В. В., Николаев Д. А. Ведомство Нижегородской казенной палаты (1775–1913 гг.): социальный состав, численность и специфика делопроизводства. Монография; М-во образования и науки Российской Федерации, Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Нац. исслед. ун-т. Нижний Новгород, 2012.
8. Дубровский, Д. Н., Крускина М. С., Никитенко В. А., Фоменков А. А. К вопросу о роли православного духовенства в деятельности нижегородских правомонархистов // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XIV Международной научной конференции. Редакционная коллегия: А. А. Корников, С. М. Усманов, В. Л. Чернопёров, Ю. А. Ильин, Т. П. Белова, И. А. Комиссарова. 2015. с. 96–98.
9. Колесникова, Л. А., Николаев Д. А. К выходу в свет сборника научных трудов «Век XX: историография, источниковедение, региональная история России» // Клио. 2005. № 1. с. 244.
10. Николаев, Д. А., Морозов В. В. «Земские учреждения не оправдали тех надежд, которые породило возникновение их». Записки Н. И. Храмцовского. Вторая половина 1870-х-1880-е гг. // Исторический архив. 2015. Т. 1. с. 171–201.
11. Николаев, Д. А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. 2014. № 1.
12. Николаев, Д. А. Военно-историческая реконструкция как форма изучения реальных событий военной истории: нижегородский опыт // Преподавание истории в школе. 2014. № 1. с. 121–123.
13. Николаев, Д. А. Деятельность нижегородского земства в контексте государственных преобразований во второй половине XIX-начале XX вв. // Современное общество, образование и наука сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 9 частях. 2014. с. 71–74.
14. Николаев, Д. А. Диалог представителей земских и церковноприходских школ Нижегородской губернии в контексте формирования образовательной среды второй половины XIX-начала XX вв. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 5–1. с. 98–100.
15. Николаев, Д. А. Земские и церковноприходские школы в образовательной среде Нижегородской губернии второй половины XIX в. // Теоретические и прикладные вопросы образования и науки сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. 2014. с. 85–86.

16. Николаев, Д. А. Земская программа реформирования татарских школ в начале XX в. (опыт Нижегородской губернии) // Вопросы образования и науки: теоретический и методический аспекты сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 11 частях. 2014. с. 99–101.
17. Николаев, Д. А. Исторический опыт деятельности земских учреждений Нижегородской губернии в контексте реализации государственных инициатив во второй половине XIX-начале XX вв. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 8–1. с. 68–71.
18. Николаев, Д. А. История «вживую»: нижегородский опыт военно-исторической реконструкции // Высшее образование в России. 2014. № 2. с. 153–154.
19. Николаев, Д. А. Источниковый комплекс по истории земского самоуправления России второй половины XIX — начала XX вв.: опыт теоретической систематизации // Российский исторический журнал. 2001. № 1.
20. Николаев, Д. А. Международная научная конференция «XXXVIII Добролюбовские чтения. Культура, наука, образование: влияние на нравственное развитие общества» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2014. № 25 (25). с. 136–138.
21. Николаев, Д. А. Межвузовская научная конференция «Актуальные вопросы истории» // Клио. 2007. № 3. с. 162–163.
22. Николаев, Д. А. Модернизация образовательных программ татарских школ Нижегородской губернии в начале XX в. // Актуальные вопросы в научной работе и образовательной деятельности сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 апреля 2014 г.: в 11 частях. Тамбов, 2014. с. 107–109.
23. Николаев, Д. А. Нижегородское земство в 1865–1918 гг.: обзор хозяйственной деятельности и анализ социально-политических инициатив. Дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1999.
24. Николаев, Д. А. Нижегородское земство в 1865–1918 гг.: обзор хозяйственной деятельности и анализ социально-политических инициатив. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Н. Новгород, 1999.
25. Николаев, Д. А. Отечественный и международный опыт военно-исторической реконструкции как «экспериментальной» формы изучения истории // Наука, образование, общество: проблемы и перспективы развития сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 12 частях. 2014. с. 105–106.
26. Николаев, Д. А. Общая характеристика либерал-реформаторских инициатив нижегородского земства в 1865–1890 гг. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 9. с. 65–68.
27. Николаев, Д. А. Обзор хозяйственно-экономических мероприятий нижегородского земства в 1865–1890 гг. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 9. с. 68–70.
28. Николаев, Д. А. Общая характеристика хозяйственно-экономической деятельности нижегородского земства в 1890–1904 гг. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 10. с. 83–86.
29. Николаев, Д. А. Реформаторские инициативы нижегородского земства в 1890–1904 гг.: общая характеристика // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 10. с. 83–86.
30. Николаев, Д. А. Российское земство: отечественная историография 30–90-х гг. XX в. // Российский исторический журнал. 1998. № 2.
31. Николаев, Д. А. Отзыв о диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук В. А. Меркушева «Деятельность Вятского земства по развитию местных крестьянских хозяйств в конце XIX — начале XX века (1890–1917 гг.)» // Клио. 2008. № 4. с. 145–146.
32. Николаев, Д. А. Общая характеристика социально-экономических мероприятий нижегородского земства в 1864–1918 гг. // Образование и наука: современное состояние и перспективы развития Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 6 частях. Министерство образования и науки Российской Федерации. 2014. с. 73–74.
33. Николаев, Д. А. Положения о земских учреждениях 1864 г. и 1890 г.: общее и особенное в развитии земского законодательства России во второй половине XIX в. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: История. 2002. № 1. с. 69–73.
34. Николаев, Д. А. Нижегородское земство и вопросы помощи русской армии в 1877–1878 гг.: организация ополчения и материально-финансовое обеспечение // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: История. 2003. № 2. с. 101–104. Николаев Д. А. Реформа 1864 г.: рождение российского земства // Местное самоуправление Нижегородской области. 1997. № 6.
35. Николаев, Д. А. Проблемы земского самоуправления на страницах журнала «Русский вестник» // Российский исторический журнал. 1999. № 2.
36. Николаев, Д. А. «Дело пойдет если не хорошо, то вернее...». Записка А. С. Гацкого графу Н. П. Игнатьеву по вопросу о переустройстве земства // Исторический архив. 1999. № 6.
37. Николаев, Д. А. «Нижегородская земская газета» — печатный орган нижегородского земства (история создания и тематические разделы) // Клио. 2000. № 3. с. 184.
38. Николаев, Д. А. Страницы истории Нижегородского края в материалах конференции «Мининские чтения» // Клио. 2014. № 8 (92). с. 143–144.

39. Николаев, Д. А. Некоторые аспекты земской деятельности по усовершенствованию учебных программ татарских школ Нижегородской губернии в начале XX в. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 7—1. с. 76—78.
40. Николаев, Д. А. Всероссийская научная конференция «Финно-угры — славяне—тюрки»: опыт взаимодействия (традиции и новации) // Клио. 2010. № 1. с. 158—159.
41. Николаев, Д. А. Н. И. Храмцовский и реализация идеи «большой» истории Нижнего Новгорода // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Ответственный редактор А. В. Коричко; Министерство образования и науки Российской Федерации, Департамент образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, Нижневартковский государственный университет. 2014. с. 179—181.
42. Николаев, Д. А. Н. И. Храмцовский — «отец истории» Нижнего Новгорода // Личность в истории Нового и Новейшего времени материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ответственные редакторы: И. М. Эрлихсон, Ю. И. Лосев; Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина. 2014. с. 225—227.
43. Николаев, Д. А. Нижегородское земство и деятельность экспедиции В. В. Докучаева // Российский исторический журнал. 2000. № 2.
44. Николаев, Д. А. Уроки истории «вживую» — нижегородский опыт военно-исторической реконструкции // Перспективы развития науки и образования сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Тамбов, 2014. с. 115—117.
45. Николаев, Д. А. Формирование нижегородского ополчения в 1855 году // Нижегородский альманах. 1995. № 1.
46. Пахомова, Е. А. К вопросу о значении международного экономического сотрудничества в сфере развития транспортной системы коммуникации на рубеже XIX—XX веков (на примере Нижегородской губернии) // Актуальные проблемы социальной коммуникации материалы третьей Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2012. с. 259—262.
47. Федотова, А. А. Ботаники в нижегородской экспедиции В. В. Докучаева: «старые» территории, новые задачи // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 4. с. 66—83.
48. Фоменков, А. А. Первая Мировая война как катализатор краха режима дуалистической монархии в России // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 1 (22). с. 7—9.
49. Фоменков, А. А. Правомонархическое движение в Нижегородской губернии (1905—1917 гг.) Дисс. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2002.
50. Хвостова, И. А., Крыськов А. А., Купченко К. В., Морозов В. В., Николаев Д. А. Пакшина Н. А., Репинский С. А., Рудник С. Н., Хвостова И. А., Чедурова Е. М., Щедрина Ю. В., Соловенко И. С. «Великие реформы» второй половины XIX в. в российской провинции. Новосибирск, 2013.
51. Хвостова, И. А., Николаев Д. А. Основные направления деятельности нижегородского земства в области народного образования (1864—1890 гг.): идеи и практика // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6—1. с. 188—194.
52. XVII очередное Нижегородское губернское земское собрание 7—19 января 1882 г. и чрезвычайное губернское земское собрание 20 мая 1881 г. Нижний Новгород, 1882.
53. Доклад губернской управы «О последствиях сношения со специалистами относительно оценки земель Нижегородской губернии для составления на новых основаниях раскладки губернского земского сбора». Нижний Новгород, 1882.
54. XVIII очередное Нижегородское губернское земское собрание 7—14 декабря 1882 г. и чрезвычайное губернское земское собрание 26 апреля и 10 сентября 1882 г. Нижний Новгород, 1883.

Естественные границы как фактор русской колонизации в современной англо-американской историографии

Попов Илья Александрович, аспирант
Казанский (Приволжский) федеральный университет

География — предопределяет расширение Российского государства. Одним из ключевых природных факторов, обусловивших рост территории Российского государства С. М. Соловьёв и В. О. Ключевский называли поиск его естественных границ.

Основными границами естественного происхождения закономерно называются горы. Среди них в истории русской колонизации современные англо-американские историки особенно выделяют Урал. В их интерпретации Урал становится не только естественным барьером колонизации, но и приобретает черты «культурной границы, которая разделяет Азию и Европу» [8, р. 94]. С другой стороны, некоторые исследователи называют Урал, «почти непреступным укреплением, в котором кочевники спасались от давления русских колонизаторов» [2, р. 8]. Однако, Урал можно считать одним из главных доказательств несостоятельности теории о решительном значении природно-географического фактора в развитие русской колонизации с конца XVI по конец XVIII века. Он не помешал русским колонистам начать осваивать Сибирь, как одно из первых направлений русской колонизации еще в конце XVI века. Он так же не был большой помехой для движения степных народов с востока, которые успешно его огибали по территории Великой степи.

Не смотря, на тот факт, что Урал, как самая естественная из границ Московского государства, не был таковым, в современной англо-американской историографии по-прежнему широкое распространение получает теория о поиске естественных границ. Она опирается во многом на идею Соловьёва, что русское государство расширялось, стремясь найти естественные границы, которые будет легко оборонять.

Фред Бергхольц, который занимается историей Степи и Джунгарской империи так же продолжает повторять, что «русские постоянно увеличивали территории своей империи, в поисках границы, которые они легко могли бы защитить, особенно имея дело с кочевыми налётчниками» [1, р. 15]. ЛеДонн поддерживает этот тезис, утверждая даже, что естественные границы России — это границы степи и единственным способом совладать с кочевниками для российского государства было их достижение [3, р. 146]. Эта теория, по его мнению, объясняет расположение всех границ российской империи. Завоевание Кавказа и Закавказья объясняется стремлением обезопасить себя от Османского владычества [4, р. 128]. Расширение на Запад, захват территории Белоруссии и Польши стремлением обезопасить себя от германцев и выстроить прямую линию защиты от стран Западной

Европы. Главный побуждающий мотив расширения российского государства — это превращение её в «непреступную крепость — Россия» со стенами из естественных преград [4, р. 129].

Подобные рассуждения не приносили бы ничего нового в изучение развития русской колонизации со времён Соловьёва, если бы современные англо-американские историки не использовали новые понятия. Ярким примером может служить всё чаще употребляемый касательно русской колонизации в последнее время, термин «Оптимум завоевания». Созданный Оуэном Латтимором как инструмент, объясняющий принципы расширения Китая, данный термин активно применяется тем же Джоном ЛеДонном, как доказательство теории расширения России в ответ на внешние угрозы [3, р. 146]. Используя теорию линии оптимального завоевания, он старается избежать слабостей теории Соловьёва, особенно касательно расширению России на Запад и Кавказ, ведь границы на этих направлениях с точки зрения географии, в конечном счете, установились вовсе не однозначные [5, р. 170].

В целом, соединение традиции географического детерминизма дореволюционной историографии русской колонизации и теорий развития государства, основанных на природно-географических факторах, разработанное в течение XX века западными историками на примере других стран стало общей чертой в трудах многих современных англо-американских исследователей. Подобного рода синтезом они пытаются избежать недостатков каждой из теорий в отдельности, а так же придать истории расширения русского государства универсальность. Последнее ярко проявляется в постоянном сравнении истории расширения России с развитием других стран, будь то Франция или Китай [5, р. 16].

Одним из самых основных понятий, которое встречается у многих англо-американских авторов, занимающихся темой русской колонизации является концепция Хартленда. Хартленд (от англ. Heartland — «срединная земля», «сердцевинная земля») — основное понятие геополитической концепции, созданной более ста лет назад британским профессором географии Оксфордского университета Хэлфордом Дж. Маккиндером. Хартленд, чаще всего включает в себя большую северо-восточную часть Евразийского континента, которая ограничена Северно-Ледовитым океаном с севера и горными системами с юга и востока. Границы Хартленда определяются различными авторами по-разному, однако неизменным остаётся включенность в него территории Сибири. Данная концепция во многом повлияла на становление западной геополитики и геостратегии.

Одной из основных максим концепции Хартленда, сформированной ещё её основателем, гласит, что «Кто контролирует Восточную Европу, тот командует Хартлендом; кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом (то есть Евразией и Африкой); кто контролирует Мировой остров, тот командует миром» [6, р.15]. Опираясь на эту максиму многие исследователи приходят к выводу, что агрессивное расширение Российского государства является следствием её изначального расположения на территории Восточной Европы. Особенно в этом деле себя проявил уже упомянутый нами в связи с теорией «оптимума завоевания» профессор Джон ЛеДонн. Идея Хартленда легла в основу его концепции о стратегии расширения российского государства. Посвящённая этой теме монография «Великая стратегия Российской империи, 1650–1831 гг». [4, р. 288] просто пронизана упоминанием Хартленда, как основного движущего фактора русской колонизации.

Согласно ЛеДонну Хартленд, как основной географически-детерминирующий фактор, сформировал не только границы российского государства, но и оказал сильнейшее влияние на политическое и экономическое устройство России. «Глобальным театром военных действий России был Хартленд, и только изредка империя пересекала его границу, что чаще всего заканчивалось неудачей. Такое положение России определило развитие страны, включая создание крепостной системы, требующей постоянного управления, формирования экономической политики, ориентированной на крупный военно-промышленный комплекс, и сложные экономические отношения России с внешним миром. Россия была военным государством, его дворянство было создано для обслуживания интересов империи, идентичность которого была неотделима от действия на поле битвы в защиту правящего дома и православной веры» [4, р. 6].

Столь широкое толкование значения природно-географического фактора в истории страны вызывает вопросы, насколько эта теория может быть спроецирована на историю других государств или же это является региональной особенностью России. Сам Джон ЛеДонн пытается ответить на этот вопрос оставаясь в рамках теории Хэлфорда Маккиндера. Он активно противопоставляет Российский Хартленд Британскому Костленду. Костленд — это прибрежные земли, которые отделяют Хартленд от Океана. Именно они сформировали западный мир и являются основой мировой экономики [5, р. 168]. Россия же, не смогла построить включённую в мировую торговлю экономику именно из-за оторванности от общей экономики Костленда [5, р. 169].

Джон ЛеДонн в концепции Хартленда так же пытается найти объяснение отличия России от других континентальных империй, таких как Австро-Венгерская и Османская. Он считает, что именно «понимание российской истории, как истории Хартленда, помогает нам поместить формирование Российской империи в глобальный контекст.

Расширение европейских государств, и формирование колониальных империй было результатом строго европейских событий: политических, религиозных, технологических, финансовых и коммерческих — событий территории Костленда. Российская империя, в отличие от этого, была континентальной империей Хартленда» [3, р. 153].

Всё это на самом деле выглядит как большая условность, вследствие неоднозначности границ Хартленда. Если в теории Маккиндера по морю он граничит только с Северно-ледовитым океаном, то Российское государство имеет ещё и вполне свободный выход к Тихому океану. Возможно, положение России на территории Хартленда и послужило основой для формирования континентальной, а не морской державы, однако оно не объясняет формирование империй Ближнего и Дальнего Востока. В любом случае, при обращении к концепции Хартленда следует учитывать, что она была сформирована в начале прошлого века, в эпоху кризиса колониальных империй Европы, когда требовались новые теоретические построения для формирования стратегий развития мирового сообщества. Основная критика концепции Хартленда заключается в её редукционизме и упрощённости восприятия. Использование её в отношении русской колонизации с конца XVI по конец XVIII века не снимает эту критику, а наоборот даёт больше поводов для критических суждений.

Однако, следует заметить, что термин Хартленд претерпел большую эволюцию за последние 100 лет в работах современных англо-американских исследователей русской колонизации и встречается в различных толкованиях. Под влиянием Давида Хусона распространилось понимание Хартленда, как срединных земель любого государства. В таком значении у многих авторов Хартленд упоминается и касательно русского территориального расширения. Например, Джон Ричардс Хартлендом называет «область смешанного леса северо-востока. Это был очаг, или центр, российской цивилизации. В конце пятнадцатого столетия, центр простирался из Вологды на севере, в 580 километрах к югу к Туле; и из Смоленска на западе, в 740 километрах к востоку к Новгороду. Эти границы определили область, населённую всецело этническими русскими, которые были сторонниками православия» [7, р. 244]. Данное понимание термина Хартленд уже далеко от географического детерминизма и стоит на грани смешения природно-географического фактора русской колонизации как такого и истории народов.

В заключение можно сказать, что, не смотря на большое влияние новых теорий и подходов, на использование новых терминов и понятий и на критику, в основе представлений современных англо-американских авторов о природно-географических факторах русской колонизации по-прежнему лежат идеи, сформированные российскими дореволюционными историками и их учениками. Эти идеи прошли сильную трансформацию, получили новый вид, но не сильно изменили своей сути.

Литература:

1. Bergholz., F.W. The partition of the steppe: the struggle of the Russians, Manchus, and the Zunghar Mongols for empire in Central Asia, 1619–1758: a study in power politics, American University Studies, Series IX, History, Vol. 109, New York: Peter Lang Publishing, 1993. — 799 pp.
2. Donnelly, A. S. The Russian Conquest of Bashkiria, 1552–1740: A Case Study in Imperialism. New Haven: Yale University Press, 1968. — 224 pp.
3. LeDonne, J. The Frontier in modern Russian history // Russian History. 1992. — № 19, Nos. 1–4.
4. LeDonne, J. The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831, Oxford: Oxford University Press, 1997. — 288 pp.
5. LeDonne, J. The Russian Empire and the World, 1700–1917. The Geopolitics of Expansion and Containment. New York, Oxford: Oxford University Press, 1997. — 416 pp.
6. Mackinder, H. J. Democratic Ideals and Reality. N.Y. 1942.
7. Richards, J. F. The Unending Frontier — an Environmental History of the Early Modern World. Berkeley, Calif.: University of California, 2003. — 618 pp.
8. Steinwedel, C. How Bashkiria Became Part of European Russia, 1762–1881. // Burbank J., Von Hagen M., Remnev A. V. Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930. Bloomington: Indiana University Press, 2007.

Роль православных священнослужителей в процессе воспитания подростков острова Сахалин (середина XIX — начало XX веков)

Пряшников Сергей Владимирович, теолог, аспирант
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (г. Москва)

В представленной статье автор пытается обозначить роль и значение деятельности духовенства острова Сахалин в преодолении пагубного влияния атмосферы каторги на подростков в дореволюционный период. Середина XIX — начало XX веков это время активного освоения островных территорий. Учреждение каторги, доставка на Сахалин ссыльнокаторжных и поселенцев увеличило население острова. Вместе с этим возросло количество детей, что требовало решения вопроса с организацией школьного дела. Представители Православной Церкви, как священнослужители, так и члены их семей принимали самое активное участие в становлении системы образования: открывали новые школы, укрепляли материально-техническую базу, вели преподавательскую деятельность. Самым важным в их служении было нравственное воспитание детей, ослабление пагубного влияния греха, злобы и безразличия.

Ключевые слова: православие на Сахалине; девиантное поведение; островные священники; система образования Сахалина; дети острова Сахалин.

Подростковый возраст обусловлен рядом особенностей, учитывая которые, можно избежать ошибок в воспитании детей. Возрастная психология довольно чётко определяет границы подросткового возраста. До 12 лет каждый ребенок представляет собой подрастающую личность с пока еще детскими и невинными интересами. Но буквально через год этого же ребенка порой трудно узнать. В переходный возраст даже самые послушные дети могут стать неуправляемыми.

Девиантное поведение является основной проблемой, с которой сталкиваются взрослые. Оно выражено такими асоциальными явлениями как преступность, наркомания, алкоголизм, самоубийство, трудовое, компьютерное, игровая и компьютерная зависимость, пищевая зависимость и сексуальная девиация. Предупреждением такого поведения прежде всего могут стать доверие в семье и близкое общение с ребенком. Источником конфликта с представи-

телями старшего поколения может стать отсутствие в этом возрасте устойчивой системы координат — системы жизненных ценностей, которая позволяла бы реально оценивать события [5, с. 234]. Сформировать эту систему может религиозное воспитание, в частности православная культура. Соприкасаясь с набором нравственных установок, человек учится адекватно реагировать на окружающий его мир. Соприкосновение с православием для подростка, переживающего кризис подросткового возраста, не всегда должен быть сопряжен с походом в Церковь. В. В. Зеньковский предостерегает родителей от распространенных ошибок: «И как бывает опасно, а порой даже губительно для религиозной жизни подростка, когда в период сложной душевной работы, период тревожных исканий мятущейся души, родители или школа думает не о том, чтобы войти в эту внутреннюю драму души, а заставляет идти в Церковь. Ничего, кроме лицемерия, недоброй враждебности

к религиозной жизни, не дают такие меры» [1, с. 169]. Основная задача взрослых понять своего ребёнка. Православная педагогика строится на законе любви и об этом пишут известные деятели: святитель Феофан Затворник, праведный Иоанн Кронштадский и др. Православная среда воспитания предполагает наличие стороннего авторитета. Таким становится священник, «свой батюшка», который найдет нужные слова, помолится, поддержит.

Когда мы рассматриваем жизнь каторги острова Сахалин с середины XIX — начале XX веков, то необходимо отметить следующее. На острове, как нигде на Дальнем Востоке в виду разнообразия населения Православной Церкви отводилась особая роль. Она должна была оказывать благотворное влияние на нравственное здоровье населения [2, с. 47]. Дети, которые приезжали со своими родителями, или рождались на далеком острове, попадали в жуткую атмосферу места отбывания наказаний. Как отмечали современники, сахалинские дети с воспитанием крайне нуждались и в школах, призванных перевоспитать ребенка или ослабить влияние преступной семьи. Очевидно понятно, что все низменные пороки в поведении взрослого населения, оказывали влияние и на подрастающее поколение. Здесь на Сахалине в указанный период жестокость, убийства, несправедливость и прочие отрицательные качества могли быть преодолимы только заботой и духовным окормлением православного духовенства. Здесь основными характеристика общественной жизни являлись бездуховности и безнравственности. Священнослужителям необходимо было приложить массу усилий, чтобы достучаться до сердец сахалинских детей. Что же делало для этого духовенство.

Первое, участие в открытии школ. Первоначально школы принадлежали Тюремному ведомству, затем Министерству Народного просвещения. Свои, церковно-приходские школы, причты Сахалинской церкви не могли себе позволить. Несмотря на то, что школьное образование поначалу создавалось само по себе, мы находим исторические свидетельства, что проезд в далекое поселение священника возобновлял работу когда-то закрытой школы. Например, учебный 1895—1896 год в школе селе Мало-Тымовского прошел успешно, благодаря приезду нового священника Стефана Уверова. Не только он, но и его матушка Уверова Вера Михайловна совершенно бесплатно трудились преподавателями [3, с. 78—79]. Рапорт начальника Корсаковского поста № 2789 от 15 января 1891 года рассказывает нам о том, что с прибытием в пост Корсаковский священника Петра Ляхощкого в поселении Владимировка вновь была открыта школа на 10 учеников [4, с. 41]. Наряду с инициативами по открытию старых школ, члены семей

священнослужителей работали в двух классных школах и местных училищах, принадлежащих разным ведомствам.

Второе. Все священнослужители, изъявившие свое согласие на сахалинское служение, имели значительный педагогический опыт. В послужных списках он отмечен преподаванием Закона Божьего, чтения и чистописания и прочих наук. Это помогало им преодолевать недостаток воспитания в детях, чья судьба была связана с каторгой.

В-третьих, православное духовенство участвовало в создании условий для воспитания подростков. Священники возглавляли церковно-приходские попечительства, формировали приходские и школьные библиотеки, составляли учебные программы и пособия.

К концу XIX столетия на Сахалине работало уже 5 двухклассных и 18 одноклассных школ. В них духовенство пыталось преодолевать негативное влияние каторги. Для воспитания детей ссыльнокаторжных и поселенцев в духе христианской веры создавались соответствующие условия, на уроках провозглашались нравственные ценности, которые были призваны охранять подростков от всего дурного. Неоценимую роль в преодолении девиантного поведения играли представители Православной Церкви. Нужно было не просто уберечь детей от разлагающейся атмосферы, но дать им основные понятия о человеке, святости его жизни и путей преодоления греха и пороков. Островные школы являлись очагами культурной и духовной жизни. Из-за отсутствия квалифицированных специалистов многие из них закрывались, лишая подростков возможности обучаться. Священнослужители, прибыв на Сахалин, зачастую возобновляли занятия в закрытых школах, комплектовали их учебными и наглядными пособиями, участвовали в самом процессе образования и воспитания. Деятельность островного духовенства было необходимо. Она позитивно сказывалась на провинции XIX столетия: «Священники, стремившиеся помочь крестьянам стать свободными сельскими обывателями, предлагали им самим и их детям учиться грамоте. Часто приходилось убеждать прихожан в пользу грамотности; если это удавалось, в доме священника начинались уроки. Все необходимое для этого священники обычно заводили на собственные средства» [6, с. 72]. К сожалению, на острове не было приложено достаточно сил к более эффективной деятельности системы образования со стороны властей. Позднее возникновение, недостаточность финансирования островных школ, отсутствие грамотных учителей всё это затрудняло сам процесс воспитания. На помощь в такой ситуации приходили священнослужители и члены их семей, оказывая позитивное влияние на атмосферу островной каторги.

Литература:

1. Зеньковский, В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М., 1993.
2. Курбатов, О. А. Русская Православная Церковь на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX веков. СПб., 2003.
3. Материалы об отпуске аванса в сумме 4000 рублей на содержание школ для детей ссыльных в 1891 году. РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 654.
4. О школах острова Сахалин за 1895—1896 гг. РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 1336.

5. Склярова, Т. В., Носкова Н. В. Возрастная психология для социальных педагогов. М.: ПСТГУ, 2010.
6. Скоробач, И. В. Становление народного образования на Сахалине во второй половине XIX — в первой четверти XX века. Ю.-Сахалинск, 2002.

Уклонение от воинской службы в годы Первой мировой войны (1914-февраль 1917 гг.) в Казанской и Симбирской губерниях

Фадеев Дмитрий Игоревич, аспирант, младший научный сотрудник ОГБУК
Ульяновский государственный университет, Ульяновский областной краеведческий музей им. И. А. Гончарова

Первая мировая война явилась для российского общества испытанием на прочность. Уклонение от военной службы стало с одной стороны показателем неприятия войны, с другой — фактором напряжения в общественно-политической жизни.

В данной статье на материалах Национального архива республики Татарстан (НАРТ) и Государственного архива Ульяновской области (ГАУО) представлены факты уклонения от военной службы в Казанской и Симбирской губерниях. Хронологические рамки статьи: лето 1914 г. (начало массовых мобилизаций в армию) — февраль 1917 г. (свержение царской власти и коренные изменения в политической и общественной жизни страны, гигантские масштабы дезертирства и уклонения). Все даты даны по старому стилю.

Поначалу взрыв патриотизма обеспечил массовую явку на мобилизационные пункты. Отмечались и случаи уклонения из необходимости уходящих на войну крестьян разобраться с хозяйством. Только по Ардатскому уезду Симбирской губернии в начале мобилизации на призывные участки не явилось до 200 человек [21, с. 94]. Пресса сообщала и о редких попытках запасных нижних чинов к самоубийству. К примеру, в Симбирске 19 июля 1914 г. в канцелярии воинского начальника запасной нижний чин принял «большую [дозу] уксусной эссенции» [17, с. 3]. В 1915 г. общество, потеряв значительную часть трудоспособного мужского населения, уже сочувствовало уклонистам [19, с. 43]. К октябрю население Казанской и Симбирской губернии уже не верило в победу, а к февралю 1917 г. люди хотели мира на любых условиях [11, л. 21].

Существовало множество способов освобождения от службы, зависящих от социального положения уклониста [18, с. 44]. Мусульманское население губерний, как замечали жандармы, относилось к войне негативно, сочувствуя Турции. Осенью 1915 г. в отчетах жандармов сообщалось, что среди татарского населения замечалось «почти массовое уклонение» [9, л. 87]. Членовредительство стало здесь основным способом уклонения. На одном из участков Симбирской губернии комиссия обнаружила умышленное повреждение ушных перепонки у 18 призывников-мусульман [8, л. 454 об.]. Отмечено,

что полной статистики уклонений за войну составлено не было, но в некоторых партиях призванных, прибывших на медицинское обследование от уездных воинских начальников, насчитывалось до 12% симулянтов и членовредителей [2, с. 9]. В апреле 1915 г. в Спасском уезде Казанской губернии когда на сборном пункте двум ратникам ополчения из крестьян стало плохо, другие заподозрили в них уклонистов. С окончанием мобилизации по уезду до требуемой цифры 1550 человек не набралось более 500, и возмущенные ратники ополчения выдавали «портивших» себя односельчан [13, л. 56–58 об.]. Там же в ноябре при мобилизации ратников ополчения 2-го разряда задержали уклонистов: первый повредил ухо, второй — ногу, третий же с объявления мобилизации голодал и пил настой табака, отчего «почернел и стал иметь вид совершенно больного человека» [13, л. 86 об.]. В Симбирской губернии в Курмышскую земскую больницу поступил 20-летний крестьянин с якобы врожденной опухолью на животе, произведенной «от впрыскивания какого-либо агента под кожу» [4, л. 4]. Как отмечалось жандармами, остальная часть «иностранческого» населения губерний (к примеру, мордва), шла в армию спокойно.

Люди обеспеченные откупались от призыва. Осенью 1915 г. улицы г. Цивильска Казанской губернии были оклеены листовками, призывавшими к суду над членами Воинского присутствия, за деньги освобождавшими богатых от военной службы [20, с. 179]. Уклонение богатых горожан и крестьян возмущало солдат. Так с 1 июня 1916 г. по 1 января 1917 г. по Казанской местной бригаде поступали жалобы на 504 уклонистов, «особенно много жалоб было по Казанскому уезду, где отсрочки получили 423 человека» [21, с. 96]. В Симбирской губернии в начале 1916 г., пока жители г. Буинска возмущались слухом, что за 500 руб. врачи избавили от призыва нескольких богачей, в г. Сызрани интеллигенция обсуждала способы уклонения. Начальнику симбирских жандармов сообщали о собрании членов Симбирского биржевого комитета в ноябре 1916 г. по вопросу образования паевого товарищества для закупок хлеба армии. Паевые вклады могли освободить некоторых членов товарищества от призыва в армию [10, л. 664 об.].

Находились и уклонисты «со стажем». В 1916 г. полицейский урядник Буинского уезда выяснил, что проживающий в деревне 40-летний дворянин Скрипинин отбывать воинскую повинность не собиравшись, так как в призывных списках по уезду внесенным не значился [3, л. 1]. Он должен был поступить на службу еще в 1896 г., чего избежал якобы по неведению. Выяснилось, что еще четверо его родственников к отбытию воинской повинности не являлись, и местное волостное правление их не вносило в призывные списки. Казанские жандармы узнали о работе в 1914 — начале 1916 гг. в г. Чистополе «шайки», где состояли врач и писарь уездного по воинской повинности присутствия, освобождавшей за вознаграждение от воинской повинности богачей даже из других городов [14, л. 29 об.].

Популярным стало изменение специальности, поступление на работу, освобождающую от военной службы. Его выбирали лица, менее знатные. В одном из списков ратников 1-го и 2-го разрядов, поступивших на железнодорожную службу, среди 33 человек числилось 10 приказчиков, 7 извозчиков, 7 торговцев [10, л. 468]. Приказчики, сыновья зажиточных родителей шли работать на железную дорогу и пароходы. Так в 1915 г. Сенгилеевский городской голова собиравшись избавить от воинской службы племянника, поместив его контролером на собственном пароходе. Народ питал ненависть к поступившим в ходе войны на должности, освобождающие от службы. Летом 1915 г. казанские рабочие были недовольны зачислением богатых людей служащими на заводы. Так на пороховой завод новые рабочие ездили на собственных лошадях, а за выполнение тяжелых работ платили своим нуждающимся товарищам [12, л. 24 об. — 25]. К весне 1916 г. дошедшие сведения об уклонении богатых сильно возмутили солдат действующей армии. В деревне же обеспеченные крестьяне «ответственно относясь к будущему своих отпрысков, отправляли их учиться» [18, с. 44].

Если подкуп не помогал, то оставалось бегство. Родня и друзья всеми способами добивались для уже мобилизованных отпуска, после чего последние бесследно исчезали, как это было в Сызрани в начале 1915 г. С лета 1916 г. отмечался рост количества мужчин призыв-

ного возраста, решивших скрываться в лесах [1, с. 232]. Осенью озлобленные крестьяне с. Шиловки Симбирского уезда общественным приговором обязали стариков, чьи сыновья укрывались, отбывать должности церковных сторожей и выполнять другие работы.

После мрачных слухов с фронта «даже тюремное заключение стало представляться меньшим злом» [16, с. 276]. Так осенью 1915 г. симбирскому губернатору докладывали о сходках молодых людей призывного возраста дома у крестьянина Мартынова. 22-летний Мартынов, подозревавшийся в убийстве, убеждал парней совершить какое-либо крупное уголовное преступление: тогда на службу их как поднадзорных не возьмут [5, л. 194]. Мартынова арестовали, но дурной пример был подан. Так сенгилеевский уездный воинский начальник ноябрьским вечером 1915 г. едва не был избит толпой вооруженных крестьян призывного возраста, но был спасен проходившими солдатами [6, л. 11—17].

В селах родители призывников настраивали народ против «кровопийц» — чиновников и полиции, нелюбовь к которым резко обострилась осенью 1915 г., когда из-за высоких потерь началась мобилизация мужчин старшего возраста (30—40 лет), кормильцев. По всей стране мобилизованные «требовали отправить воевать отсиживавшихся в тылу полицейских» [15, с. 392]. В Казанской и Симбирской губерниях люди считали, что полиции в тылу делать нечего, ведь народ стал трезв, а полицейских следует заменить ранеными солдатами [9, л. 70]. В штаб Казанского военного округа даже поступила анонимка, где утверждалось, что симбирский полицмейстер нежелаящих идти на войну (даже своего дворника) якобы зачисляет в городские [7, л. 204].

В итоге уклонение от военной службы из чисто хозяйственной необходимости превратилось в вопрос выживания и чертой разделения общества, еще одной причиной недовольства властями. Массовое уклонение в Среднем Поволжье началось с осени 1915 г., затронуло все общественные слои, даже дворян и интеллигенцию, поддержавших было войну, а в феврале 1917 г. с падением царского режима и развалом действующей армии приобрело стихийный характер.

Литература:

1. Charques, R. *The Twilight Of Imperial Russia*. New York: Oxford University Press, 1965. — 258 с.
2. Асташов, А. Б. Членовредительство и симуляция болезней в русской армии во время Первой мировой войны // *Новый исторический вестник*. — 2012. — № 4 (34). — с. 6—18.
3. ГАУО., Ф. 1. Оп. 98. Д. 34.
4. ГАУО., Ф. 1. Оп. 99. Д. 31.
5. ГАУО., Ф. 76. Оп. 1. Д. 1187.
6. ГАУО., Ф. 76. Оп. 1. Д. 1210.
7. ГАУО., Ф. 76. Оп. 2. Д. 1943.
8. ГАУО., Ф. 855. Оп. 1. Д. 1254.
9. ГАУО., Ф. 855. Оп. 1. Д. 1279.
10. ГАУО., Ф. 855. Оп. 1. Д. 1320.
11. ГАУО., Ф. 855. Оп. 1. Д. 1386.

12. НАРТ., Ф. 199. Оп. 1. Д. 1022.
13. НАРТ., Ф. 199. Оп. 2. Д. 1569.
14. НАРТ., Ф. 199. Оп. 2. Д. 1636.
15. Нефедов, С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV — начало XX века. Екатеринбург, 2005. — 543 с.
16. Оськин, М. В. Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М., 2011. — 432 с.
17. Покушение на самоубийство // Волжские вести. — 1914. № 1541. — С.3.
18. Трошина, Т. И. Роль военнослужащих в преобразовании социально-культурной сферы // Военно-исторический журнал. — 2012. — № 3. — с. 43–48.
19. Хаген фон М. Пределы реформы: национализм и русская императорская армия в 1874–1917 годы // Отечественная история. — 2004. № 5. — С.37–49.
20. Царская армия в период мировой войны и февральской революции: Сб. документов. Казань, 1932. — 240 с.
21. Шайпак, Л. А. Рост антивоенных настроений солдат как отражение кризиса русской армии в годы Первой мировой войны // Вестник Военного университета. — 2007. — № 1 (9). — с. 92–99.

ФИЛОЛОГИЯ

Простые предложения, выражающие отсутствие лица, предмета, явления в русском и персидском языках

Барари Рахеле, аспирант;
Мадаэни Авал Али, кандидат филологических наук
Тегеранский государственный университет (Иран)

В русском языке отсутствие лица, предмета выражается разнообразными типами предложения. При сообщении об отсутствии чего-либо, кого-либо может измениться конструкция предложения: из двусоставного оно становится односоставным, или же тип односоставной конструкции: от личного к безличному, но в персидском языке не происходит никаких изменений в структуре предложения. Эти расхождения вызывают трудности при усвоении русского языка персоговорящими учащимися.

Ключевые слова: отсутствие, отрицание, русский язык, персидский язык.

Отрицание — одна из свойственных всем языкам мира исходных, семантически неразложимых смысловых категорий, которые не поддаются определению через более простые семантические элементы. Оно является одной из фундаментальных проблем языкознания, поскольку относится к числу функционально-семантических явлений, имеющих универсальный характер.

В данной статье подробно рассматривали особенности простых предложений, которые выражают отсутствие лица, предмета в русском и персидском языках.

Актуальностью исследования определяется сложность материала, сильное влияние родного языка учащихся и трудности по поводу их понимания для персоговорящих учащихся.

Обсуждение

Отрицание есть отсутствие не только объективных связей, но и самых предметов и их признаков. Центром семантического поля данной категории следует считать значение несуществования (небытия), отсутствия, лишности, каким-либо признаком.

Исследователи в области изучения языков указывают на 4 вида отрицания: отсутствие и не существование чего-либо, отказ, не согласие и не принятие.

По словам Васильевы: «Отрицание: смысловой компонент предложения, отражающий представление говорящего о том, что какие-то объекты действительности, их свойство, отношение или некоторое положение дел в целом не существуют». [1, 77]

«Отсутствие чего-либо реализуется в значениях «не существует», «не расположено», «не проявляется что-либо, где-либо» или не имеется что-либо у кого-либо». Эти значения могут найти выражение в специальных синтаксических конструкциях или могут быть выражены просто при помощи частицы *не*, поставленной перед предикатом». [3, 79]

В персидском языке каждый глагол может употребляться в отрицательной форме. Обозначение отрицательного глагола в персидском языке есть приставка «نـ», которая стоит перед основой глагола. [2, 125]. Например:

من کتاب ندارم. У меня нет книги.

В русском языке при сообщении об отсутствии чего-либо может измениться:

а) конструкция предложения: из двусоставного оно становится односоставным:

Таблица 1

Двусоставные предложения	Односоставные предложения
В городе есть театр. در شهر تئاتر هست/ وجود دارد	В городе нет театра. در شهر تئاتر نیست/ وجود ندارد

<i>На стенах были фотографии.</i> روی دیوارها عکسهایی بود/ وجود داشت	<i>На стенах не было фотографий.</i> روی دیوارها عکسی نبود/ وجود نداشت
<i>В доме слышались голоса.</i> در خانه صداهایی شنیده می شد	<i>В доме не слышались голоса.</i> در خانه صدایی شنیده نمیشد

Как видно из вышеуказанных предложений и их персидских эквивалентов, в отличие от русского, в котором при выражении отсутствии чего-либо, в некоторых случаях двусоставные предложения превращаются к одно-

ставным, в персидском языке не изменяется конструкция предложения.

б) тип односоставной конструкции:

Таблица 2

<i>На улице мороз.</i> در خیابان سرد است	<i>На улице нет мороза.</i> در خیابان سرد نیست
<i>В школе был ремонт.</i> در مدرسه تعمیرات بود	<i>В школе не было ремонта.</i> در مدرسه تعمیرات نبود
<i>У него талант.</i> او استعداد دارد	<i>У него нет таланта.</i> او استعداد ندارد

В русском языке при выражении отсутствии чего-либо может быть измениться тип односоставной предложении: от личного к безличным, но в персидском языке не происходит никаких изменений в структуре предложения, лишь утвердительное предложение становится отрицательным.

Отсутствие чего-либо (лица, предмета, явления) в русском языке выражается:

1) глаголом **быть**) *не было, не будет*) с отрицанием:

У меня секретов нет (не было, не будет).

(من رازی ندارم (نداشتم, نخواهم داشت)

Я вчера не был на семинаре.

(دیروز من در سمینار نبودم)

2) глаголами со значением **бытия, существования** с отрицанием:

Словаря на месте не оказалось.

(فرهنگ لغت سر جایش نبود)

В библиотеке не нашлось книг на эту тему.

(کتابی در باره ی این موضوع در کتابخانه پیدا نشد)

Такой улицы в этом городе не существует.

(چنین خیابانی در این شهر وجود ندارد/ نیست)

3) конструкциями **Р. п.+ не+ краткое страдательное причастие** (на —но, — то):

Договоренности не достигнуто.

(توافق حاصل نشد)

Писем не получено.

(نامه ای دریافت نشد)

4) безглагольными предложениями, содержащими частицу **ни** в сочетании с существительными в Р. п.:

У меня ни минутки времени.

(من دقیقه ای وقت ندارم)

Там ни звука.

(آنجا صدایی نیست)

5) отрицательными местоимениями в сочетании с существительными или прилагательными в Р. п.:

В чемодане ничего лишнего.

(هیچ چیز اضافه ای در چمدان نیست)

У нас ничего нового.

(ما هیچ چیز جدیدی نداریم)

В персидском языке отсутствие чего-либо выражается лексически, с помощью отрицательных глаголов как: نبودن, نداشتن, وجود نداشتن. В отличие от русского языка не происходит никаких изменений в структуре предложения (конструкция предложения не изменяется). В русском языке оно выражается не только лексически, но и синтаксически. В большинстве случаев оно выражается родительным падежом.

В русском языке при выражении отсутствия предмета возможно только безличное предложение, а при выражении отсутствия лица — как личное, так и безличное.

В следующем мы определили случаи употребления личных и безличных форм предложений, выражающие отсутствие лица в русском языке и детально рассматривали их, сопоставляя с их персидскими эквивалентами.

Безличное предложение употребляется в следующих случаях:

а) для выражения собственно отсутствия указанного лица где-либо (ождается, что указанное лицо должно было (или могло) находиться в каком-либо месте):

Его не было вчера на собрании.

(دیروز او در جلسه نبود/ حضور نداشت)

Кого сегодня не было на уроке? Саша сегодня не было на уроке.

(امروز چه کسی در کلاس درس نبود/ حضور نداشت؟ امروز ساشا در کلاس درس نبود/ حضور نداشت)

б) при усиленном подчеркивании отсутствия лица:

Нас не было в Петербурге.

(ما در پتروبرگ نبودیم)

Меня не было там. Откуда мне знать, что он говорил?!

!من آنجا نبودم. از کجا بدانم که او چه گفته است؟

в) при указании на определенность действия в конкретной временной:

Меня не будет дома в 5 часов.

من ساعت ۵ در خانه نیستم.

В это время Пети не было в Киеве.

در این زمان پتیا در کییف نبود.

г) при употреблении таких глаголов как: *остаться, оказаться, найтись, произойти, случиться* и т.п.:

Следов не осталось.

ردیابی به جا نمانده بود.

Несчастья не произошло.

بدبختی ای صورت نگرفته بود.

д) если вообще не было чего-либо:

Ошибок в рукописи не встретилось.

اشتباهای در دست نوشته مشاهده نشد.

Денег не нашлось.

پولی به دست نیامد.

з) при употреблении слов, усиливающих отрицание: *никакой, ничей, ничего, ни один*, союз *ни... ни*, частицу *ни* и др.:

Ни одного билета на этот спектакль не осталось.

یک بلیط هم برای این نمایش باقی نمانده است.

На лице его никакой морщинки.

صورتش هیچ چین و چروکی نداشت.

ж) при употреблении слова *нет*:

На небе нет ни звездочки.

در آسمان ستاره ای نیست/ وجود ندارد.

В городе нет никаких происшествий.

در شهر هیچ گونه واقعه ای نیست/ وجود ندارد.

Личное предложение употребляется в следующих случаях:

а) когда говорящий отрицает действие, выраженное глаголом *быть* (сочетание *не был* выражает тот же смысл, что и «не приходил», «не ходил», «не посещал»):

Вчера я не был в театре (не ходил в театр).

(دیروز من تئاتر نبودم (تئاتر نرفتم).

После этого разговора он не был у нас ни разу (не приходил к нам ни разу).

(پس از این مکالمه او یک بار هم پیش ما نبود (پیش ما نیامد).

б) при обращении к собеседнику:

Сергей, почему ты не был вчера в школе?

سرگی، چرا دیروز مدرسه نبودی/ نیامدی؟

в) если говорящий сообщает о себе:

Я вчера не был на семинаре.

دیروز من در سمینار نبودم.

г) при указании на временную неопределенность и длительность действия:

После этого случая он не был у них всю зиму.

پس از این واقعه او کل زمستان پیش آنها نبود / نزد آنها نرفت.

Иван Петрович не был в родном городе несколько лет.

ایوان پتروویچ چندین سال در شهر زادگاهش نبود.

д) когда речь идет о конкретных предметах, известных из конституции:

Замеченные ошибки в рукописи не встречались.

اشتباهات ذکر شده در دست نویس مشاهده نشد.

Те деньги не нашлись.

آن پولها پیدا نشدند.

Сопоставляя русские предложения с их персидскими эквивалентами можно заметить, что отсутствие чего-либо в персидском языке, в отличие от русского, независимо от одушевленности /не одушевленности предметов выражается одинаково — личными предложениями.

Заключение

Рассматривая русские предложения и их персидские эквиваленты, мы пришли к выводу, что в персидском языке отсутствие чего-либо выражается лексически, с помощью отрицательных глаголов как: *وجود*, *نبودن*, *نداشتن*, и в отличие от русского языка не происходит никаких изменений в структуре предложения (конструкция предложения не изменяется). В русском языке оно выражается не только лексически, но и синтаксически. В большинстве случаев оно выражается родительным падежом.

В русском языке при выражении отсутствия предмета возможно только безличное предложение, а при выражении отсутствия лица — как личное, так и безличное, но в персидском языке, в отличие от русского, независимо от одушевленности /неодушевленности предметов выражается одинаково — личными предложениями.

Литература:

1. Н. В. Васильева, Краткий словарь лингвистических терминов, — М., 1995.
2. Практическая грамматика русского языка, под. ред. Н. А. МЕТС, — М., 1985.
3. Нател Ханлари, Грамматика персидского языка, Тенеран, 1377.

Речевое воздействие в рекламе

Былова Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, доцент;

Кочетова Анна Сергеевна, студент

Донской государственный технический университет

Рекламная коммуникация оказывает большое влияние на нашу жизнь, ей посвящают различные теоретические и прикладные исследования.

Сегодня рекламный бизнес активно развивается и способствует формированию особой сферы коммуникации со своеобразным русским языком, различными принципами создания сообщений и критериями их эффективности.

Этот процесс и обусловил цель нашей работы — выявить языковые средства, используемые в рекламе для привлечения внимания потребителя.

В ходе анализа рекламных текстов мы предприняли попытку ответить на несколько вопросов: что такое рекламный текст? Как можно воздействовать на потребителя с помощью речи? Какие методы речевого воздействия используются в рекламе?

Напомним, что исторически реклама была информированием, но в XXI веке значительно расширила сферу своего влияния и присутствия [1].

В наши дни термин «реклама» имеет множество разнообразных определений, поэтому для нас важно было установить сущность понятия «реклама», а также очертить круг явлений, к нему относящихся.

Заметим, что во многих пособиях «реклама» определяется как элемент маркетинга. «Реклама — составная часть маркетинга, одно из средств продвижения товаров на рынок». Однако подобные определения не дают никакого представления о сути рекламы, поэтому необходимо выделить признаки рекламы, проанализировав определения этого понятия, представленные в разнообразных источниках [3].

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дает два значения этого слова:

Оповещение различными способами для создания широкой известности, привлечения потребителей, зрителей. Торговая реклама. Театральная реклама.

Объявление с таким оповещением. Световая реклама [4].

Большая советская энциклопедия предлагает иное определение рекламы:

Информация о потребительских свойствах товаров и различных видов услуг с целью их реализации, создания спроса на них;

Распространение сведений о лице, организации, произведении литературы и т.п. с целью создания им популярности [2].

Данное издание выделяет различные объекты рекламы — товары, услуги, лица, организации, произведения искусства. Кроме того, отмечает зависимость цели рекламы от объекта. И если в толковом словаре внимание

обращается на способ распространения — первый признак рекламы, то здесь назван второй признак — наличие объекта.

Д. Э. Розенталь и Н. Н. Кохтев в учебном пособии для факультетов журналистики обращают особое внимание на субъект рекламы и функции ознакомления потребителей с объектом рекламы [6]. Есть еще два важных признака рекламы — это наличие адресата и информативность.

Кроме того, любая реклама содержит те или иные способы воздействия — графические, изобразительные, речевые. В большинстве работ, посвященных исследованию рекламного теста, понятие «речевое воздействие» сводится к следующему: использование естественного языка, с целью построения сообщений, обладающих повышенной способностью воздействия на сознание и поведение адресата или адресатов сообщения [7].

Но любой рекламный текст уникален, поскольку не только информирует и убеждает, но и формирует отношение к рекламируемому объекту. Также рекламный текст выражает основную рекламную мысль. Он убеждает в целесообразности действия, к которому призывает. Делается это с помощью аргументов, которые делятся на *сильные* и *слабые*. К сильным относят *довод от факта, доводы с помощью цифр, терминов*. Рассмотрим доводы с помощью цифр: «Встречайте новую «Активиа» Кефирную — уникальное соединение полезных свойств «Активиа» и традиционного кефира... и всего 3% жирности» (реклама йогурта «Активиа»). Цифра в данном случае выражает состав продукта. Или «Декубель» вот уже 30 лет занимает ведущие позиции в мире среди увлажняющих средств» (реклама кремов для сухой кожи «Декубель»). Цифрой здесь выражено время.

«Ваши снимки будут всегда четкими, благодаря широкому объективу NIKKOR фокусным расстоянием 28 мм и системой управления вибраций» (реклама цифрового фотоаппарата Nikon COOLPIX S600). В данном случае цифра выражает технические параметры.

Порой цифру «встраивают» в сюжет, что дает ей дополнительное преимущество.

Слабые доводы можно разделить на *рабочие* и *ложные*. Первые вызывают у читателя, зрителя или слушателя позитивные эмоции, а вторые — негатив в адрес рекламодателя, поэтому они неприемлемы в рекламе.

К рабочим доводам относят *авторитет происхождения, авторитет имени и профессионального статуса, авторитет внешнего вида, довод от угрозы, довод к массам, довод от обещания*. Для иллюстрации

вышесказанного приведем пример рекламы, основанной на доводе к массам: «Сто миллионов человек не могут ошибаться!» (реклама «РИДЕРЗ ДАЙДЖЕСТ»). Вероятная реакция: «Их слишком много, чтоб им не доверять». А чаще всего потребитель доверяет мнению большинства. Именно поэтому, находясь в оппозиции, он скорее засомневается в собственной правоте, нежели в правоте большинства.

Среди ложных доводов наиболее опасными является довод от осуждения и аргумент от собственного авторитета. Так, довод от осуждения обязательно вызовет негатив в адрес рекламодателя, как в данном рекламном тексте: «Модели для тех, кто не обладает фигурой манекенщицы». Автор текста не учел, что каждая девушка очень внимательно относится к вопросам своей внешности, поэтому нельзя оскорблять чувства потенциальных покупательниц.

В практике создания рекламных сообщений значительная роль отводится применению скрытых, не контролируемых потребителем способов воздействия. Поэтому современная реклама открывает большой простор для осуществления различного рода манипулятивных действий. Напомним: «Манипуляция — это вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [5]. Таким образом, целью манипуляций является побуждение одного человека другим совершить определенные действия, изменить ценностные ориентиры. При этом манипулятор стремится вызвать у объекта манипуляций иллюзию независимости, самостоятельности принятия решений и действий, скрывая свои истинные намерения. Целью этого является получение выгоды для себя за счет другого, не осознающего это. Приемы манипулирования сознанием аудитории существуют тысячелетия.

А в рекламном тексте манипуляции применяют при наличии основной информации, содержащей ценностные значения и дополнительной информации, задача которой заключается в приведении восприятия человека благоприятное для принятия основной информации состояния. Этого можно достичь с помощью речевой экспрессии, которая создается различными лексическими, фразеологическими, словообразовательными и грамматическими средствами.

В первую очередь рассмотрим лексические средства, наиболее часто употребляемые в рекламных текстах: эмоционально окрашенные слова, сравнения, сравнительная лексика, эпитеты, термины. Приведем пример: «Фруктово-цветочный парфюм La Perla Divina **покорит** твое сердце с первых аккордов и **унесет** тебя в **роскошный** сад, где тебя **закружат** ароматы спелой земляники, розы, жасмина в сочетании цвета и нежным вплетением мускуса, ванили и коры деревьев светлых пород» (реклама парфюма La Perla Divina). Используя эмоционально —

окрашенную лексику, автор сообщения подчеркивает, что данный продукт не просто хорош, но даже в какой-то степени уникален своими ароматическими свойствами.

Некоторые рекламодатели, используя сравнения и сравнительную лексику, рассказывают о новом продукте, утверждая, что он справляется со своей задачей лучше, нежели старый. А восторженные эпитеты «новинка», «эксклюзив», «революционный», «первый», «единственный», «эффективный», «неповторимый» и т.д. наталкивают потребителя на мысль, что только данный определённый товар справляется с работой, а все прочие его аналоги безнадежно устарели: «Единственный антиперспирант с экстрактом жемчуга, который заботится о красоте вашей кожи и защищает вас 48 часов. Жемчужная красота — первый дезодорант для красоты вашей кожи от Nivea (реклама дезодоранта от «Nivea»).

Мы заметили, что для акцентирования внимания на превосходстве одного продукта над другими, часто используется слово «отборное», словосочетания, обозначающие натуральность продукта: безупречное качество, качественные ингредиенты, настоящий. Пример: «Свежее и вкусное **отборное** молоко из Нижней Тавды. Натуральность в каждой капле!» (реклама молока «Нижняя Тавда»).

Помимо реализации продуктом своего общего назначения, единого для всех, потребители ожидают получить от него и индивидуальную выгоду. Как в данном примере: «Здоровая красивая кожа — важная составляющая уверенности в себе. Повысить самооценку поможет тебе гель со щеточкой двойного действия «Чистая кожа. Блеск контроль» (реклама очищающего средства для лица от Garnier). В данном рекламном сообщении рекламодатель не упоминает никаких полезных свойств продукта, его очищающих качеств, за исключением его способности «повысить самооценку».

Еще одно действенное средство в продвижении товара — это эксплуатация «авторитета» как формы обращения к потребителям и в то же время способ их убеждения. Ссылки на авторитет в рекламе начали использовать уже очень давно. Так, некоторые исследователи находят ссылки на авторитет даже в религиозных текстах (Библия, Коран). Этот прием в теории и практике рекламной деятельности получил название «testimonial» («тестимониэл») — «свидетельство» (англ.). Первоначально этим термином обозначались показания любого человека в пользу товара. В настоящее время под данным термином подразумеваются чаще всего рекомендации известных людей [8]. Например, реклама музыкальной аппаратуры «Тошиба»: «Машина времени» выбирает ТОШИБА».

На мнение ассоциации стоматологов России, рекомендующей жвачки, союза дерматологов России, одобряющего кремы, союза педиатров России, благословляющего детские бренды, ссылаются многие создатели рекламы. Даже для холодильника LG совершенно не лишними оказываются рекомендации от «Клиники НИИ и питания

РАМН» и «Национальной ассоциации диетологов и нутрициологов». На наш взгляд, причина проста: знания человека об окружающем мире ограничены, поэтому он вынужден прислушиваться к мнению более компетентных в той или иной сфере людей. Поэтому реклама и представляет слово всевозможным экспертам лабораторий, манипулирующих приборами неясного для рядового потребителя происхождения и предназначения.

К чему еще прибегают рекламщики? Вспомните апелляции к традициям и «претензии на старину»: «*Качество, проверенное временем*»; «*вековой опыт*»; «*вековые традиции*». На бальзаме «БИТНЕР» сама этикетка в виде старого, изъеденного временем пергамента, является визуализацией этого стереотипа. Пример из рекламы виски JOHNIE WALKER BLACK LABEL: «*Это виски — «обет молчания» на долгие 12 лет. Именно такой срок в особых дубовых бочках зреют сорок отборных сортов солодового виски, чтоб составить удивительный букет настоящего шотландского виски с необыкновенно мягким и насыщенным вкусом. Это долгий, трудный путь к совершенству*».

Даже термины частые действующие лица в рекламе, поскольку механизм действия термина прост: тот, кто говорит умные слова, сам непременно умен и, более того, хорошо знает предмет разговора. Следовательно, заслуживает доверия и внимания к своим словам. Широко известные термины (*деформация, иммунитет, терапия*) активно эксплуатируются в рекламе, так как они понятны всем и добавляют тексту респектабельность: «Бета-каротин, входящий в состав напитка, способствует предупреждению раковых, сердечно-сосудистых заболеваний, гиповитаминозов. Стимулирует иммунитет организма, нейтрализует вредное воздействие неблагоприятных экологических факторов» (реклама газированного напитка с небольшим добавлением бета-каротина). Узкоспециальные термины понятны только узкому кругу специалистов, поэтому, употребленные в рекламе, они нуждаются в расшифровке, рискуя иначе превратиться в непонятные для большинства слова: «*Нутрилоги. Средство глубокого действия для сухой кожи. Кожа вновь обретает способность вырабатывать липиды*» (Узкоспециальный термин).

Кроме использования специализированных терминов, названия авторитетных организаций также повышают вероятность продажи продукта: «*Независимая международная организация International Taste and quality Institute (Бельгия) провела экспертизу майонезов из разных стран Европы. По решению профессионального жюри, майонез «Salve Французский классический» был назван «Ведущим продуктом». Ни один майонез в Европе не был оценен выше Salve Французского Классического!*» (реклама майонеза *Salve Французский Классический*).

Любые тропы и стилистические приемы создают броский, запоминающийся, неординарный образ. Анализ телевизионной и печатной рекламы показал, что чаще всего

используются такие тропы, как *метафора, эпитет* и *олицетворение*. Например: «*Ощути эффект благотворного воздействия комплексного средства по уходу и восстановлению красоты, пусть твое лицо излучает ангельское сияние!*» (реклама крема для лица Belle De Jour от KENZOKI). Используя метафору, автор предлагает потребителю не просто крем для лица, а некий чудесный «эликсир красоты».

Среди грамматических средств привлечения внимания потребителя мы нашли следующие: *местоимения первого и второго лица; местоимения, обозначающие потребителя; а также ряд синтаксических средств (синтаксический параллелизм, императивы и др.)*.

Употребление *личных местоимений* превращает рекламу из безличной и анонимной в доверительную личностную беседу. Такое рекламное сообщение базируется на эффекте доверия, сопричастности, в которой читатель становится «я».

Еще Дейл Карнеги говорил, что наилучшей тактикой общения является обращение к человеку по имени (наглядный пример этому факту выпуск именных бутылок компанией «Coca Cola»), однако в большинстве случаев автор текста не знает адресата по имени, поэтому он смело заменяет имя личным местоимением.

Синтаксические средства в рекламных сообщениях также призваны убедить потребителя приобрести товар. Так, *эллипсис* — пропуск в речи или тексте подразумеваемой языковой единицы — частый прием: «*Йодомарин — море всегда с тобой!*» (реклама лекарственного препарата Йодомарин).

Глагол в повелительном наклонении может выражать как приказ, так и совет или просьбу (тактика диалогизации): «*Почувствуй обновляющее действие SPA на своих волосах... когда ты просто пользуешься бальзамом — ополаскивателем Pantene дома. Pantene делает волосы в три раза более стойкими к повреждениям. Сияй. Pantene*» (реклама бальзама — ополаскивателя для волос «Pantene»). Императив в данном случае используется в форме совета. Далее идет мотивация, почему нам советуют попробовать именно этот продукт.

Восклицания в рекламных текстах служат исключительно для передачи положительных эмоций и восхищения: «*Гель и бритва теперь вместе! Благодаря встроенным гелиевым подушечкам Venus Breeze бритье стало удобным, как никогда!*» (реклама станков для бритья Gillette Venus Breeze).

Синтаксический параллелизм заключается в тождественном (полном или частичном) строении синтаксических конструкций: «*Решает проблему прыщей. Бережет кожу*» (реклама активного комплекса по уходу за лицом Aspacid).

Использование *вопросительных предложений* связано с фатической функцией рекламы: «*У тебя чувствительная и проблемная кожа? Используй средство тройного действия Normaderm от VICHY*» (реклама очищающего средства для лица Normaderm).

Проведя работу по исследованию визуальной и аудиальной рекламы, мы сделали вывод о том, что в каждом рекламном лозунге присутствует хотя бы один из способов речевого воздействия, следовательно, чаще реклама оказывает негативное влияние на адресата, так как призывает покупать продукты, которые в большинстве случаев не обладают обещанным качеством и эффективностью.

Литература:

1. Бердышев, С. Н. Рекламный текст. Методика составления и оформления [Текст] / Бердышев С. Н. — М.: Дашков и Ко, 2008. — с. 208–212.
2. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / Гл. ред. А. М. Прохоров [Текст] / — 3-е изд. — М.: Сов. энцикл., 1969–1978 — с. 356.
3. Крылов, И. Теория и практика рекламы [Текст] / И. Крылов — М.: Центр, 1996. — с. 12.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / — 4-е изд., доп. — М.: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003 — с. 453.
5. Паршин, П. Б. Речевое воздействие и манипулирование в рекламе [Текст] / Ю. К. Пирогова, А. Н. Баранов, П. Б. Паршин. — М., 2000. — с. 123–127.
6. Розенталь, Д. Э. Язык рекламных текстов: учебное пособие для факультетов журналистики вузов [Текст] / Д. Э. Розенталь, Н. Н. Кохтев. Москва: Высшая школа, 1981. 125 с.
7. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие. [Текст] / И. А. Стернин. — Воронеж: «КО», 2001. — с. 134.
8. Способы речевого воздействия в рекламе. [Электронный ресурс] / А. С. Пронина. — Режим доступа: <http://ns-portal.ru>. — 05.12.2014 г.

В целях психологического воздействия используются различные приемы:

- ссылка на авторитет;
- свидетельства очевидца;
- логическая аргументация;
- эмоциональное воздействие.

Структурный анализ глаголов «give» «buy» «cook»

Гончаров Константин Владимирович, преподаватель
Павлодарский государственный педагогический институт (Казахстан)

Глагол всегда представляет особый интерес для исследователей, так как заключённый в нём потенциал реализуется в различных формах: временных, аспектах, залогах, наклонениях, а также в не личных формах. [1, с. 349] Глагол взаимодействует с другими словами, образуя именное и глагольное сказуемое. Обозначая действие, глагол направляет его на объекты, тем самым формирует прямое или косвенное дополнение. Чтобы управлять объ-

ектами, глаголу нужен субъект. Если необходимо указать дополнительную информацию, тогда появляется обстоятельство. Субъект, объект и обстоятельство проникают в ядро глагола, активизируя глагольное действие для достижения его полной реализации. В результате, глагольное действие вступает в контакт с субъектом, объектом и обстоятельством, формируя устойчивые смысловые связи с каждым из них, как показано в структуре № 1.

структура №1

Важно отметить, что именно направление глагольного действия на любой предмет делает из него объект. Такое действие может управлять как одним объектом, так и двумя. Например: I drink tea. В этом предложении слово «tea» является объектом для действия «drink». Другой пример: I buy her flowers. Здесь указаны два объекта: «her» и «flowers» для действия «buy». Конечно, не все глаголы требуют присутствия двух объектов. Существуют глаголы действия, которых не требуют даже одного объекта. Например, глагол «come» обладает действием, которое не направлено на объект, и поэтому постоянно нуждаются

в обстоятельстве места. Именно глаголы, действия, которых направлены на два объекта, являются предметом исследования в данной статье.

Глагол с двумя объектами представляет собой глагольный узел, [2. с, 24] в котором глагольное действие представлено в виде ядра, которое логически связано с прямым и косвенным объектами. Такое расположение элементов показано в структуре № 2. Данная структура содержит в себе ядерный уровень, который будет подвергаться детальному анализу в выбранных глаголах.

Рассмотрим условия для проведения анализа. Согласно структуре слова, предложенной Ч. К. Огденом и А. А. Ричардсом, каждое слово состоит из денотата, концепта и звуко-графической формы. Данные три компонента становятся тремя уровнями.

Денотативный уровень это уровень физических объектов, которые окружают человека. Взаимодействуя с окружающей средой, человек приобретает отражения этих объектов в своём сознании это и есть концептуальный уровень. Каждый денотат и соответственно концепт имеют звуко-графическую форму. Такие формы применяются для передачи информации, при этом количество форм обычно соответствует количеству денотатов и концептов.

Отношения между формами устанавливаются согласно грамматическому строю языка, что в свою очередь может привести к появлению новых звуко-графических форм для передачи таких отношений. В результате количество форм может быть больше или меньше, чем того требует описываемая ситуация.

Рассмотрим глагол «give» в предложении: Give me the book. Данный глагол полностью соответствует структуре № 1. Для реализации его действия ему нужны основные компоненты: субъект и объект. [3. с. 244] Обстоятельство в данном предложении не присутствует.

Подвергнем анализу само предложение. В предложении присутствуют четыре звуко-графические формы: «give», «me», «the», «book». На денотативном уровне присутствуют только три формы: «give», «me», «book». Артикль «the» не обладает денотатом. На концептуальном уровне отражены все четыре формы. Артикль «the» представлен, но в виде отношения между словом «book» и тем, кому это было сказано. Такое отношение тесно связано с функцией артикля «the»: сое-

динить предмет, о котором идёт речь с тем предметом, который упоминался раньше или единственный в данной обстановке. Именно эта функция и делает артикль значимым, так как он побуждает слушающего соединить услышанное слово «the book» с предметом на столе или с тем предметом, о котором упоминалось раньше. Из этого следует, что артикль не может функционировать без человека, а значит, не может иметь денотат. Однако, можно условно представить его функцию в качестве концепта.

Рассматриваемое предложение не имеет субъекта на звуко-графическом уровне, так как он представлен имплицитно в императиве «Give» согласно грамматике английского языка. Тем не менее, на концептуальном уровне субъектом становится тот, кому адресовано всё предложение.

Рассмотрим ситуации, в которых может реализоваться рассматриваемое предложение, для этого необходимо применить эмпирический метод исследования.

Первая ситуация. Книга, о которой идёт речь, находится на столе не далеко от субъекта этого предложения. Для реализации данного императива субъект сначала берёт книгу в свои руки, а затем осуществляет передачу предмета объекту «me». В результате наблюдения, на денотативном уровне замечены два действия: взять и отдать.

Трансформируем данное предложение в структуру № 2, применяя полученные результаты наблюдения. В итоге появляется структура № 3. Глагольное ядро состоит из двух действий. Первичное действие направлено на прямой объект, а вторичное действие на оба объекта. Наличие двух действий в одном ядре возможно благодаря наличию общего субъекта.

Вторая ситуация. Субъект держит книгу в руках. Услышав императив, субъект прекращает держать книгу в руках и передаёт её объекту «те». В данном случае наблюдается два действия: «прекратить держать» и «дать».

Эти действия также отражаются в ядре глагола «give». В структуре № 4 прекращение первого действия отображается отрицанием «не держать».

Выше рассмотренные ситуации показали наличие у глагола двух первичных действий и одного вторичного. Будучи имплицитно выраженными, первичные действия проявляются благодаря экстралингвистическому контексту. Однако, можно предположить, что здесь происходит акциональное инкорпорирование на ядерном уровне.

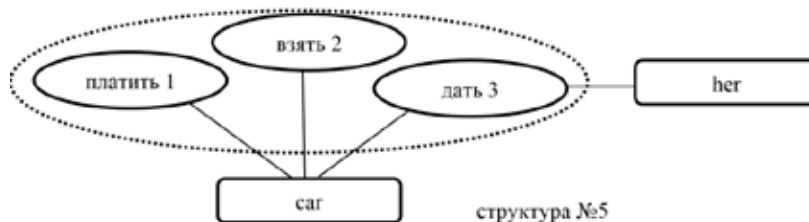
Выделим из предложения глагольный узел «bought her a car», снимем временное отношение с глагола «bought» и получаем глагольное ядро: «buy her a car» что соответствует структуре № 2.

Для дальнейшего исследования поведения глагольного ядра по отношению к объектам, необходимо рассмотреть другие глаголы.

В данном случае необходимо снова прибегнуть к эмпирическому методу исследования. Рассмотрим ситуацию, в которой могло произойти действие, выраженное в предложении: Dad bought her a car last week.

Рассмотрим глагол «buy» в предложение: Dad bought her a car last week. Глагол «buy» полностью соответствует структуре № 1. Субъект действия присутствует в предложении эксплицитно. обстоятельство указано. Действие глагола выражено в прошедшем времени. Неопределённый артикль «a» указывает на количество.

Ситуация. Отец купил машину и пригнал её в гараж. Затем он позвал дочь и отдал ей ключи. В результате наблюдения, субъект платит деньги, берёт товар и отдаёт его объекту «her». На денотативном уровне выделяются три действия: платить, брать и (от)дать, которые помещаются в одно глагольное ядро «buy», как показано в структуре № 5.

Необходимо отметить, что в данном предложении глагольное ядро содержит в себе три действия: два постоянных и одно вариантное. Действие «взять» может и не присутствовать в структуре ядра, если косвенный объект находится непосредственно на месте совершения действия «платить».

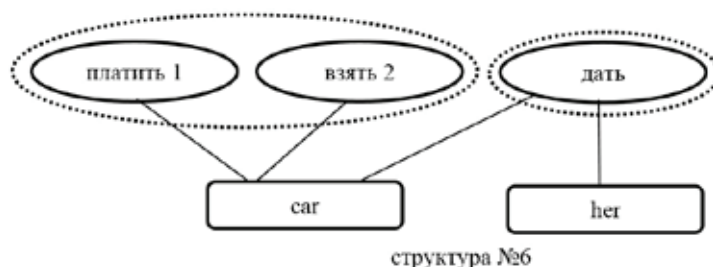
Dad bought her a car. => 爸爸买了车送她。

Рассмотрим данную ситуацию в другой языковой среде. Уберём из предложения обстоятельство времени, затем переведём его.

Произведем сопоставление анализ китайского и английского предложений. Субъект и объекты присутствуют в обоих предложениях. На глагольном уровне действия передаются с помощью одной формы «buy» в английском предложении, и с помощью двух форм «买» (купить) и «送» (дарить) в китайском. Глагол «买» (купить) управляет прямым объектом, а глагол «送» (дарить) управляет косвенным объектом. Такое разделение позволяет выде-

лить два глагольных узла: «买车» (купить машину) и «送她» (дарить ей). Данные узлы необходимо преобразовать в глагольные ядра. Благодаря наличию общего субъекта,

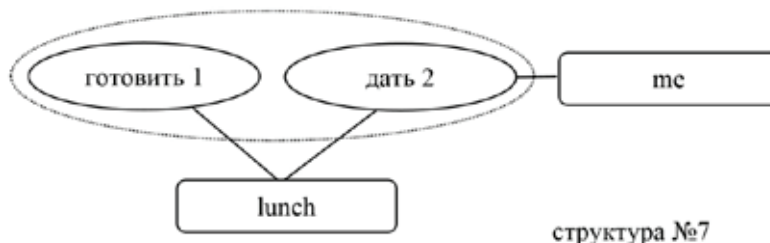
данные ядра имеют свободный доступ к прямому объекту, как показано в структуре № 6.

Подвергнем анализу данную структуру. Глагольное ядро «买» (купить) содержит в себе два действия: «платить» и «взять». Оба действия направлены только на один объект «车» (машина). Глагольное ядро «送» (дарить) имеет одно действие: «дарить», направленное на оба объекта.

В результате сопоставления двух структур, было обнаружено, что английская звуко-графическая форма «buy» может содержать в себе три действия: «платить», «взять», «дать», в то время как китайская форма «买» (купить) может содержать только два действия: «платить» и «взять». Действие «дать» передаётся через отдельную форму «送» (дарить).

Рассмотрим глагол «cook» в предложении: She cooks me lunch. Глагол полностью соответствует структуре № 1. Субъект и объекты присутствуют в предложении. Рассмотрим ситуацию в которой реализовано данное предложение. Каждый день субъект готовит обед и помещает в переносной контейнер, затем отдаёт его объекту «me». Возможен и другой вариант: субъект готовит обед, затем накрывает на стол для объекта «me». Из обоих вариантов выделяем два действия: «готовить» и «дать». Затем преобразовываем предложение в структурный вид, расщепляя глагольное ядро.

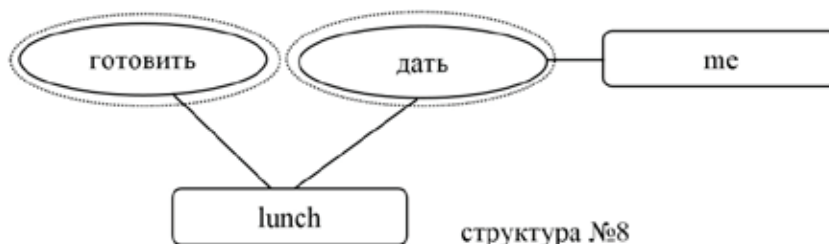

В данном предложении глагол передаёт два действия: «готовить» и «дать». Первичное действие — основное, вторичное актуализируется при наличии косвенного объекта.

Рассмотрим аналогичное предложение на китайском языке. Для этого переведём предложение: «She cooks me lunch». => 她给我做饭。

Сопоставим китайское и английское предложения. Субъект и объекты присутствуют в обоих предложениях. На глагольном уровне действия передаются с помощью одной формы «cook» в английском предложении, и с помощью двух форм: «做» (готовить) и «给» (дать) в ки-

тайском. Необходимо заметить, что иероглиф «给»(дать) может быть как глаголом, так и предлогом. Такое поведение является нормальным для китайского языка, так как отсутствуют чётко выделенные границы между частями речи. [4. с. 224] Как глагол данный иероглиф имеет значение «дать», а как предлог он управляет косвенным объектом. Две функции заключены в одну форму, что позволяет условно приравнять данный иероглиф к глаголу. Это позволит выделить два глагольных узла: «给我»(дать мне) и «做饭» (готовить еду), которые переводятся в глагольные ядра, как показано в структуре № 8.

Глагольное ядро «做» (готовит) управляет прямым объектом «饭» (еда). Глагольное ядро «给» (дать) управляет косвенным объектом «我» (мне).

Английское глагольное ядро «cook» включает в себя два действия: «готовить» и «дать» в то время как китайское глагольное ядро «做» включает в себя только одно действие: готовить.

В результате структурного анализа, выбранные глаголы проявили имплицитно выраженные действия, что

позволило предположить наличие акционального инкорпорирование на ядерном уровне. Также детальный анализ позволил предположить, что наличие косвенного объекта связано с присутствием действия «дать» в глаголах данной группы. Важно отметить, что строй китайского языка не позволяет действию «дать» быть инкорпорированным в формы «做» (готовить) и «买» (покупать) как это произошло в английском и русских языках.

Литература:

1. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове — Москва, Высшая школа 1986.
2. Люсьен Теньер Основы структурного синтаксиса М. Прогресс 1988
3. Селиверстова О. Н. Труды по семантике, Москва: Языки славянской культуры, 2004.
4. Шахаева А. А. «К проблеме изучения грамматической категории вида китайского глагола отечественными лингвистами» Вестник Бурятского Государственного Университета № 8 2009, ББК: 81.71; УДК: 811.58'33.

Лексические и композиционные особенности документного текста (на примере договоров образовательной организации)

Ерещенко Маргарита Владимировна, кандидат филологических наук, доцент;

Кочетова Анна Сергеевна, студент

Донской государственный технический университет

В процессе осуществления деятельности в образовательной организации (далее ОО) возникают вопросы управления трудовыми отношениями, организации труда и регламентации этих процессов. В соответствии со ст. 23 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ выделяют следующие типы ОО, реализующих основные и дополнительные образовательные программы:

дошкольная образовательная организация — образовательная организация, осуществляющая деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми;

общеобразовательная организация — образовательная организация, осуществляющая образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего и (или) среднего общего образования;

профессиональная образовательная организация — образовательная организация, осуществляющая образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования и (или) по программам профессионального обучения;

образовательная организация высшего образования — образовательная организация, осуществляющая образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования и научную деятельность;

организация дополнительного образования — образовательная организация, осуществляющая в качестве

основной цели ее деятельности образовательную деятельность по дополнительным общеобразовательным программам;

организация дополнительного профессионального образования — образовательная организация, осуществляющая в качестве основной цели ее деятельности образовательную деятельность по дополнительным профессиональным программам [3].

Независимо от направления деятельности ОО в ней всегда ведется учет кадров, начиная с приема сотрудника на работу и заканчивая его увольнением. Эти и многие другие процессы, сопровождающие основную деятельность ОО, подлежат официальному документированию. С этой целью создается кадровая служба, количество штатных единиц которой, зависит от списочной численности сотрудников ОО.

Ведение кадровой документации является очень важным фактором для бесперебойной работы любой ОО.

При составлении документации кадровый работник ОО должен соблюдать существующие стандарты в области документирования деятельности. Это важное условие, так как ошибки в документе могут привести к серьезным юридическим проблемам. Для правильного оформления кадровых документов, безусловно, необходимо также знание специфической лексической и композиционной составляющей того или иного вида документа.

Используя клише, штампы и документные формулы в текстах договоров, автор значительно повышает эффек-

тивность данного сообщения, так как практически исключается возможность некорректного, с юридической точки зрения, и неграмотного построения текста (использование тавтологии, плеоназмов, слов, близких по смыслу, неправильно построенных предложений и т.п.). Что касается композиции документного теста (далее — ДТ), то чрезвычайно важно соблюдать правильное соотношение частей документа. В противном случае эффективность текста снижается, а иногда сводится к нулю, что недопустимо в письменном деловом общении.

В данной статье мы рассматриваем документы, относящиеся к кадровой документации. Под обобщающим понятием «кадровая документация, или документация по личному составу» сегодня подразумевают широкий круг документов, содержащих сведения о работниках предприятия и деятельности самой кадровой службы [2]. Она призвана регулировать трудовые и связанные с ними отношения нанимателя и работника внутри образовательного учреждения.

Многочисленные кадровые документы делят на следующие связанные информационным единством комплексы:

законодательные акты, нормативные и нормативно-методические документы, регламентирующие документирование трудовых правоотношений и организацию работы с документами по личному составу;

плановая кадровая документация;
 организационно-правовая кадровая документация;
 персональная документация;
 договорная документация;
 распорядительные документы по личному составу;
 учетные кадровые документы;

документы по учету использования рабочего времени и расчетов с персоналом по оплате труда;

отчетная и отчетно-справочная документация [2].

Но более подробно мы рассмотрим договорную документацию. Документы комплекса кадровой договорной документации регламентируют трудовые правоотношения работников и работодателя. В ходе исследования были проанализированы лексические и композиционные особенности следующих видов документов, составляющих договорную документацию различных ОО: коллективный договор, трудовой договор, договор возмездного оказания услуг, договор подряда, договор о полной материальной ответственности. Рассмотрим подробнее.

В ст. 40 Трудового кодекса Российской Федерации № 197-ФЗ (далее ТК РФ) понятие «коллективный договор» определяется как «правовой акт, регулирующий социально-трудовые отношения в организации» [4]. Он заключается работниками и работодателем в лице их представителей. Исследуя коллективные договоры школ, мы определили, что текст данного вида документа делится на несколько частей: общие положения; трудовой договор; профессиональная подготовка; переподготовка и повышение квалификации работников; высвобождение работников и содействие их трудоустройству; рабочее время

и время отдыха; оплата и нормирование труда; гарантии и компенсации; охрана труда и здоровья; гарантии профсоюзной деятельности; обязательства профкома; контроль за выполнением Коллективного договора; ответственность сторон.

Статья 56 ТК РФ говорит о том, что «трудовой договор — соглашение между работодателем и работником, в соответствии с которым работодатель обязуется предоставить работнику работу по обусловленной трудовой функции, обеспечить условия труда, предусмотренные трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами и данным соглашением, своевременно и в полном размере выплачивать работнику заработную плату, а работник обязуется лично выполнять определенную этим соглашением трудовую функцию, соблюдать правила внутреннего трудового распорядка, действующие у данного работодателя [4].

В нашем случае участниками трудового договора являются «Школа» и любой сотрудник, к примеру, «Заместитель директора». Каковы же композиционные особенности составления данного вида документа? Рассмотрим подробнее наиболее распространенную последовательность расположения частей исследуемых договоров: предмет договора; обязанности сторон; права сторон; оплата труда; другие условия материального обеспечения труда заместителя директора; условия труда; рабочее время и время отдыха; ответственность сторон; порядок разрешения споров; сроки действия договора; основания прекращения действия договор; заключительные положения.

По договору возмездного оказания услуг, согласно ст. 779 Гражданского кодекса Российской Федерации № 51-ФЗ (далее ГК РФ), исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги [5]. Участники договора в данном случае выступают в качестве «Заказчика» и «Исполнителя». Данный вид договора также имеет ряд композиционных особенностей: предмет договора; обязательства сторон договора; гарантии выполнения договора; изменение срока действия договора; документационно — юридические реквизиты договора.

Рассмотрим договор подряда. Согласно со ст. 702 ГК РФ, он представляет собой «соглашение, в соответствии с которым одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать её результат заказчику, а последний обязуется принять результат работы и оплатить его» [5]. Рассматривая композиционную структуру данного вида документа, мы сделали вывод о том, что в большинстве случаев она имеет те же особенности, что и в договорах возмездного оказания услуг.

Договор о полной индивидуальной материальной ответственности регулирует меры ответственности за на-

несение ущерба одной из сторон трудового договора (работник и работодатель), что указано в ст. 238 ТК РФ [4]. Договор заключается в том случае, когда между предпринимателем и гражданином уже заключен трудовой договор. Композиция данного документа состоит из 5 частей: предмет договора; обязанности сторон; ответственность сторон; порядок разрешения споров; сроки действия договора; заключительные положения.

Напомним, что знание композиционных особенностей документа, не гарантирует грамотного создания договора того или иного вида. Как было указано выше, важным моментом является и применение устойчивых единиц языка. Под данными речевыми блоками (нетерминологическими единицами ДТ) подразумевается использование клише, штампов и документных формул. Для того чтобы правильно использовать данные устойчивые обороты на практике, важно понимать отношение понятий штамп, клише и документные формулы в ДТ.

Термин «клише» имеет ряд синонимов: стереотип, шаблон [1]. На практике используются два вида документных клише: инициальные клише (*информируем Вас о том, что...; обращаем Ваше внимание; просим Вас*) и клише неинициального или распределенного вида (*оплата должна поступить на счет и т.п.*).

Следующая группа нетерминологических единиц представлена речевыми штампами. Выражения типа «*принять меры*», «*утвердить положение о...*», «*контроль исполнения возложить на...*» и др.; составляют первую группу штампов — глагольные. Субстантивные речевые штампы имеют следующий вид: «*информирование работников*», «*организация мероприятия*», «*создание условий*» и пр. Последнюю группу составляют наречные и союзные речевые штампы: «*согласно распоряжению*», «*по мере поступления*», «*в соответствии с указом*», «*несмотря на...*», «*в силу сложившихся обстоятельств*» и т.д.

Документные формулы воспроизводятся в виде речевых вариантов текстовых фрагментов. Они выполняют структурно-коммуникативную и маркирующую функцию [1].

Посредством анализа различных договоров, используемых в кадровой документации образовательных учреждений, мы предприняли попытку выявить закономерности использования вышеуказанных устойчивых оборотов, оценить их значение в процессе унификации и стандартизации ДТ, и пришли к следующим выводам:

использование документных клише (в частности инициальных) в текстах договоров в образовательных учреждениях крайне ограничено, т.к. в документах данного вида не встречается форма обращения;

наиболее распространенной группой устойчивых оборотов, применяющихся в текстах исследуемых документов, оказались речевые штампы;

глагольные речевые штампы в большей степени характерны в части, описывающей обязанности сторон: «*исполнять распоряжения*», «*зачислить учащегося*»,

«*осуществлять контроль знаний*», «*обеспечить необходимые условия*», «*обеспечить соблюдение требований*», «*осуществлять еженедельную проверку*», «*посещать родительские собрания*», «*нести полную материальную ответственность*», «*соблюдать пропускной режим*», «*предоставлять сведения*», «*контролировать все виды деятельности*», «*вносить денежные средства*», «*выплатить вознаграждение*», «*выполнять должностные инструкции*», «*соблюдать трудовую дисциплину*», «*поддерживать связь с родителями*», «*проходить аттестацию*», «*выплачивать заработную плату*», «*пользоваться льготами*», «*аттестоваться на добровольной основе*», «*организовывать профессиональную подготовку*» и т.п.

субстантивные штампы чаще всего используются в текстах коллективных договоров: «*расторжение Договора*», «*выполнение трудовых обязанностей*», «*возмещение ущерба*», «*подписание договора*», «*изменение условий*», «*заключение трудового договора*», «*увольнение членов профсоюза*», «*сокращение штата*», «*выполнение дополнительных обязанностей*», «*составление расписания*», «*выполнение хозяйственных работ*», «*восстановление документов*», «*присуждение ученой степени*», «*реализация права*», «*аттестация рабочих мест*», «*ограничение прав*», «*привлечение к сверхурочным работам*», «*определение форм подготовки*» и т.п.

наиболее распространенной группой штампов являются наречные: «*в соответствии со статьей*», «*независимо от сроков увольнения*», «*в строгом соответствии с действующим законодательством*», «*в соответствии с утвержденным перечнем*», «*согласно Приложению*», «*вследствие объективных причин*», «*в случае некачественного выполнения обязательств*», «*в случае проявления форс-мажорных обстоятельств*», «*в рамках учебного плана*», «*в соответствии с Уставом и иными локальными актами*», «*в соответствии с санитарно — гигиеническими требованиями*», «*по соглашению сторон*», «*в результате действий Исполнителя*», «*в соответствии с правилами охраны труда и техники безопасности*», «*в случае дисциплинарного расследования*», «*в целях содействия*», «*в пределах выделенных из бюджета средств*», «*в дополнение к основной нагрузке*», «*в соответствии с требованиями Роспотребнадзора*», «*за исключением случаев, предусмотренных законом*», «*на добровольной основе*», «*в случае успешного прохождения аттестации*», «*в пределах одного среднемесячного заработка*», «*путем удержания из заработной платы*», «*с целью проверки*», «*в случае изменения наименования учреждения*» и т.п.

использование документных формул наиболее ярко отражает стремление к стандартизации и унификации документных текстов:

Муниципальное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № _____, именуемая в дальнейшем «Школа», в лице директора _____, и _____ именуемый (ая) в дальнейшем «Учитель», заключили настоящий договор о нижеследующем.

В части, определяющей предмет договора, также встречаем документные формулы:

ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА

Заказчик поручает, а Исполнитель принимает на себя оказание следующих услуг: проведение курса лекций по теме «Использование лазеров в народном хозяйстве» согласно программе (Приложение 1).

Исполнитель оказывает услуги самостоятельно, с использованием оборудования Заказчика согласно Приложению 2, в согласованное с Заказчиком время и представляет Заказчику указанные в Договоре результаты.

Заказчик после подписания акта приемки и сдачи результатов вышеуказанных услуг (Приложение 3) оплачивает их в размере _____ рублей.

Стороны устанавливают следующий срок оказания услуг:

Начало «__» _____ 200__ г.

Окончание «__» _____ 200__ г.

Общая сумма, выплачиваемая Заказчиком Исполнителю по настоящему договору составляет _____ рублей.

В заключении следует отметить, что и использование устойчивых нетерминологических единиц, и правильное композиционное построение текста, действительно, способствует стандартизации и унификации ДТ; это помогает избежать лексических ошибок и даже юридических проблем, связанных с неграмотным созданием документа.

Литература:

1. Кушнерук, С.П. Состав и функции нетерминологической фразеологии документных текстов/ С.П. Кушнерук// сер. Филология. Искусствоведение. — Структура: Издательство Вестник Нижегородского университета, 2008. — № 6. — С.229–233.
2. Селезнева, Т.А. Кадровое делопроизводство: современный ракурс / Т.А. Селезнева // Документ. Архив. История. Современность. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. — Вып. 6. — с. 356–368.
3. Справочно-правовая система «Консультант Плюс». Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 13.07.2015) [Электронный ресурс]. Режим доступа: base.consultant.ru.
4. Справочно-правовая система «Консультант Плюс». «Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: base.consultant.ru.
5. Справочно-правовая система «Консультант Плюс». «Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: base.consultant.ru.

**Пространство пейзажного мышления в прозе русскоязычного писателя
(на примере повести А. Н. Сергеева «Звездное небо Талгата»)**

Логинова Мария Александровна, соискатель
Челябинский государственный педагогический университет

В общем контексте исследования мировоззрения русскоязычных казахстанских авторов настоящая статья поднимает проблему хронотопической организации художественного произведения, как способа отражения национального мировидения автора.

Ключевые слова: русскоязычный автор, художественное пространство, национальная картина мира, двойственность национального мировидения.

Осмысление феномена русскоязычной литературы требует от исследователей разрешения как теоретических, так и практических проблем, связанных непосредственно с автором и его творением. Поиски «националь-

ного» особенно характерны для литературных текстов, написанных русскими авторами, родившимися или выросшими в инокультурной среде. Мы считаем, что специфическими чертами их творчества является особое мотивное поле, а также сложное ментальное мироощущение.

Отдельный интерес представляют русские писатели, «волею судьбы» оказавшиеся на территории современного Казахстана. История его заселения русскими, начиная с царской империи и заканчивая не только освоением в 1950–60-х годах целинных земель, но и огромной территорией сталинского ГУЛАГА (Карлаг, АЛЖИР), показывает, что будучи потомками переселенцев, русские проживают в Казахстане уже в 4–7 поколениях [1].

Прямым «отголоском» этого исторического процесса стало формирование в 1970-е годы русскоязычной казахстанской творческой элиты: «пафос социального раскрепощения порождал ощущение человеческого братства, взаимный интерес» [2, с. 152]. Фактически, 1960–70-е годы стали творческим «взлетом» русскоязычной казахстанской литературы, представленной именами И. Шухова, В. Гундарева, Г. Бельгера, М. Симашко, И. Потахиной, А. Арцишевского, Т. Мадзигон, Н. Черновой и мн. др. Именно эти, столь короткие (по историческим меркам) два-три десятилетия стали основой специфического мироощущения, выработанного на основе сильного воздействия, или точнее, даже «скрещения» столь разных национальных культур. Естественно, нельзя утверждать, что все писатели, как русские, так и казахи, смогли глубоко «впитать» и посмотреть на иную культуру не со стороны, а «изнутри», став обладателями ценнейших знаний и «особого специфического мироощущения, во многом отличного от господствующего в русской культуре» (Подобрий). Об этом писал в 1958 году М. Ауэзов, полагая, что при изображении национальных типов представителей братских народностей русские писатели зачастую используют нейтральный тип, который он охарактеризовал как «обозначение нации совершенно без национальных черт». [3, с. 52].

Литературные наблюдения М. Ауэзова особенно отчетливо «актуализировались» в 1990-е годы, когда началась массовая культурная иммиграция, для многих писателей проявившаяся, прежде всего, в нежелании оставаться в границах пространства «чужого» государства. Остались те, «для кого не возникла критическая проблема выбора родины и национальной литературной принадлежности за пределами РК» [2, с. 160]. М. Д. Симашко, который, покинув Казахстан (по семейным обстоятельствам) писал: «Все хорошо. Мила еврейская Бат-Яма / Только ночами снятся мне / Цветы и степи Казахстана [4, с. 54]. Среди немногих оставшихся — А. Н. Сергеев.

Поэтому достаточно серьезный вопрос о понимании национального мироощущения русского автора, родившегося или проживающего с раннего возраста в инокультурной среде, в каждом отдельном случае до сих пор остается открытым для литературоведческой науки. Исходя из того, что этот процесс имеет локальные культурные осо-

бенности, происходящие на ментальном уровне, мы приходим к мнению, что ответы нужно искать, анализируя литературную деятельность каждого отдельного русскоязычного автора и литературного процесса в целом.

А. Н. Сергеев относится к представителям «военного поколения». По определению Т. Л. Рыбальченко, это первое выросшее в условиях социализма поколение, «защищавшее в борьбе с фашизмом национальный мир, национальную культуру» [5, с. 167]. Родившись в 1915 году в Туле, в 1920 году с семьей переезжает в Казахстан (Петропавловск), и с тех пор уже не покидает КазССР. По сведениям составителей библиографического указателя «Писатели Казахстана XX века», А. Н. Сергеев очень хорошо знал казахский язык: «... общаясь с казахским народом, он открывал для себя его историю, традиции, быт. ... Живя в Казахстане, он просто впитывал его в себя. И язык стал ему родным» [4, с. 49]. При всем разнообразии сюжетов творческие поиски А. Н. Сергеева шли в трех основных направлениях: военная тема, история Казахстана и современность. Но при этом пространственной доминантой является казахская земля, объединенная таким важным мотивом, как Дом. Традиционно в литературе Дом имеет реальные черты, которые с учетом символических смыслов могут быть интерпретированы в различных образных параллелях. У А. Н. Сергеева это не столько жилище человека в прямом значении этого слова, сколько связь с местом проживания. При этом даже в доминирующих в его творчестве произведениях на военную тематику героями зачастую являются представители казахской национальности. В качестве инструмента авторского самовыражения происходит наложение другого языка (без подстрочника), причем не только казахских имен, но и слов, указывая на их органичное вращение в ткань русскоязычного текста.

Повесть, посвященная героическим подвигам летчиков в Великую отечественную войну, носит название «Звездное небо Талгата». В литературоведении существует большое количество работ, в которых исследуется не случайности антропонимов в художественной литературе. Так, Н. В. Виноградова обращает внимание на то, что имя персонажа обязательно имеет свой дотекстовый потенциал, который может складываться как из культурных реминисценций, так и из семантики, свойственной имени в определенном языке [6, с. 12]. При этом Н. В. Виноградова отмечает, что одним из аспектов антропонимического пространства произведения является «взаимозависимость со средой... поскольку имена задают координаты места и времени и несут информацию об авторе...» [Там же]. Достаточно близким такому определению является определение «дохудожественного пространства», предложенное И. В. Фоменко [7, с. 172]. Это может служить своего рода косвенным доказательством того, что для выросшего и творчески сформировавшегося в пределах Казахстана писателя реальное географическое пространство дало богатый фактический материал для отображения «казахской жизни».

В самом начале повести молодой летчик Талгат прибывает в распоряжение летной эскадрильи. Открытое пространство, представшее перед взором героя, составляет *бревенчатый полустенник* и рядом с ним *запорошенное снегом бревно*. Так как жилище для каждого народа представляет собой явление культуры как в хозяйственном, семейно-бытовом, так и в нравственном отношении, то образ национального мира раскрывается через месторасположение субъектов и объектов в пространстве помещения, предметы быта, «вещный мир». В славянской культуре пятистенник строился как бревенчатая изба, имеющая дополнительную внутреннюю перегородку, служащую для различных житейских целей. Обозначив открытое пространство, как космос славян, автор переходит к описанию внутреннего пространства избы: «*В просторной комнате было полно летчиков. Они сидели на больших деревянных нарах, стоявших у стен скамейках. ... Четверо грудились вокруг стоявшей посередине комнаты железной печурки, на которой кастрюля с вареной в мундире картошкой. Летчики ели ее, макая в рассыпанную по тарелке соль*» [8, с. 7]. Выделенные детали, такие, как месторасположение *скамеек* и *нара* (у стен избы), а также кухонная утварь (кастрюля, тарелка) и продукты питания (картошка, соль) позволяют трактовать замкнутое пространство с позиций его славянского мироустройства. Как утверждает Н. И. Костомаров, русская кухня «вполне была национальна», и основывалась на обычае [9, с. 56]. К примеру, номинация *соль* в тексте выполняет функцию русского гостеприимства: «*Раздевайся летчик. ... Вот тебе наше угощение*» [8, с. 7], и имеет в своей основе обрядовую форму, сохранившийся до наших дней в свадебных обрядах (отведайте вы гости дорогие, наши хлеб да соль). А вот традиция поминания умерших: «*... угрюмо молчали летчики. ... Вечером помянули товарища минутой молчания, выпили по глотку водки*» [Там же, с. 8] описана в Библии «*... Дайте вино огорченному душею, пусть он выпьет... и не вспомнит больше о своем страдании* (Прит. 31:6,7).

Описывая жилище, ставшее местом пребывания летчиков, автор обращается к такой его немаловажной составляющей, как *печь*. Печь, как домашний очаг, дающий тепло и уют, в разных культурах имеет примерно одинаковое толкование, но важным здесь становится именно ее расположение в замкнутом пространстве. Так, у славян издревле *печь* устанавливалась с правой стороны от входа. Как пишет М. В. Семенова, правостороннее расположение печи у славян связано с женским прядением и необходимостью для этого правильного освещения, которое давала печь в зимнее время [10]. А вот у казахов *печь* располагалась в центре жилища (юрты или кыстау — стационарных жилья для зимовок). По предположению исследователя-тюрколога А. Никонова, такое месторасположение непосредственно связано с поклонением тюрков Небу. Отверстие дымохода (шанырака), «избирается как символическое воплощение неба, насе-

ленного духами, и идеальная точка ориентации при восхождении на небо» [11, с. 122]. При этом, как отмечает А. Никонов, «центр шанырака ориентирован, либо сам представляет собой Полярную звезду — неподвижный семантический центр звездного неба» [Там же, с. 126].

Автор фиксирует внимание читателя на данном образе в замкнутом пространстве семь раз. Первое, что видит герой при входе — это *печку*, стоящую в середине комнаты. Именно она выполняет роль центра комнаты — источник света и тепла. О том, что объекты и их расположение включают в себя не только славянский микрокосмос, но и структуру мироустройства, бытующую в сознании казахов, говорит то, что именно вокруг печки полукругом сидят летчики, которая символизирует домашний очаг, выполняющий функцию не столько обогрева от холода, сколько место, предназначенное для еды и разговоров. При этом имеющийся в комнате стол (*сидевшие за столом играли в шахматы*) не показан в качестве зоны приема пищи в свойственной славянам традиции приглашения на трапезу за стол. Культура приветствия у каждого народа вырабатывается опытом многих поколений. Поэтому имеет место говорить о национальных правилах и особенностях приветствия. По казахской традиции, приехавшему издалека уступают место, рассаживаясь от него с левой и правой сторон: «*Отодвинулся, уступая место, ... Летчики окружили его, расспрашивали. ... Талгат ел и рассказывал*» [8, с. 7]. И уже после этого автор показывает, что в пространстве есть еще одна печь: «*А ты, милок, лезь сюда, ко мне, — пригласила Талгата копошившаяся на широкой лежанке старушка, видно хозяйка дома. — Тут вон как тепло да просторно. И подстилки хватит*» [Там же, с. 9]. Два разнонациональных образа в едином пространстве, как отображение двух разных мировоззрений показана как возможность их взаимного существования. Фиксируя внимание на описании русской печи, можно заметить, что автор не использует свойственные русской литературе лексические единицы, такие как *одеяло*, *подушка*, *простынь* и пр., а использует обобщающие лексемы — *лежанка*, *подстилка*.

Интересно, что прибытие героя в летную эскадрилью отмечено таким не значительным, на первый взгляд, событием, как прием приезжего: «*И все, чем и как встретил выпускника летного училища... полк, ... тоже было не совсем так, как ожидал. Не было ни торжественных приемов. ... И вообще, никакого приема*» [Там же, с. 3]. В этой связи Е. Т. Джелбулдин отмечает, что у казахов любое событие не остается без внимания [12, с. 35]. Поэтому отсутствие внимания к приезду Талгата в полк вызвало у него искреннее недоумение и растерянность. Действительно, у русских не принято встречать не приглашенного специально гостя с почестями. Казахи, каким бы не был гость, принимают его по достоинству [Там же, с. 31].

Посетив командиров двух полков, герой получает отказ: «*А ты, — глянул он (командир) на Тал-*

гата... ты, дружок, к соседу, к Малову, в первую». И далее, после отказа Малова: «Ты вот что, ты иди во вторую, к Пошевальникову, он таких любит, возьмет» [8, с. 6]. Е. Т. Желбулдин приводит такие исторические факты: «По казахскому обычаю путник не останавливался в первом попавшемся доме. Если выяснялось, что его не в состоянии принять, он, осведомившись, направлялся в другой дом» [Там же, с. 31]. Таким образом, можно предположить, что казахские обычаи и традиции очень хорошо известны А. Н. Сергееву. Более того, вероятно, что обращение к ним происходит на бессознательном уровне, фиксируя тем самым память не только детства, которое прошло в пространстве казахского аула, но и постепенную адаптацию и «впитывание» в себя культуры, к которой автор не принадлежит по рождению.

Об этом свидетельствует и следующий отрывок. Рассказывая о самолете, на котором летал, герой слушает характеристику, данную командиром самолета: «... один недостаток, хвост у самолета, спина у летчика, голые, ничем не прикрыты... И помни в каждом полете, изворачивайся, крутись, но хвост машины, свою спину фрицу не подставляй. Они, гады, знают, что спина у тебя голая и нороят с хвоста зайти» [Там же, с. 8]. Слово сочетание *хвост самолета* прочно закреплено в русской языковой традиции и относительно частотно в произведениях о «подвигах» русских летчиков. Выражение же *открытая спина, голая спина* вполне может рассматриваться в степной традиции. Кочевой образ жизни, постоянная боязнь набегов (барымта) на протяжении многих веков выработали у казахов собственную тактику ведения боя. Как пишет Л. А. Бобров, важная составляющая этой тактики — защита,крытие спины (образование кольца или полукруга, в результате которого спина находится под прикрытием другого) [13, с. 115].

Также нужно отметить, что у казахов существует выражение «*Конь — крылья джигита*». А. Фишлер в работе «*Номады глазами европейца*» отмечает, что всадник испытывает восхищение конем и преисполнен благодарности к нему [14, с. 121]. У А. Н. Сергеева: «*Об этой машине говорил, захлебываясь от восторга*» [8, с. 8] Если сравнить образ коня с самолетом (железным конем), то вполне можно рассматривать данный образ, как символ кочевника. Благодаря лошади, кочевник сумел выжить в тяжелых условиях кочевий: «... лошадь и спасение, и власть над обстоятельствами и сила проводителя» [14, с. 125]. После боевого вылета герой, нарушивший приказы командира, возвращается на аэродром. Вызывает сомнение, что молодой летчик, только принявшийся в эскадрилью, с первого полета нарушает приказ. Но если связать это с точкой зрения Л. А. Боброва о том, что «казахи действовали более уверенно и эффективно в небольших отрядах, нежели в построениях в составе большой группы» [13, с. 112], то вполне вероятно, что это является национальной чертой: «*Эскадрилью он до-*

гнал у аэродрома...» [8, с. 18]. А. А. Арцишевский, описывая особенности восприятия казаками пространства, отмечает особые способы пространственного ориентирования, такие, как движение по звездам [14, с. 124]: «*Знакомые ориентиры прибавили уверенности. Он бросил самолет вниз, пошел над лесом*» [8, с. 18]. Уверенность в превосходстве, слаженность действий пилота и машины также вызывает ассоциацию с джигитом и лошастью, которая является как бы *продолжением его конечностей, «сливанием в единое целое»* [14, с. 124]: «*И он чувствует прилив силы, уверенности в себе, сознает себя хозяином не только машины, но всего неба, этого бесконечного океана густой и вместе с тем прозрачной*» [8, с. 28] или «... *уловил момент, движение рук, ног, уверенно выполнил и посадку*» [Там же, с. 31]. Еще одна параллель, которую можно провести, это мифологический аспект. В казахской мифологии «*истинной сферой обитания тела и души кочевника остается купол Неба*» [15, с. 349,353].

Вторая глава повести посвящена непосредственно казахской земле. Пространственная характеристика дана в двух измерениях — в реальном мире и в мире воображения. Автор мысленно возвращается к как бы «материализующимся» объектам памяти, сенсорно воспринимаемым героем-повествователем: он их слышит, ощущает запах: «*Степь, бескрайняя, от горизонта до горизонта, вздыбленная крутобокими, островерхими, а то и пологими, с закругленными, будто шаньраки юрт великанов, вершинами... Серебряные ковыли, серебряные же пахучие жусаны*». [8, с. 19]. В этом отрывке воссоздается образ близкого и родного рассказчику пространства родной земли — пространства открытого, безграничного (от горизонта до горизонта). Оно наполнено характерными для Казахстана, с авторской точки зрения, объектами: *взгорье, ковыль, жасан* (степная трава). Во-первых, сравнение *вершин* с юртами характерно для речи человека, живущего в Казахстане. Геометрическая форма юрты имеет куполообразную форму. Куполообразные формы в миропонимании кочевника символизируют кольцо связи между небом и землей и берут истоки в фольклоре казахского народа. Интересно, что автор использует сравнение — юрты великанов. Действительно, юрта от социального статуса ее владельца могла иметь различные размеры. Самые большие (белые) юрты принадлежали знати. Во-вторых, для казахов степные травы являются одним из самых ярких образов казахской степи (ковыль, к примеру, цветет в начале лета, но к осени из белого приобретает сероватый цвет): «*Было это в августе...*» [Там же, с. 20]. Цветовая картина родного пространства представлена серебристым цветом (серебряные ковыли). Дана и чувственно-обонятельная картина пространства — серебряные же пахучие жусаны. В мировоззрении кочевников голубой цвет является *символом Неба*. Серебристый (серебряный, серый) является одним из многочисленных оттенков голубого. Использование автором данного цвета говорит не только о том, что

ему очень хорошо известны климатические условия Казахстана, но и то, что данный цвет несет в себе положительную оценку. В данном контексте он символизирует праздник по случаю рождения ребенка: «*Для съехавшихся из соседних кочевков, стоянок на летовках — жайляу, из аулов людей был зарезан жеребенок, изготовлены объемистые торсыки кумыса...*» [Там же, с. 21]. Кочевой образ жизни выработал в национальном сознании постоянную потребность в контактах, что породило особенное отношение к гостю, а тем более к знатым старейшинам: «*В отдельной юрте собрались аксакалы, пили кумыс, ели жирный куырдак...*» [Там же]. Архетипический образ проведения тоя (праздника), отраженный в древнем казахском обычае затрагивает основы номадического бытия.

В третьей главе повествование смещается в описание культуры взаимоотношений в семье героя. Не сказав отцу, что хочет стать летчиком, Талгат испытывает боязнь того, как воспримет эту новость отец: «*Поступил Талгат в аэроклуб без согласия, даже без ведома отца. ... Не о том мечтал Якубек, — видел сына врачом. Эта заветная мечта тешила его, скрашивала скудное существование*» [Там же, с. 24]. Это отсылает нас к древнему мотиву *неповиновения*, многократно отраженному не только в самом русском фольклоре (сказка «Гуси-лебеди», «Машенька и медведь» и пр.), но и во многих произведениях русской литературы. Для казахской литературы такой мотив, в принципе, не свойственен, за исключением неповиновения жен мужьям. Этот русский мотив сопровождается такими лексемами, как: *рабочие брюшники, обноски, драная кепченка, одежка* [Там же]. В данном случае неважно, сознательно или нет автор использует просторечные слова. Важно, что они свидетельствуют о прочной связи писателя с родным русским разговорным языком. А вот следующий отрывок содержит культурную традицию казахов: «*А ты у нас единственный сын. Девочки, сестры твои, они что вешний снег, подрастут и вон из дома, и нет их. Ты один наша опора, продолжатель рода*» [Там же, с. 29]. На этот счет у казахов существует множество пословиц и поговорок, например: «*Сын — опора, дочь — новая родня*» или «*Кто оставил после себя дочь — оставил свои следы, кто оставил сына — остался сам*». К девочке в семье относились как к гостье, которая вырастет и покинет отчий дом. Интересен факт того, что в древней казахской общине жена считалась собственностью мужа (если муж умирал, то его жена, по праву наследования, переходила к его брату).

Культуру обращения к старшим А. Н. Сергеев описывает, как нормы поведения, принятые в казахских семьях: «*— Подождите, подождите, отец, — отступал Талгат*» или «*— Ата, вы простите меня*» [Там же, с. 28, 29]. Также писатель обращается к этнической традиции знания своих корней: «*... если украл, опозорил меня, весь род наш знаменитый Кара-кесек, всех моих родичей, прямых потомков, на весь Орта жуз*

известных батыров Богенбая, Игенбая, Курмана, Бегельды...» [Там же]. При этом А. Н. Сергеев отмечает не только имена предков героя, но и показывает, каким ремеслом они владели: «*... были у нас и кузнецы — уста — тоже отличные, кожевенники — первющие*» [Там же, с. 31]. Это свидетельствует о глубоком знании быта и традиций казахов.

В финальной части повести автор, как носитель определенной культуры (культур?) «материализует» свои представления о национальном мире: «*До сих пор, идя по дорогам войны, видел... горе, несчастье кругом. Оно было велико, чувствовал его, переживал вместе со всем своим народом. Но то горе было общим. Теперь оно рвануло за сердце самого*» (после смерти в тылу любимой девушки) [Там же, с. 187]. Здесь необъятное пространство России не отменяет ощущение своей большой родины: «*Они (фашистские захватчики) нашли смерть в нашем небе, их кости гниют в земле, болотах России, Белоруссии, Украины...*» [Там же, с. 189]. Притяжательное местоимение *наше* и точные топографические ориентиры показаны как обширная география. Но в тоже время автор подчеркивает неразрывную связь с местом проживания, с малой родиной, которая стала жизненным пространством героя, где живут (жили) родные ему люди: «*Волнующие чувства выхватывают из действительности и несут на своих крыльях... как когда-то в детстве... в тогдашних снах и уносят в безбрежную, прозрачную голубую высь, усыпанную тоже голубыми... звездами. ... А под ним уже и не аэродром. Нет, теперь перед ним, от горизонта до горизонта, стелется... его Елим-ай (родная земля), во имя которой он, не щадя жизни, дрался с врагом*» [Там же, с. 220, 221]. Если обратиться к пространственным предлогам в данном отрывке, которые по И. В. Фоменко, способны отражать особенности мироощущения автора [Там же, с. 152], то из оппозиционной пары «из — в, перед» видно, что движение осуществляется из реальной действительности в другую, которая и определяет фундаментальные пространственные отношения.

Таким образом, мы вправе поставить достаточно серьезный вопрос, связанный с пониманием повести: не значит ли это, что в авторском ощущении пространства имеется принципиально важное для него — *уносят, несут* в иное пространство? Если это действительно так, то тогда особенно значимым для понимания национальной принадлежности, не как этнической, а как эстетической категории становится связь с местом, где прошли детство и юность. Следовательно, родина в понимании автора может интерпретироваться не только как имеющая «русские корни», но и как неотъемлемая часть казахской земли. Это свидетельствует о том, что национальная картина мира может претерпевать значительное изменение под влиянием географического фактора, в результате чего возникает особый хронотоп, характеризующийся дихотомией национального мировосприятия.

Литература:

1. Дубнов, А. Русские в Азии. Русско-казахский мир [электронный ресурс]. — Режим доступа: www.rusazia.net
2. Бадиков, В. В. По гамбургскому счёту: рассказы, повесть, эссе, воспоминания / составители В. Бадикова, А. Арцишевский. Алматы: Идан, 2007. — 400 с.
3. К 100-летию со дня рождения М. Ауэзова. Из архива писателя // Простор, 1997. № 4. с. 51–53.
4. Писатели Казахстана XX века (Библиографический указатель). Отдельное издание С — Я. Алматы: Гос. библиотека им. Джамбула, 2013. — 159 с.
5. Русскоязычная литература в контексте восточнославянской культуры: Сб. статей по материалам Международной Интернет-конференции «Проблемы развития русскоязычной литературы и судьба восточнославянского культурного сообщества» / Под ред. Т. Л. Рыбальченко. — Томск: Изд-во Томс. Ун-та, 2007. — 320 с.
6. Виноградова, Н. В. Имя персонажа в художественном тексте: функционально-семантическая типология: Авт. дис. ... канд. филол. наук. — Тверь, 2001. — 36 с.
7. Фоменко, И. В. Практическая поэтика: учеб. Пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / И. В. Фоменко. — М.: Академия, 2006. — 192 с.
8. Сергеев, А. Н. Звездное небо Талгата. Хроника подвига. Алматы: Казахстан, 1997. 224 с.
9. Костомаров, Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М.: «Республика», 1992. — 301 с.
10. Семенова, М. В. Русская история. Начнем от печки [электронный ресурс]. — Режим доступа: www.rustor.ru
11. Никонов, А. Космография жилища кочевника // Простор, 1998. № 1. с. 119–126.
12. Джелбулдин, Е. Т. Традиции и обычаи казахов. Кокшетау: «Мир печати», 2010. — 342 с.
13. Бобров, Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени. Монография. Санкт-Петербург: Филол. фак-т СПбГУ, 2008. — 782 с.
14. Арцишевский, А. А. Неукротимая эпоха. Эссе, публицистика / Адольф Арцишевский. — Алматы: «Алаш баспары», 2014. — 480 с.
15. Каирбеков, Б. Избранное. Стихи и проза. М.: ТЕЗАУРУС, 2010. — 416 с.

The Application of Instructional Design in College English Teaching

Liu Xiaozheng, master, lecturer
Foreign Language School of Changchun University (China)

Tian Fengjuan, associate professor
Public Foreign Language Teaching and Research Department of Changchun University (China)

Лю Сяочжэн, магистр, старший преподаватель;
Тянь Фэнцзюань, магистр, доцент
Чанчуньский университет (Китай)

Instructional design is an important part for College English teaching, which directly affects the quality of college English teaching. The instructional design can improve students' initiative and the teaching effect. This paper expounds the importance of instructional design in college English teaching, analyzes the problems existing in College English instructional design, and puts forward some suggestions: strengthening the systematic instruction of instructional design theory, emphasizing the teaching objectives and students' needs, optimizing the structure and content of the design, and doing the good system convergence.

Key words: instructional design; college English teaching; application.

Introduction

From the point of view of instructional design, the teaching of college English based on the comprehensive English course is divided into two kinds of situations. The first fails to recognize the importance of instructional design, thinking that as long as teachers are aware of the teaching content and pay attention to making appropriate interaction with

students, they can teach a good lesson. The second is that people think that the character of electron and steps of the teaching material content is all of the instructional design, disregarding the programmatic document or the demand of social development that puts forward higher and more urgent requirements for the cultivation of talents in university education. In this case, the quality and efficiency of college English teaching must be improved. This paper expounds the

necessity of instructional design in college English teaching, and gives the corresponding countermeasures according to the existing problems in college English teaching, so as to improve the instructional design of College English.

The Importance of Instructional Design in College English Teaching

The definition of instructional design is that educational practice workers use systematic point of views and methods to follow the basic rules of the teaching process, system planning, safety and decision-making based on various learning and teaching theory according to the characteristics of teaching objects and their teaching ideas, style. Its importance is mainly reflected in:

Instructional Design is the Bridge and Link of Theory and Practice of College English Teaching and Learning

Teaching theory reveals the objective laws of education and teaching, as well as provides guiding methods of "teaching", including teaching purposes, methods, principles, content, process, effect assessment, etc. The learning theory is the exploration results according to students' psychological and other internal factors. The meaning of putting teaching and learning method into the application of English teaching practice refers to the process where the principle of learning theory and teaching theory are changed into teaching materials and teaching activities by the use of systematic methods.

Instructional design is a Systematic Process which can Predict and Analyze the Possible Problems in the Teaching Process, and Find Solution Reasonable, Targeted and Feasible

Instructional design, which takes the satisfaction of students' needs as the purpose, should first make analysis of demands and teaching targets. Second, the teaching plans should be designed and developed on the basis of integrating teaching resource. Finally, evaluation should be made and added in the process of teaching practice. As a systematic task, instructional design can make the educators have a macro control of the teaching process, make a comprehensive analysis and solve the possible problems, finally improve the teaching practice.

Instructional Design is a Process with Rich Content Reflecting the Individuation

Instructional design has the obvious feature of purpose, pertinence and feasibility, which has the guiding role in teaching process. The content of instructional design covers various elements of teaching process through all the teaching practice. Both the teaching process and effect evaluation are in accordance with the requirements of the

teaching objectives and the guidance, which represents its nature of purpose. The implementation of the teaching content needs to meet the needs of the main body, which represents its nature of pertinence. Instructional design must meet the need of teaching practice, which represents its nature of feasibility. The whole instructional design system to achieve the full realization of specific teaching practice has important guidance and reference value. At the same time, because of the different teaching objectives and subjects, the realization of the teaching process presents different states and characteristics, which reflects the characteristics of the individual.

Problems in College English Instructional Design

With the combination of modern information technology and English teaching, the instructional design plays an increasingly important role in English teaching. But at this stage, because of the lack of the concept and theory of the instructional design, its specific application level is limited. The main problems in the process of College English teaching are as follows:

Because of the Traditional Teaching Mode, the Instructional Design Lacks Theoretical Knowledge

As a public foundation course, the status of College English in subject teaching has decreased compared to high school, which leads to a large extent relaxation of the ideas of the educators and the educated. College English teaching basically followed the traditional high school education, the ideas and methods of the instructional design is rarely innovation and College English teaching presents the status of following traditional teaching. In the problems presented by the National English teaching and learning, a large part of it is related to instructional design, which reflects that the theory and practice of instructional design needs to be further improved.

Emphasis on the Form, not Closely Related to the Combination of the Teaching Objectives and Students' Needs

With the deepening of the curriculum reform, the new teaching idea has caused a great impact on traditional experience of teachers. The teaching goal of the three of knowledge and skill, process and method, emotion and attitude bring more difficulties to the instructional design of College English, many teachers attend to one thing and neglect another in specific design. For example, in order to achieve the goal of emotion and attitude, in order to make the classroom atmosphere more active, many English teachers add story situation and background activities to the curriculum design. But too many emotional activities will make the students neglect the curriculum itself, resulting in the deficiency of critical thinking training.

The Structure of Instructional Design is Loose, Teaching Focus is not Clear

Compared with the basic English teaching in high school, College English teaching should pay more attention to the cultivation and improvement of the students' ability. Therefore, the structure of the instructional design should be more compact and reflect the difficulty of the gradient change, which is still insufficient in the practical instructional design. College English instructional design should be clear about the key and difficult points in teaching so that students can learn by themselves based on their own practical learning and supplement in the classroom teaching. At the same time, the prominent difficulty of the teaching content has also made the primary and secondary changes in the teaching content, also adjust the overall learning rhythm, and mobilize the enthusiasm of students learning as well.

Suggestions for Optimizing College English Instructional design

To a large extent, the success or failure of the instructional design is related to the whole teaching practice. In order to make college English teaching more vivid and efficient, people should start from improving the instructional design. In view of the existing problems and shortcomings in the current college English instructional design, people should take active and effective measures to solve the problems. The optimization suggestions includes: strengthening the instructional design theory of system guidance, paying attention to the teaching objectives and students needs, optimizing the structure and content of the design, and doing a good job of the system convergence.

Strengthen the Instructional Design Theory of the System Guidance

College English educators should continue to learn advanced instructional design concept. On the one hand, guide the specific teaching practice with the systematic instructional design theory, so as to make teaching activities orderly and efficient. On the other hand, people should continue to test and improve the theory in the practice of English teaching to explore the instructional design for English teaching process.

Pay Attention to the Teaching Objectives and Students' Needs

English teaching at the university stage should take the "ability and quality improvement" as the goal, and finish instructional design combined with the characteristics and needs of students' physical and mental development. English learning is to be used in the foreign exchange, therefore, College English teaching should strengthen the cultivation of cultural knowledge and language application ability

in combination with the teaching of basic knowledge. Instructional design should adapt to social development, add new contents of the time according to the characteristics of college students' active and creative thinking. Besides that, they should also add novel and unique content into the design process, for example, teach students in the "student teaching" way, so as to mobilize students' enthusiasm and creativity.

Optimize the Structure and Content of the Instructional Design

Reasonable and orderly instructional design structure and rich content can make English teaching more vivid and efficient. Teachers must have a clear understanding of the teaching objectives in the specific design process, highlighting the different characteristics of college English teaching contents, such as the different requirements and objectives of listening courses, writing courses and reading courses for students. In addition to that, the teachers should try to reconcile the content of teaching according to the students' different need levels, so as to meet the maximum needs, for example, the layout of the homework can set more than one topic for students to choose. At the same time, the study and evaluation of teaching effect can also break through the traditional examination mode. In short, teachers should make full use of the existing teaching resources and means to enrich the instructional design and content to mobilize the students to carry out autonomous learning.

Do a Good Convergence Job

College English instructional design should do a convergence job, the first is to do with the English curriculum in high school. This connection is not a simple continuation and repetition, but the breakthrough and innovation in the content and form. To break the changeless learning model of "words, texts, exercises" in the high school stage, teachers must enrich the teaching activities combining with the advanced equipment, such as multimedia. Secondly, make good connection of the students' psychological development needs, change the students from the passive recipients of teaching activities to the active participants, so that they can enjoy the freedom and fun of learning. At the same time, teachers should also do a good connection job of learning and application of cohesion. English learning is used to practice, therefore they must take into account the needs of the society and students in the future work, put more application-oriented knowledge in the traditional textbooks.

Conclusion

The teaching process of College English should pay attention to and strengthen the role of instructional design, namely, take students as the center, while teaching as the main body, make the improvement of the quality of English

teaching and students' quality and ability as the goal, and explore new ideas and methods of instructional design. The teachers should dare to break the routine, play the important role of modern information technology based on the traditional teaching mode, and make the instructional design in-

novative as well. To make good connection of the teaching content and form of the connection between the high school curriculum and university curriculum, teachers need to promote the development of English teaching process through systematic instructional design.

References:

1. Shu Dingfang (2010). The contemporary university English classroom teaching: what and how to teach? Foreign language field (pp. 25–32).
2. Wang Jing, Liu Zhiwen (2012). The design of the teaching system in the network course design. The audio-visual education in Chinese (pp. 30–32).
3. Cai Jigang (2010). The significance of foreign language teaching tool and quality. Foreign language (pp.33–40).
4. Zhong Zhixian (2008). The reform of teaching mode in University: instructional design perspective. Beijing: Education Science Press (pp. 64–65).
5. Wen Qiufang (2012). The teaching framework of English international language. Curriculum, teaching material, and teaching method (pp. 77–81).
6. Qiao Hui (2014). The application of instructional design in College English teaching. Teaching reform (pp. 150).
7. Gao Ling (2012). The application of instructional design in College English teaching and research. Practice and Research of Education (pp. 133–135).
8. Wang Qiufang (2014). Analysis on the application of instructional design in College English teaching and learning. Journal of Taiyuan City Vocational College (pp. 126)

Агрономическая терминология: некоторые особенности перевода

Потапова Анна Сергеевна, преподаватель;
Тихонова Евгения Владимировна, доцент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Сельское хозяйство является одной из важнейшей областью экономики, которая обеспечивает жизнедеятельность общества. Сейчас возрастает количество внешнеэкономических связей и международных контактов, которые сопровождаются переводческой деятельностью. Поэтому особое внимание уделяется вопросу переводу терминологии и профессиональных текстов в области агрономии, соответственно важно предотвратить непонимания в этой сфере. Особое же внимание стоит уделить изучению путей достижения адекватности и эквивалентности при переводе текстов агрономической тематики, а также, изучению структурных, семантических и стилистических особенностей агрономических терминов в переводческом аспекте. Рост проблемы перевода профессионально ориентированных текстов предопределяет актуальность определения особенностей терминологии агрономической тематики.

Рассматривая вопрос перевода агрономических терминов, необходимо определить понятие «термин». Под термином понимают «слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [1] Из совокупности проблем, возни-

кающих в связи с исследованием функционального языка научно-технической и профессиональной литературы, наибольшее внимание по праву принадлежит изучению слова как единицы языка науки и техники [2, 3]. Поскольку использование определенной терминологии является характерным для определенной профессиональной деятельности, то будем опираться на лексический состав научно-технических и профессиональных текстов. В этой связи значимость получают научные изыскания, направленные на исследование реального функционирования лексических единиц в профессиональных контекстах. Следует отметить, что развитие всех сфер жизнедеятельности общества, а особенно науки и техники, сопровождается появлением новых терминов в разных сферах. Профессиональная лексика составляет значительная часть лингвистического фонда, поэтому переводчики придают особое значение исследованию терминов и их структурно-семантических особенностей.

В отличие от общеупотребительной лексики, термины, которые функционируют в границах определенного терминополья, являются однозначными. А. А. Реформатский в свое время назвал это «целой лингвистической проблемой» [4, с.113].

Термины являются единицами специального языка и обслуживают определенную профессиональную сферу

деятельности. Они представляют собой в то же время единицы естественного языка, что, в свою очередь, указывает на неоднородный и сложный состав последних. Системность общей лексики выражается в тематических объединениях языковых единиц, соединенных между собой по признаку семантической общности (лексико-семантические системы). Немаловажную роль играют терминологические системы в лексической системе естественного языка и его функционирования разновидностей. Терминосистема адекватно изображает реальную систему научно-технических понятий данной предметной области [5, с. 1–3]. Это «сложная динамическая устойчивая система... ее функция состоит в том, чтобы служить знаковой (языковой) моделью этой области знаний и деятельности» [6, с. 23–26].

В составе терминосистемы термины объединяются в разнообразные группы. Агрономические термины, как и любые другие, по структуре их видовой семантики можно упорядочить по хрестоматийной классификации Р. Ф. Прониной, согласно которой насчитывается три типа терминов-словосочетаний.

К первому типу относятся термины-словосочетания, оба компонента которых входят в словарь специализированной лексики.

Ко второму типу относятся: те, в которых только один компонент — технический термин, а второй принадлежит к словам общеупотребительной лексики; те, в которых первый компонент (имя прилагательное) имеет для конкретной научной области специальное, специфическое значение; те, второй компонент которых употребляется в основном значении, но в сочетании с первым компонентом выступает термином с самостоятельным значением в той или иной сфере науки.

Третий тип объединяет термины-словосочетания, оба компонента которых представляют собой слова общеупотребительной лексики, и только комбинация этих слов является термином [7, с. 10–12].

Особенностью перевода терминов, в том числе и в агрономии, является то, что для достижения адекватности необходимо обеспечить идентичность понятий, которые выражаются терминами родного и иностранного языков, то есть сохранить в переводе смысловую точность переводимых единиц. Это может быть достигнуто только при условии наличия знаний в конкретной области, к которой принадлежит переводимый текст, и правильного понимания и соотношения терминов иностранного и русского языков. Для достижения адекватности перевода необходима стратегическая компетентность [8].

Предложенная Комиссаровым поэтапность перевода терминов: 1) первый этап — этап понимания; 2) второй этап — этап собственно перевода, создания текста на другом языке 3) контроль готового текста, или «этап редактирования, окончательной шлифовки перевода» [9].

Первый этап (восприятие) представляет собой «чрезвычайно сложный сенсорно-мыслительный процесс, основанный на разнообразных видах и формах ана-

литической и синтезирующей работы органов чувств и мозга» [10, с. 31], при этом следует отметить, что у каждого вида перевода этап восприятия имеет свои особенности и характеристики. На втором этапе (воссоздание) в сознании переводчика происходят «сложные процессы анализа и синтеза, связанные с передачей из сферы мышления смысла уже в иной материальной словесной форме» [10, с. 34].

Комплекс действий переводчика на каждом этапе перевода принято называть переводческой стратегией. Для изучения процесса перевода и его этапов постоянно разрабатываются разные модели перевода. Исследователи исходят из предположения о том, что протекание процесса перевода у разных переводчиков не может быть принципиально отличным. Наиболее исследованным этапом процесса перевода на сегодняшний день является этап воспроизведения, т.е. перевод как результат, а также те конкретные средства, при помощи которых перевод осуществляется. Рассмотрим некоторые из них:

генерализация исходного значения используется только в тех случаях, когда мера информационного упорядочения исходной единицы выше меры упорядочения единицы, которая соответствует ей по смыслу в языке перевода. Например, *crop-producing ability* — способность давать урожай;

конкретизация — процесс, при котором единица более широкого конкретологического смысла передаются в языке перевода единицы конкретного смысла. В русском языке необходимо заменять слово или словосочетание, у которых более широкий спектр значений, эквивалентов, которые конкретизируют значение согласно контексту или стилистическим требованиям. Например, понятие «поле» может относиться к разным ситуативным условиям, и в значительной мере упорядочивается контекстом, в английском языке этому понятию будут отвечать разные более узкие по значению единицы, в зависимости от контекста: *ball park* (футбольное), *area* (коры головного мозга), *domain* (деятельности, знаний и т.п.), *field* (сфера действия; жатва; делянка; рынок);

калькирование — передача не звукового, а комбинаторного перевода слову, когда составные части слова (морфемы) или фразы (лексемы) переводятся соответствующими элементами языка перевода. Данный прием применяется при переводе сложных по структуре терминов. Например, абсорбирующая способность почвы — *absorption capacity of soil*;

экспликация — когда лексическая единица языка оригинала заменяется словом (словосочетанием), которая передает его значение. Например, форма продажи овощей и фруктов, при которой покупатель сам собирает урожай — *pick-your-own*;

инверсия — обратный порядок слов, для привлечения внимания к конкретным элементам. Например, почва, хорошо удерживающая — *watymoisture retentive soil*.

Независимо от того, какой термин — многозначный или выступает в качестве термина-словосочетания или

термина-слова, *омонимия* распространяется на каждый из них. Так, например термин *land* — страна (географический термин), земельная собственность (юридический термин), верхняя грань зуба (технический термин), почвогрунт (агрономический термин).

Термины могут быть многозначными, что вызывает трудности перевода, когда один и тот же термин реализует разные значения в разных областях. Определяющим в переводе многозначного термина есть *контекст*. Например, *pick-your-own* — форма продажи овощей и фруктов, при которой покупатель сам собирает урожай». Поэтому при переводе агрономической литературы важное значение стоит уделять взаимодействию термина с контекстом, в котором реализуется его соответствующее значение.

Также перевод терминов возможен приемом *описания значения*. Такой прием используется при переводе новаторских авторских терминов-неологизмов, которые записываются обычно в кавычках. Украинский филолог Э. Ф. Скороходько в книге писал о том, что «большое количество в тексте специальных терминов, особенно вновь появившихся (неологизмов), создает в практике перевода значительные трудности» [11, с. 13]. Например, *emblems* — урожай с засеянной земли.

Также встречаются такие термины, как *slash-and-burn fires technology* и *land-maintenance fires technology*. Первый термин является случаем к понятию, обозначенному вторым термином и его можно перевести при помощи приема *экспликации* в зависимости от вузовского *контекста* как «технология сжигания отходов во время очищения лесного массива» или как

Для второго термина, который имеет более широкое значение, допустимы такие варианты перевода (также в зависимости от вузовского *контекста*) «технология грунтозащитающего выжигания растений» (*способ добавления*) или «технология природоохранного выжигания растений» (*способ генерализации и добавления*); слово «пожары» (*fires*) в русских терминах, которые характеризуют природоохранную деятельность человека — нежелательны.

Исследование агрономической англоязычной терминосистемы показало, что она является очень богатой и яркой. В частности, слову «агрегат для совмещенного выполнения почвообработки» соответствуют следующие агрономические англоязычные термины — *cultivation combine, til-plant hookup, tillage-planter hookup, seedbed combination, tilmaker, tilther*.

Терминсловарь по тематике, содержащий термин «почва» — *soil*:

Таблица 1

<i>восстановление плодородия почвы</i>	<i>building up the soil</i>
<i>восстановление плодородия почвы</i>	<i>restoring soil fertility</i>
<i>восстановление плодородия почвы</i>	<i>soil fertility recovery</i>
<i>минимальная обработка почвы</i>	<i>minimum tillage</i>
<i>минимальная обработка почвы</i>	<i>reduced tillage</i>
<i>минимальная обработка почвы</i>	<i>min-till</i>
<i>обработка почвы</i>	<i>soil preparation</i>
<i>обработка почвы</i>	<i>soil treatment</i>
<i>обработка почвы</i>	<i>tilling</i>
<i>обработка почвы</i>	<i>soil handling</i>

Таким образом, термин — это слово или словосочетание, которое служит для выражения понятия и названия предметов и явлений и принято в соответствующей профессиональной деятельности. У термина есть свое инвариантное значение и выполняет функцию семантического дифференциала в разных терминосистемах

Установлено, что все термины по своему составу делятся на простые, сложные и термины-словосочетания. Последние из них делятся на три типа: термины-словосочетания, компонентами которых является самостоятельные слова, термины-словосочетания, где один компонент является техническим термином, а второй — словом общеупотребительной лексики, а также — термины-словосочетания, где оба компонента являются словами-сло-

восочетаниями общеупотребительной лексики и только в словосочетании — термином.

Выявлено, что перевод терминологии осуществляется разными средствами, а также при помощи трансформаций: лексических, лексико-семантических лексико-грамматических. Задачей переводчика является в правильном выборе того или иного средства в процессе перевода, чтобы как можно точно передать значение того или иного термина. Также переводчик обязан считаться с тем, что каждый язык развивается самостоятельно [12], в нем есть собственные языковые реалии, закрепленные культурно-историческими реалиями, появляются новые реалии, которые еще не имеют эквивалентов на момент перевода на другие языки.

Литература:

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. Энциклопедия, 1966. 607 с.
2. Борисова, Л. И. Лексические особенности англо-русского научно-технического перевода. — М.: НВИ-ТЕЗА-УРУС, 2002. — 212 с.
3. Борисова, Л. И. Пособия по научно-техническому переводу (методологический обзор). — М.: МПУ, 2000. — 72 с.
4. Реформатский, А. А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. М., 1968. — 343 с.
5. Кобрин, Р. Ю. О принципах терминологической работы при создании тезаурусов для информационно-поисковых систем. // НТИ, сер.2, № 6 М., 1979.
6. Лейчик, В. М. Применение системного подхода для анализа терминосистем // Терминоведение. № 1–2, 1993. М.: Московский лицей, 1993.
7. Пронина, Р. Ф. Перевод английской научно-технической литературы. М.: Высшая школа, 1986. — 175 с.
8. Тихонова, Е. В. Тихонова Е. В. Обучение будущих лингвистов устному последовательному переводу на основе анализа дискурса аудио- и видеоматериалов (китайский язык; профиль «Перевод и переводоведение»): дис. канд. пед. наук/ Е. В. Тихонова — Томск, 2014. — 152 с.
9. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. — М.: ЭТС. — 2001. — 424 с.
10. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001, — 224 с.
11. Скороходько, Э. Ф. Вопросы перевода английской технической литературы: перевод терминов. — Киев: Изд-во Киевского университета, 1963. — 92 с.
12. Гураль, С. К. Язык как саморазвивающаяся система. Томск: Изд-во Томского университета, 2009. — 120 с.

Анализ лексической единицы «духовное движение» во французском, русском и английском языках

Пчельникова Анастасия Александровна, студент
Белгородский государственный университет

Цель данной работы — рассмотреть лексическую единицу «движение» с точки зрения языковой картины мира отдельных этносов. Поскольку движение является феноменом сложным и многоаспектным, для исследования был выбран конкретный его вид — духовное движение, существующее в противовес материальному, физическому. В статье представлены основные сведения об этом виде движения и способах его объективации во французском, русском и английском языках.

Ключевые слова: движение, духовное движение, языковая картина мира.

Старая поговорка гласит: «Движение — это жизнь, а жизнь — есть движение». Вторят ей и великие мыслители: Блез Паскаль утверждал, что «суть человеческого естества — в движении, полный покой означает смерть», а по мнению Жан-Жака Руссо «без движения жизнь — только летаргический сон». Каждый человек может по-своему истолковать эти высказывания, ведь движение само по себе — бесконечно сложное и многогранное явление.

В широком смысле «движение» — это общее понятие, объединяющее характеристики перемещений, совершаемых объектами, взаимодействий между ними, изменений, с ними происходящих, превращений одних объектов в другие [4, с. 289].

Его изучение во все времена интересовало представителей всех научных областей (естественных и гумани-

тарных, формальных и социальных). Долгое время движение рассматривалось лишь как перемещение тел, но с развитием науки появились новые трактовки этого явления.

Философия называет движение онтологической основой бытия. Оно неуничтожимо, вечно, а потому является способом существования материи (т. е. объективной реальности со всеми ее законами и особенностями). Движение определяет все свойства и проявления окружающего нас материального мира [6, с. 66]. В физике движение трактуется как изменение положения тела в пространстве относительно времени и других тел. С точки зрения психологии движение — это результат работы психофизиологического аппарата по реализации двигательного акта, посредством которого происходит взаимодействие живого существа с внешней средой [2, с. 322]. Социология рас-

смачивает движение как тип коллективных действий или объединений, внимание которых сосредоточено на конкретных политических или социальных проблемах. В экономике движение — это изменение величины или цены. В изобразительном искусстве этот термин обозначает внутреннюю динамику образов, свойственную как живым существам, так и неодушевленным предметам.

Самое простое различие видов движения указывает на те его формы, в которых объекты меняют свое положение, но не меняются сами, и на те, в которых происходят количественные и качественные изменения объектов [4].

Философ В. И. Зорин предлагает различать два основных его вида — материальное и духовное, которые он далее подразделяет следующим образом: материальное движение включает физическую, химическую и биологическую формы, а духовное (движение идеальных, духовных процессов) — интеллектуальную (движения разума и рассудка), эмоциональную (движение чувств) и волевою (формирование решимости к действию). Выделяют еще социальную форму движения, т. е. деятельность человека; в ней соединяются первый и второй его виды. [3, с. 40].

Сведения о материальной стороне движения обширны, но духовное движение и его формы мало исследованы в современной науке. В данной статье предлагается рассмотреть этот феномен с точки зрения языковой картины мира носителей разноструктурных языков (французского, русского, английского).

Языковая картина мира (ЯКМ) представляет собой совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности, отраженные в языковых знаках и их значениях [7, с. 38].

Важно отметить, что ЯКМ является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от научной картины мира. Научные знания универсальны (едины) для всех языковых сообществ, в то время как понятия, закрепленные в языке, субъективны и отражают восприятие, осмысление и понимание мира конкретным этносом. Тем не менее, «наивные» представления определенного народа нельзя считать примитивными: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные [5, с. 12–15].

Особенности восприятия мира языковым коллективом фиксируются в лексическом составе языка. Он тесно связан с действительностью, реагирует на изменения в общественной, материальной, научной и культурной жизни народа и постоянно изменяется сам. Лексическое значение слова показывает, как предметы и явления действительности отражаются в нашем сознании. Оно дает возможность подробнее узнать о том, как само «движение» и один из его видов представлены в исследуемых языках.

Рассмотрим определение французского слова *mouvement* ('движение'), предлагаемое авторитетным французским толковым словарем Larousse:

MOUVEMENT (m): 1. Déplacement d'un corps, changement de position dans l'espace (перемещение тела, изменение положения в пространстве). 2. Action de se mouvoir, de changer de place, de modifier la position d'une partie du corps (движение, изменение положения, перемещение части тела). 3. Ensemble de gestes, de déplacements du corps orientés dans un but esthétique, athlétique, etc. (действия, передвижения при занятиях искусством или спортом). 4. Ensemble des déplacements d'un groupe de personnes, de véhicules, etc. (перемещения группы людей, машин и т. д.). 5. Animation, agitation, rythme soutenu d'actions diverses (оживление, возбуждение, непрерывность при различных действиях). 6. Rythme dans une œuvre artistique, dans un récit, une intonation (ритм в художественном произведении, в рассказе, интонация). 7. Changement d'affectation d'une partie du personnel d'une administration (перевод на другое место работы, движение по карьерной лестнице). 8. Variation, fluctuation dans les prix, dans les valeurs (колебание, рост цен). 9. Impulsion, élan qui porte à manifester un sentiment, une volonté, etc. (побуждение, порыв, толкающий к проявлению, демонстрации чувств, желаний). 10. Modification dans l'état social, politique, économique (политические, социальные, экономические изменения). 11. Action collective orientée vers un changement social, politique, psychologique (коллективные действия, направленные на изменения социальные, политические, психологические). 12. Organisation politique, sociale, relativement structurée (относительно организованное политическое или социальное объединение) [12].

Многозначность данной лексической единицы (ЛЕ) подчеркивает многоаспектность движения и его присутствие во многих областях жизни человека: научной, культурной, социальной и т. д. Оно затрагивает не только внешнюю, общественную жизнь человека, но и внутреннюю — об этом нам говорит дефиниция «побуждение, порыв, толкающий к проявлению, демонстрации чувств, желаний».

Похожие определения были найдены и в других французских словарях. В словаре *Trésor de la Langue Française* мы видим следующую трактовку этой ЛЕ: «réaction émotionnelle, affective, intellectuelle, élan d'ordre spirituel à l'origine du comportement des individus» (эмоциональная реакция, духовный порыв — причина человеческих поступков) [11]. Словарь *Le Petit Robert* отмечает: *Mouvement* (m) — littér. mouvements de l'âme, du cœur: les différents états de la vie psychique (лит. движение души, сердца: различные психические состояния). В нем же к данной лексеме приведены следующие синонимы: *ardeur* ('рвение'), *élan* ('порыв, стремление'), *émotion* ('эмоция'), *impulsion* ('побуждение, порыв'), *inclination* ('склонность'), *passion* ('страсть'), *sentiment* ('чувство') [10].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что слово «движение» в какой-то степени является контекстуальным синонимом слов «чувство», «порыв». Во французской художественной литературе сфера употребления

этого синонима широка. Например, Жан де Лафонтен в своей повести «Любовь Психеи и Купидона» использует ЛЕ «mouvement» в значении «чувство»: «Je veux vous prouver que la pitié est le mouvement le plus agréable de tous; votre erreur provient de ce que vous confondez ce mouvement avec la douleur» («Я все же хочу вам доказать, что сострадание есть самое приятное из наших чувств. Ваша ошибка происходит оттого, что вы смешиваете это чувство с болью»).

Лексема «mouvement» в данном значении также может входить в состав устойчивых сочетаний, например, «mouvement du coeur» ('чувство') или «mouvement de l'âme» ('порыв'). Рассмотрим пример, взятый из творчества Андре Жида: «Ce que nous appelons mouvements du coeur n'est que le bousculement irraisonnable de nos pensées» («То, что мы называем чувствами, есть всего лишь безрассудное кружение наших мыслей»).

Особенно интересной является конструкция «mouvement + N», где N — существительное, обозначающее чувство, эмоцию, переживание (счастье, радость, страх, ревность). Подобная модель часто встречается в художественной литературе, например, в новелле Альфреда де Мюссе «Марго»: «Lorsqu'elle vit, en descendant, que l'escalier était obscur, et qu'elle était, pour ainsi dire, seule dans la maison, un mouvement de frayeur, naturel à son âge, la saisit» («Увидев, что на лестнице темно и что она, так сказать, одна в доме, Марго вдруг почувствовала страх, вполне естественный в ее возрасте»).

Чтобы узнать, как определяется слово «движение» в русском языке, обратимся к Большому толковому словарю (сост. С. А. Кузнецов):

ДВИЖЕНИЕ, -я; ср. 1. Изменение положения предмета, перемещение; состояние, противоположное неподвижности, покою. 2. только ед. Филос. Необходимое условие существования материи, её всеобщее неотъемлемое свойство; непрерывное изменение и развитие материального мира. 3. Перемещение в пространстве, в каком-л. направлении; передвижение. Действие того или иного вида транспорта, механизма. Езда и ходьба в разных направлениях. 4. только ед. Перемещение чего-л. из одной инстанции в другую. Продвижение по службе, с одной должности на другую. 5. Изменение положения тела или его частей; телодвижение, жест. 6. чего или какое. Внутреннее побуждение; душевное переживание. 7. Общественная деятельность людей, объединённых одной целью или одинаковыми убеждениями. Общественная организация, объединяющая таких людей. 8. только ед. Количественное или качественное изменение; рост, развитие. 9. только ед. Развитие действия в литературном произведении, его оживлённость [1].

Мы видим, что в русском языке это слово также имеет значение «душевное переживание». В электронном толковом словаре русского языка дано следующее определение этой лексемы: а) перен. Смена чувств, мыслей, переживаний, испытываемых кем-либо; б) желание, намерение сделать что-либо под влиянием чувств, мыслей,

переживаний, испытываемых кем-либо [9]. Синонимами к данному значению являются ЛЕ «побуждение», «влечение», «стремление», «тяготение».

Следовательно, слово «движение» в русском языке также является контекстуальным синонимом словам «чувство», «порыв». Тем не менее, в русском языке сфера его употребления, в отличие от французского языка, ограничена. В художественной литературе встречаются следующие словосочетания «движение души», «движение сердца». И. А. Крылов в своем сочинении «О дружестве» писал: «Во всех временах дружество почитали из числа первых благ в жизни; первое движение сердца состоит в том, чтобы искать соединиться с другим сердцем, и между тем целый свет жалуется, что нет друзей».

Употребление конструкции «движение + существительное, обозначающее чувство, переживание», существующей во французском языке, редко встречается в русском. Например, Н. В. Гоголь использовал эту модель в своей повести «Майская ночь, или Утопленница»: «Какое-то движение тоски выразилось на лице её при последних словах».

В английском языке, согласно словарю Oxford Advanced Learner's Dictionary, «движение» обозначает следующее:

MOVEMENT (noun): 1. An act of moving the body or part of the body (перемещение тела или его части). 2. An act of moving from one place to another or of moving something from one place to another (перемещение с одного места на другое). 3. A group of people who share the same ideas or aims (группа людей с одинаковыми идеями или стремлениями). 4. A person's activities over a period of time, especially as watched by somebody else (действия людей в течение периода времени, за которыми кто-то наблюдает). 5. A gradual change in what people in society do or think (постепенное изменение в поведении или мышлении людей). 6. Progress, especially in a particular task (прогресс в выполнении определенной задачи). 7. Change in amount (изменение цен). 8. Any of the main parts that a long piece of music is divided into (одна из частей, на которые разделено длинное музыкальное произведение) [13].

Исследуемое нами значение отсутствует как в приведенном выше, так и в других английских словарях, следовательно, ЛЕ «движение», не воспринимается носителями английского языка как «душевное переживание» или «порыв».

Таким образом, значение ЛЕ «движение = чувство» или «движение = порыв» не является общим для всех языков. Наиболее полное отражение оно находит во французском языке, в котором встречается множество способов и примеров его употребления. С русским языком все обстоит иначе. Согласно данным Национального корпуса русского языка, слово «движение» именно в этом значении стало использоваться с середины XVIII века. Это время является периодом популярности французского языка в Российской империи, следовательно,

можно предположить, что данное значение было заимствовано у французов. Это косвенно подтверждает его более ограниченное употребление в русской литературе.

В заключение следует отметить, что изучение ЛЕ «духовное движение» не ограничивается данной работой. Дальнейшие исследования будут направлены на под-

робное ее рассмотрение с точки зрения языковой картины мира французского народа, поскольку в ней данная лексема представлена полнее всего. Сама тема движения неисчерпаема, следовательно, при ее дальнейшем изучении можно будет выявить новые факты и рассмотреть этот феномен с совершенно новой стороны.

Литература:

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб: Норинт, 2008. — 1536 с.
2. Головин, С. Ю. Словарь практического психолога / С. Ю. Головин — Минск: Харвест, 2007. — 2128 с.
3. Зорин, В. А. «Евразийская мудрость от А до Я», толковый словарь / В. А. Зорин. Алматы: Создик-Словарь, 2002. — 204 с.
4. Кемеров, В. Е., Керимов, Т. Х. Современный философский словарь / В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. — М.: Академический проект, 2015. — 823 с.
5. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. М.: ЧеРо, 2003. — 347 с.
6. Некрасова, Н. А., Некрасов, С. И., Садикова, О. Г. Тематический философский словарь: Учебное пособие / Н. А. Некрасова, С. И. Некрасов, О. Г. Садикова. — М.: МГУ ПС (МИИТ), 2008. — 164 с.
7. Стернин, И. А., Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / И. А. Стернин, З. Д. Попова. М.: АСТ-Восток-Запад, 2007. — 314 с.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 28.08.2015).
9. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vedu.ru/expdic/> (дата обращения 28.08.2015).
10. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française Le Petit Robert 2014. Paris: Le Robert, 2013. — 2880 p.
11. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.cnrtl.fr/> (дата обращения 28.08.2015).
12. Dictionnaire Larousse français monolingue et bilingues en ligne [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais> (дата обращения: 28.08.2015).

Посмертная популяризация творчества А. А. Вознесенского: первые шаги

Самохин Иван Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент
Московский институт лингвистики

В данной статье проводится краткий научно-публицистический обзор двух собраний сочинений А. А. Вознесенского, изданных после смерти поэта: полного собрания стихотворений и поэм в одном томе («Альфа-книга», 2012) и первого академического собрания произведений в двух томах («Пушкинский Дом», «Вита Нова», 2015). Также автор рассуждает о месте, занимаемом Андреем Андреевичем в русской поэзии, и указывает на основную ошибку, которую могут допустить популяризаторы творчества Вознесенского.

Ключевые слова: Вознесенский, собрание сочинений, «Альфа-книга», «Пушкинский Дом», «Вита Нова».

Эта статья задумывалась как небольшая рецензия на новое собрание сочинений в двух томах. Нельзя сказать, что я сильно отступил от первоначального замысла, но основная часть обросла внушительным прологом и пространным эпилогом. О чём я, впрочем, не жалею...

Лёд посмертного безмолвия тронулся, — вернее, дал первую крупную трещину, — три года назад. В 2012-м увидело свет Полное собрание стихотворений и поэм Андрея Вознесенского в одном томе, подготовленное мо-

сковским издательством «Альфа-книга» (основой послужило многотомное прижизненное собрание сочинений Андрея Андреевича (М.: «Вагриус», 2000–2009)). В тысячестраничный фолиант вошли и отдельные произведения, формально относящиеся к прозе — например, эпичная «Хроника приключений крестиков и ноликов» (более полно эта грань творчества Вознесенского отражена в книге «Прожилки прозы» (М.: «ПРОЗАиК», 2011)). Люди не пожалели сил и времени: издание ока-

залось не безвкусной мемориальной доской, а драгоценным слитком памяти. Красивый переплёт, хорошая бумага, чёткая печать, внимательный набор текста... Я имею в виду крайне малое количество опечаток и бережное отношение к «визуализационным» находкам Андрея Андреевича (иногда, быть может, и спорным, но оттого не менее интересным). Сохранены иллюстрации, не разорваны легендарные «кругомёты»... Ещё хочу отметить, что составители, по-видимому, не слукавили, назвав данное собрание Полным. Во всяком случае, все мои самые любимые стихотворения оказались на месте. А их около сотни... Небольшим, — но необъяснимым и неизвинимым, — недостатком считаю отсутствие вступительной статьи. Почему было не доказать свою любовь к поэту не только делом, но и словом?

Для меня эта книга стала руководством к действию. Я наконец-то смог приступить к созданию «Словаря окказионализмов Андрея Вознесенского» — коллекции лексических и грамматико-фонетических новшеств, придуманных гениальным формотворцем. Прижизненные сборники можно использовать для научных статей и диссертаций, а для словаря нужно Полное собрание...

Обе работы внесли существенный вклад в систематизацию (и канонизацию) творчества Вознесенского. Однако им не хватало солидности. Издательство, опубликовавшее собрание сочинений, ассоциируется прежде всего с жанровой литературой: фантастикой, фэнтези и детективной прозой. Из-за этого общественный и профессиональный резонанс от выхода книги был достаточно скромным. Позиции словаря ещё более сомнительны. Он составлялся одним-единственным человеком и пока существует лишь в электронном виде. Правда, жаловаться на невостребованность мне не пришлось. Уже в первую неделю я получил десяток писем с благодарностями и доброжелательной критикой отдельных моментов, связанных преимущественно с «онлайновостью» словаря (не исключено, что уже в следующем году все пожелания будут учтены: вуз, в котором я служу, протягивает руку типографской помощи). А через пару месяцев я узнал о планах издательств «Пушкинский Дом» и «Вита Нова» выпустить первое академическое издание стихотворений и поэм А. А. Вознесенского. Стало ясно, что теперь проблем с *солидностью* не возникнет. Ведь наследием Андрея Андреевича занялись победители национальных и международных конкурсов: «Золотая книга России», «Алые паруса» и многих других. Как известно, эти издательства уделяют особое внимание отечественной классике и привлекают к работе известных литераторов и литературоведов. Это тоже не могло не радовать.

«Стоял Январь, не то Февраль...». И вдруг — осенебри: выходит долгожданный двухтомник. Через несколько дней мне посчастливилось успеть на последний экземпляр. Я догадывался, что скоро книга появится в электронном формате, но заранее не принимал его всерьёз: по-моему, коллекционное вино, залитое в Интернет, начинает отдавать укусом... Итак, мою главную книжную полку укра-

сили два компактных изумрудных тома с золотистым узором и крупным агатом на корешке. Словесной же оправой бриллианта поэзии стала большая вступительная статья Г. И. Трубникова «Век Вознесенского». В конце второго тома читатель обнаружит примечания к стихотворениям Андрея Андреевича, разъясняющие исторический контекст и некоторые аллюзии. Я намеренно отказался от размещения подобной информации в своём словаре, поскольку не хотел перегружать его «теорией». Однако в академическом издании такие сведения совершенно уместны и даже, наверное, необходимы... Между поэзией и примечаниями, на девяти страницах, разместилась рубрика «Другие редакции и варианты», представляющая определённый интерес для исследователей. К сожалению, она грешит неполнотой. Например, в сборнике «Тень звука» стихотворение «Не пишется» называется иначе и в нём отсутствует последняя строфа: «Но верю я, моя родня — / две тысячи семьсот семнадцать / поэтов нашей федерации — / стихи напишут за меня. / Они не знают деградации» [Вознесенский 1970: 47; Вознесенский 2015: 259]. А в сборнике «Ахиллесово сердце» нет строки о разговоре с Н. С. Хрущёвым, зато есть целый фрагмент, начинающийся словами: «и 14 апреля 1964 года не забежит Динка...» [Вознесенский 1966: 12–13; Вознесенский 2015: 192] Завершается книга алфавитным указателем произведений. Андрей Андреевич был не только очень талантлив, но и необыкновенно плодовит — поэтому значение традиционной издательской услуги трудно переоценить.

А сейчас я, возможно, многих разочарую: данное собрание сочинений не является полным. В нём приведены стихотворения и поэмы, созданные до 1985-го года. И аргумент редакционной коллегии (во главе с замечательным поэтом Александром Кушнером) звучит вполне разумно: «Эта граница обусловлена как её очевидной исторической значимостью, как водораздел двух эпох, так и тем, что примерно на это же время приходится начало нового этапа в поэтике Вознесенского» [Вознесенский 2015а: 455]. Вероятно, нас ждёт ещё один двухтомник.

Благодаря предисловию Г. И. Трубникова я освежил в памяти биографию поэта и узнал некоторые подробности его творческого пути. Оказывается, юный Вознесенский два года ничего не писал... из-за *похвалы* Пастернака. А позже, *вопреки* Пастернаку, свёл знакомство... с Алексеем Кручёных, автором легендарного «Дыр бул щыл». Мой особый интерес вызвала глава, посвящённая взаимодействию Андрея Андреевича с миром популярной музыки. Кому-то данная часть может показаться лишней: мол, мало ли кто чем подрабатывал — стоит ли об этом? Видимо, стоит: в крошечной юбилейной заметке, опубликованной двенадцать лет назад в «Комсомольской правде», о Вознесенском писали в первую очередь как об одарённом поэте-песеннике. Вспомнили «Миллион алых роз», Пугачёву... Даже великолепную поэму «Авось!» упомянули лишь в связи со знаменитой рок-оперой (скорее всего, имея в виду не основу, созданную в начале

70-х, а песенные тексты, сочинённые непосредственно для спектакля). Это не возвышает журналиста, но способность к столь прочному союзу с мелодией делает честь самому Вознесенскому, его поэтическому дару.

Некоторые утверждения Г. И. Трубникова вызвали у меня неоднозначную реакцию. Например, я поспешил не согласиться со словами об «отсутствии серьёзных филологических исследований» поэтики Вознесенского. В памяти начали всплывать фрагменты научных работ... Однако скоро я обнаружил, что монографии и диссертации посвящены не творчеству самого Андрея Андреевича, а, например, «процессам неологизации в русской поэзии XX века» [Морозов 2009] или «словообразовательной и семантико-стилистической характеристике» окказионализмов в произведениях современных авторов [Гаджимурадова 2003]. Таким образом, Вознесенский воспринимается научным сообществом не как самостоятельная творческая единица, а как часть массы (пусть и далеко не серой). Иной подход к его творчеству наблюдается лишь у Ольги Валериевны Федотовой в диссертации «Лексика науки и искусства в структуре языковой личности А. А. Вознесенского» [Федотова 2007]. (Творчеству других известных «шестидесятников» учёные почему-то уделяют больше внимания. Например, поэзии Б. А. Ахмадулиной посвящено три диссертации, а поэзии Е. А. Евтушенко — пять). Данная работа примечательна ещё и тем, что в ней анализируется не словотворчество поэта, а его мастерство в выборе готовых лексических единиц. А ведь именно этим, прежде всего, и определяется степень литературного дарования. Окказионализмы важны для читателя и заманчивы для исследователя (писать о технической стороне художественного целого всегда проще), но не они составляют сущность лучших творений Андрея Андреевича. Их почти нет ни в «Мастерах», ни в «Озе», ни в «Авось!», ни во многих менее объёмных произведениях. Вот одно из любимейших:

Стихи не пишутся — случаются,

Как чувства или же закат.

Душа — слепая соучастница.

Не написал — случилось так.

[Вознесенский 2015: 433]

Здесь не просто нет окказионализмов. В четверостишии всего одно книжное слово — «соучастница»; все остальные стилистически нейтральны. Пожалуй, рифма, случившаяся в последней строке, может покорибить какого-нибудь субъективного формалиста — но ведь лучше-то не скажешь... Количество лексических, грамматических и прочих изысков значительно возросло у позднего Вознесенского (некоторые стихотворения, строго говоря, не включают в себя окказионализмы, а являются ими). Может быть, именно поэтому девяностые и нулевые годы трудно назвать «золотым периодом» его творчества...

Талант или гений?.. С моей точки зрения — примерно поровну... Что же до общественного мнения, то здесь не точка, а многоточие; причём для некоторых наших современников Вознесенский даже не талантлив, даже не

одарён. Его называют и «по-настоящему великим русским поэтом» (И. Хакамада), «одним из крупнейших поэтов XX века» (Д. Быков), и «вполне заурядным», «вычурным», «бездарным» (вычитано на форумах). Беспokoиться, впрочем, не стоит: такой контрастный душ не повредит памяти об Андрее Андреевиче — наоборот, делает её вечно молодой, вечно румяной. Опасаться нужно иного: не отрицания дара, а его десакрализации...

Не так давно я ознакомился с книгой Вадима Кожина «Как пишут стихи». Чтение если не полезное, то уж во всяком случае занимательное: лёгкий, в меру образный язык, интересные фактологические вкрапления... В заключительной главе автор рассуждает о том, что уже в XIX столетии наши лучшие критики во главе с Белинским разделяли художественную литературу на серьёзную (искусство слова «в точном, “строгом” смысле») и лёгкую (беллетристику). При этом отмечалось, что в каждом из этих «царств» действуют свои особые законы, по которым и следует судить их подданных. В. Кожин обращается исключительно к поэзии. По его выражению, истинный поэт «вслушивается в неясные подземные гулы», «говорит людям то, что без него не только бы не было выражено в слове, но и осталось бы неосознанным». Стихотворец же (читай — поэтический беллетрист) создаёт вербальный продукт, рассчитанный на отражение и удовлетворение сиюминутных потребностей массовой аудитории. К одарённым *стихотворцам* автор относит... Вознесенского. Звучит поразительная рекомендация: «Вместо того чтобы бесплодно и несправедливо судить Вознесенского с позиций серьёзной поэзии, давно пора оценить его большие заслуги в сфере стихотворной беллетристики» [Кожин 2001: www]. Я пришёл к выводу, что автор не вполне знаком с данной сферой как таковой — то есть с творчеством её ярко выраженных представителей.

И тридцать, и сорок, и пятьдесят лет назад небывалой популярностью, превосходившей успех любого из «шестидесятников», пользовался Эдуард Асадов. Сборники его незамысловатых стихов расходились сотысячными тиражами. Некоторые строки этих прямолинейных и технически несовершенных произведений обрели маленькие крылья: «Как легко обидеть человека!», «От глупости, увы, лекарства нет...», «Желанье — это множество возможностей, / А нежеланье — множество причин». Даже после смерти Асадова его стихи переиздаются чуть ли не каждый год, а недавно вышло Полное собрание сочинений. Вот пример блестящего лирического беллетриста! А в беллетристике остросоциальной, злободневной, можно выделить Дмитрия Быкова, пишущего рифмованные отклики на актуальные события. У этих стихов оригинальное оформление: они поданы как прозаические тексты, как стандартные газетные статьи. Ведь речь же о прозе жизни. Кроме того, Дмитрий Львович известен своими сатирическими произведениями для проекта «Гражданин поэт». Беллетрист стилизует их под отечественных и зарубежных классиков и использует де-

кламаторский талант Михаила Ефремова. Ведь подобный формат способен оказать более мощное воздействие на массовую аудиторию (также у Дмитрия Львовича есть много по-настоящему поэтических стихотворений, но это словно другой человек).

Стихи Асадова и Быкова очень разные: у одного — вечные темы и стилистическая простота, у другого — злоба дня и формальные изыски. Но от Андрея Вознесенского эти замечательные стихотворцы находятся на одинаковом расстоянии — бесконечном. В этом легко убедиться с по-

мощью простого сравнения. Например, можно прочитать стихотворение «Обкаркались» (из цикла «Гражданин поэт»), а затем — шестую главу «Озы». Они стилизованы под один и тот же текст — «Ворона» Эдгара Аллана По, поэтому, *вроде бы*, не должны слишком уж различаться... Но, думаю, всё станет понятно...

Мой призыв «антимирен» совету В. Кожинова. Вместо того чтобы несправедливо и бесплодно пытаться причислить Вознесенского к стихотворным беллетристам, давно пора оценить его значение для истинной поэзии!

Литература:

1. Гаджимурадова, Б. Н. Индивидуально-авторские неологизмы в современной поэзии (Словообразовательная и семантико-стилистическая характеристика): Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.02.01. — Махачкала, 2003. — 187 с.
2. Кожин, В. В. Как пишут стихи. — 2001. — URL: http://www.rulit.me/programRead.php?program_id=37622&page=53
3. Вознесенский, А. А. Ахиллесово сердце. — М.: «Художественная литература», 1966. — 280 с.
4. Вознесенский, А. А. Стихотворения и поэмы: В 2 т. Т. 1 / Вступ. статья, сост., подг. текста и примеч. Г. И. Трубникова — СПб.: Издательство Пушкинского Дома: Вита Нова, 2015. — 536 с. — (Новая Библиотека поэта)
5. Вознесенский, А. А. Стихотворения и поэмы: В 2 т. Т. 2 / Вступ. статья, сост., подг. текста и примеч. Г. И. Трубникова — СПб.: Издательство Пушкинского Дома: Вита Нова, 2015а. — 456 с. — (Новая Библиотека поэта)
6. Вознесенский, А. А. Тень звука. — М.: «Молодая гвардия», 1970. — 264 с.
7. Морозов, Д. О. Лингвокреативная способность языковой поэтической личности: процессы неологизации в русской поэзии XX века: на материале творчества В. В. Хлебникова, А. Е. Крученых, А. А. Вознесенского и Г. В. Сапгира: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.02.19. — Екатеринбург, 2009. — 309 с.
8. Федотова, О. В. Лексика науки и искусства в структуре языковой личности А. А. Вознесенского: Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.02.01. — Тюмень, 2007. — 236 с.

Фразеология как отражение национальной культуры китайского народа и ее перевод¹

Тихонова Евгения Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент;
Донченко Аполлинария Витальевна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Фразеология китайского языка играет большую роль не только для носителей языка и культуры, но также представляет большой интерес для китайстов и лингвистов-переводчиков, чья жизнь и профессия тесно связаны с изучением традиций, религии, философии данного народа [1–3]. Изучение культурологических особенностей фразеологизмов и возможностей достижения эквивалентного их перевода способствует улучшению взаимопонимания различных народов и взаимообогащению культур. Китайские идиомы — это своеобразные памятники культуры, в содержании которых заключена философская мудрость китайского народа, многовековая история Китая,

его неповторимые национально-культурные черты. Китайский язык богат своим фразеологическим фондом [4]. Через познание происхождения фразеологизмов, а также понимание сущности устойчивых выражений в китайском языке можно познать культуру и самобытность китайского народа. В изучении китайского языка знание самых основных фразеологизмов необходимо для правильного и полного освоения языка, так как фразеология занимает значительную часть всей лексики китайского языка. Переводы устойчивых выражений наиболее часто вызывают недопонимание (или даже совершенно ошибочное восприятие) носителей иной культуры.

¹ Настоящая работа выполнена при поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности Томского государственного университета на 2013–2020 гг.

Из фразеологизмов китайского языка, представляющих интерес с точки зрения перевода можно выделить 成语 [chéngyǔ] «готовые выражения». Основным источником фразеологизмов являются 故事 gùshi, что значит — мифы, легенды, сказки. Они основаны на реальных и вымышленных событиях. Их можно разделить на четыре основных типа мифологические, исторические, религиозно-философские и основанные на ситуациях из классических романов Китая.

Сохранение переносного значения при изменении образной основы (функциональный аналог) является сложным (так как необходимо знать историю возникновения чэньюя), но наиболее распространенным способом перевода фразеологических единиц с китайского языка на русский. К таким фразеологизмам относятся, например:

对牛弹琴 duì niú tán qín «метать бисер перед свиньями (играть на лютне перед буйволами)»

装聋作哑 zhuānglóngzuòyǎ «набрать в рот воды (прикидываться глухим и немым)»

害群之马 hàiqún zhīmǎ «паршивая овца в стаде (лошадь, портящая весь табун)»

大海捞针 dàhǎilāozhēn «искать иголку в стоге сена (вылавливать иголку, упавшую в море)»

一毛不拔 yī máo bù bá «снега зимой не выпросишь (и волосок-то у тебя жалко выдернуть)»

Более четко и подробно же понять внутреннюю сторону данных фразеологических единиц можно лишь при обращении к их корням. Так, например:

精卫填海 jīngwèi-tiánhǎi Цзиньвэй засыпает море

«легенда в древности, Динди имеет дочь, один раз к востоку играть, неосторожно в море утонула. После смерти она превратилась в — сильную и красивую птичку, каждый день «Циньвей! Циньвей...». . . кричала, люди назвали ее «Циньвей Птица» он каждый день приносит с западных гор деревья или камни, бросает в море, решив выровнять восточное море» [5, с.8].

Существует легенда о птице, в которую превратилась утонувшая в Восточном море дочь Шэньюна 神农 shénpóng; эта птица взялась засыпать ненавистное ей Восточное море обломками деревьев и камней, почему и стала символом упорства во мщении, а также и в преследовании любой другой цели.

На основании данной истории этот фразеологизм можно перевести: «упорно мстить»; «упорно идти к намеченной цели».

名落孙山 míngluòsūnshān оказаться в списке позади Сунь Шаня

Сунь Шань (960 - 1279) годами был известен как человек с юмором, называли его Сунь Шань. Однажды он участвовал в экзамене. Вышел последний. Вернулся домой, его сосед спросил о результатах экзамена своего сына, на что

Сунь Шань ответил: «Сунь Шань был в последнем в списке, а твой сын был после Сунь Шаня».

Образный перевод: «провалиться на экзаменах».

怒发冲冠 nù fà chōng guān — досл. от гнева волосы упёрлись в шапку

Во времена Восточной Цинь, великий министр Гань Цинь отправился в Цинь. Когда он шел к Цинь, Цинь не слушал, Гань Цинь так разгневался, что волосы встали дыбом, он ударил шапку по голове.

В период воюющих царств Линь Сянжу — чиновник царства Чжао, был послан в царство Цинь, чтобы вернуть кусок нефрита. Но правитель царства Чжао был очень груб с ним. Лин так разозлился, что его волосы поднялись так, что поднялась шапка на его голове.

Образный перевод: «взбеситься», «разъяриться», «быть вне себя от возмущения».

吹毛求疵 chuī máo qiú cī раздувать шерсть (животного), ища

В древности, был человек, который любил искать мельчайшие недостатки. Однажды он пошел в магазин, чтобы купить мех животного. Чтобы определить качество меха он постоянно дул на шерсть чтобы разглядеть качество и найти недостатки.

Образный перевод: «придирается», «мелочный», «взвешивающий».

调虎离山 tiào hǔ lí shān — досл. выманить тигра с гор

Тигр — это животное, которое живет в горах. Люди могли его поймать, когда хитростью выманивали его.

Образный перевод: «отвлечь внимание (противника)», «выманить врага из его укрепленной базы».

对牛弹琴 duì niú tán qín — досл. играть на цитре перед

В древние времена жил человек. Он очень хорошо играл на цитре. Однажды он хотел удивить быка и сыграл перед ним на цитре. Но бык не обращал внимания на него и продолжал есть траву.

Образный перевод: «метать бисер перед свиньями».

含沙射影 hánshā shèyǐng плевать песком на тень человека

В воде жило морское чудовище, которого звали. У него были рога, крылья и три ноги, но не было глаз. Когда он слышал шаги людей, он начинал плевать на них песком. Человек мог заболеть, если чудовище плевалось на тень человека.

Образный перевод: «тайно вредить»; «клеветать».

闭门造车 bīménzàochē делать телегу при закрытых дверях

故时候,有一个人想造一辆很轻巧的车子.他不去学习别人制造的实际经验,却把自己\在家里冥思苦想.费了很多功夫,车子虽然造好了,但是推出去却不能使用 [6, с.72].

В древние времена жил человек, который хотел сделать телегу. Но вместо того, чтобы учиться этому у мастеров, он закрылся дома и пытался сделать телегу. Но как бы он не пытался, все его попытки были напрасными.

Образный перевод: «быть оторванным от действительности», «не принимать во внимание реального положения вещей».

Таким образом, перевод фразеологических единиц китайского языка подразумевает не только знание лексики

и иероглифической системы письменности, но помимо этого и знание мифов и легенд, которыми славится китайский народ. Умения и навыки, которые входят в профессиональную компетентность переводчика, подразумевают и наличие у него фоновых знаний, необходимых для осуществления качественного эквивалентного перевода, с сохранением прагматического потенциала текста оригинала. Система образов, зафиксированных во фразеологическом составе языков, обусловлена особенностями материальной, социальной и духовной культуры и свидетельствует национально-культурном опыте и традициях народа. Из данных примеров видно, что фразеологизм в основном не подлежит дословному переводу, так как в основе его лежит метафора, сравнение или иносказание.

Литература:

1. Привороцкая, Т. В., Тихонова Е. В. Формирование механизма переключения с китайского языка на русский посредством анализа кинотекста // Язык и культура. 2015. № 1 (29). С. 38–44.
2. Тихонова, Е. В. Компоненты устного билингвального дискурса (на материале китайского языка) // Молодой ученый. 2015. № 10 (90). с. 1443–1446.
3. Кулманакова, Е. В. Формирование и развитие коммуникативно-речевой компетенции студентов, изучающих китайский язык // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2010. № 1. с. 178–181.
4. Донченко, А. В., Тагина Е. К. Национальная специфика фразеологических единиц китайского языка // Молодой ученый. 2015. № 10 (90). с. 1389–1391.
5. 100 Common Chinese idioms. Sinology, — 1999. — 202с.
6. 典型人物与事件中国文化中的. 北京语言大学出版社, 2004年, 页数: 271с.
7. Щичко, В. Ф. Китайский язык: теория и практика перевода. М: Восток-Запад, 2006. — 223 с.
8. Tikhonova, E. V., Tereshkova N. S. Information and Communication Technologies in the Teaching of Interpreting // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2014. Т. 154. с. 534–538.
9. Shoikova, A. M., Tikhonova E. V. The Development of Students' Mental Lexicon in Legal Discourse by Means of Authentic Materials // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2014. Т. 154. с. 522–526.

Распространение английского языка в Китае¹

Тихонова Евгения Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент;

Корнева Евгения Дмитриевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В Китае первая школа, где преподавался английский язык, была открыта английскими миссионерами в Макао в 1630. В дальнейшем после поражения в Опиумных войнах в середине 19 века, Китай был вынужден открыть для иностранцев свои приморские города, что также привело к появлению центров изучения иностранных языков. В этот период в результате деятельности миссионеров и развития экономических отношений английский стал постепенно проникать вглубь страны. Кроме того, получил распространение так называемый

«пиджин-инглиш», который в некоторых случаях использовался и для общения между самими китайцами, говорящими на разных диалектах.

В это период колонизация Китая привела к вынужденному усилению взаимодействия с иностранными государствами и проникновению в Китай технических достижений стран Запада. В это время некоторые ученые и чиновники придерживались точки зрения, что после того, как поражение в Опиумных войнах показало слабость Китая перед технологически более развитым Западом, страна также

¹ Настоящая работа выполнена при поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности Томского государственного университета на 2013–2020 гг.

должна начать модернизацию, чтобы вернуть свою независимость.

После поражения в Японо-китайской войне 1895 и катастрофических последствиях восстания боксеров в 1900 эта точка зрения также получила широкую поддержку правительства, в школах стали уделять больше внимания изучению новых дисциплин и иностранных языков. Содействие государства повысило статус английского в китайском обществе, усилив международные контакты в сферах науки, экономики и культуры в крупных прибрежных городах. В это время Шанхай стал настоящим центром мультикультурализма, где был популярен джаз и голливудские фильмы.

Однако экономическая и политическая нестабильность привела к усилению различных протестных движений, которые в том числе призывали к полному отказу от использования иностранных языков распространению западной культуры. Во время следующей Японо-китайской войны (1937–1945) прагматические потребности на короткий период снова возродили интерес к английскому языку, однако с приходом к власти Коммунистической партии в 1949 новый политический курс привел к отказу от какого-либо сотрудничества с империалистическими странами, и в результате от изучения английского на несколько десятилетий.

В этот период официальным вторым языком стал русский, однако вместе с тем правительство негласно поощряло ученых изучать литературу на английском для получения доступа к современным достижениям науки, а дипломаты изучали английский для расширения контактов и осуществления своей профессиональной деятельности.

С началом проведения «Реформ открытости» Дэн Сяопином в 1979 году, которые привели к быстрому развитию экономики и улучшению уровня жизни, английский снова получил широкое распространение. Изучение иностранного языка вновь получило поддержку на различных уровнях, однако с определенными оговорками: основной целью такой поддержки стало использование его для налаживания экономических связей со странами Запада. Вместе с тем, опасаясь влияния на политическую жизнь страны, коммунистическая партия провела в 80-х несколько кампаний против излишнего внешнего влияния на китайское общество: кампания против духовного загрязнения (1983), кампания против буржуазного либерализма (1989) и др.

На данный момент по различным оценкам количество изучающих английский в Китае достигает 400 миллионов, что составляет примерно четверть от общего числа изучающих английский в мире. В 2011 рынок коммерческого обучения английскому в Китае оценивался в 46.3 миллиарда юаней (7.5 миллиардов долларов).

В 2001 году Министерство Образования Китая одобрило план, по которому обучение английскому должно начинаться с третьего года обучения в школе, а в некоторых случаях даже с первого, и продолжаться весь период обучения, как в школе, так и в высших учебных заведениях. Многие родители в больших городах стремятся

отдать своих детей в детские сады, где детей с самого раннего возраста обучают английскому. В результате, многие китайцы в той или иной мере говорят, или, по крайней мере, понимают английскую речь.

С другой стороны, повсеместное изучение английского также привело к некоторым нежелательным последствиям. В данный момент в Китае очень мало внимания стало уделяться изучению других иностранных языков, таких как немецкого, французского, русского, японского и т.д., которые в прошлом преподавались во многих школах. Это стало серьезным шагом назад для китайской лингвистики.

Существует множество причин, по которым жители Китая готовы вкладывать столько времени и сил в изучение английского языка. Так как на сегодняшний день он является одним из самых важных языков мирового общения, его знание является обязательным условием для получения высшего образования и карьерного роста. Кроме того, в современном Китае проекты по повышению уровня знания английского у населения получают значительную поддержку со стороны государства, как способствующие созданию положительного образа Китая.

Во время проведения 29 Олимпийских игр в Пекине в августе 2008 года, было привлечено огромное число англоговорящих волонтеров и в течение нескольких лет, предшествующих Олимпиаде, власти запустили масштабную программу по обучению базовому английскому жителей Китая. На радио и телевидение появилось множество обучающих программ, которые были призваны помочь гражданам Китая в общении с иностранцами в повседневных ситуациях. Похожие программы также проводились перед всеми крупными международными событиями: Саммиты АРЭС, World Expo и др.

В то же время, несмотря на большое количество изучающих английский язык, в масштабах Китая эта цифра не кажется такой большой, а их уровень знаний зачастую остается довольно ограниченным.

Кроме того, во время изучения они сталкиваются с определенными трудностями. Западные СМИ также не всегда доступны большей части населения, из-за ряда экономических, а иногда и идеологических причин. Для школьников использование английского обычно ограничивается стенами школами, а основным стимулом к изучению является давление со стороны учителей и родителей. Большие классы (в некоторых случаях количество учеников может достигать 60 человек) не дают полноценно практиковать устные навыки, поэтому обучение часто сводится к выполнению письменных заданий, а контроль знаний ограничивается тестами. В большинстве случаев, сами учителя обучались английскому в таких же условиях, в результате чего им зачастую бывает сложно перестроиться на более современные методы преподавания, когда учеников стараются вовлечь в дискуссию, научить высказывать собственное мнение. Также определенное влияние на стиль преподавания оказывает тот факт, что финансирование государственных школ зависит от результатов тестов учеников, что также приводит к из-

лишнему концентрированию на подготовке к тестам. Повсеместно используемый в Китае тест на знания английского примерно на 80% состоит из письменных заданий, и на 20% из аудирования.

Количество тех, кто может позволить себе обучение в англоговорящих странах, все еще остается очень незначительным.

Стоит отметить, что английский в Китае распространяется довольно неравномерно. В то время как значительная часть населения больших прибрежных городов (Шанхай, Гуанчжоу и др.) свободно говорит на английском, в небольших городах и деревнях подобным уровнем знаний обладают лишь единицы.

В настоящее время в Китае развиваются различные инновационные методы обучения: мобильные приложения, видеоблоги и пр., которые призваны помочь людям разных возрастов и профессий освоить именно те аспекты английского, которые наиболее востребованы для рода их профессиональной деятельности. Среди них есть как направленные на изучение или повторение новых слов и грамматических конструкций, так и платформы, созданные для практики живого общения онлайн и офлайн. Положительная сторона такого подхода заключается в доступности (как с точки зрения денежных затрат, так и возможности использования в любом районе Китая, где есть интернет) и в гибкости. Спектр вспомогательных программ подобного рода продолжает постоянно расширяться, что связано с возможностью «асинхронной (в различных временных отрезках) деятельности преподавателя и студентов» [6, с.171].

Вместе с тем, нужно отметить, что и сейчас есть того, кого беспокоит возрастающее влияние английского. Недавно в официальной газете Коммунистической партии Китая «Renmin Ribao» была опубликована статья осуждающая использование слишком большого количества заимствованных слов в китайском языке и возникновение «культы английского», и призывающая посветить больше времени изучению родного языка и культуры в школах и высших учебных заведениях. За этим последовало уда-

ление с Soho и Youku (популярные китайские видеохостинги) некоторых американских сериалов. Многие аналитики отмечают, что в данный момент «лихорадка» изучения английского достигла своего пика, и может в ближайшее время может пойти на спад.

Китай сейчас в меньшей степени настроен на принятие западных идей и больше на продвижение своей собственной культуры и языка, широко проводя так называемую политику «мягкой силы» (гранты правительства на обучение китайского на территории Китая и создание Институтов Конфуция в других странах).

Об этом говорит, например, ужесточение требований для получения виз для иностранцев, а также контроль соответствия визы и фактической деятельности. За последние полгода из Китая были выдворены несколько десятков иностранцев, из них больше половины работали учителями английского без рабочей визы. Китайское правительство призывает граждан Китая быть бдительными и сообщать обо всех возможных нарушениях. Такие меры могут нанести серьезный урон рынку коммерческого обучения английскому, где самыми востребованными являются именно иностранные преподаватели.

Также некоторые аналитики отмечают, что вместе с тем, как экономика Китая становится более направленной на внутреннее потребление, потребность в англо-говорящих специалистах перестанет расти такими темпами как раньше. В прошлом году несколько ведущих китайских вузов (например, Пекинский технологический институт) отменили обязательный экзамен по английскому языку для поступления на некоторые технические специальности.

На данный момент число изучающих английский в Китае превышает население США, и есть все основания полагать, что в будущем оно продолжит расти. Это делает Китай одной из первых стран мира по этому показателю, однако в данном случае количество не означает качество. Китаю еще предстоит пройти долгий путь до того, чтобы стать по-настоящему «англоговорящей» страной.

Литература:

1. Dai, Weidong. (2007). Opportunities and challenges of foreign language teaching. Shanghai: Foreign Language Teaching Press.
2. Gai, Yihong. (2004). Socio-psychology of English learning by Chinese university students. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press.
3. Xie Bangxiu. (2013) English in China Today. Wuhan, China <http://www.jesusjazzbuddhism.org/english-in-china-today.html> (дата обращения: 14.09.2015).
4. Dexter Roberts. (2014) China's War on English. Global Economics <http://www.bloomberg.com/bw/articles/2014-05-22/china-moves-to-protect-its-language-from-english> (дата обращения: 14.09.2015).
5. Wang Lidi. (2011) The Spread of English in China and Its Implications <http://www.nla.gov.au/ojs/index.php/ara/article/viewFile/2003/2384> (дата обращения: 14.09.2015).
6. Тихонова, Е. В. Развитие профессиональной компетентности переводчика на основе виртуальной обучающей среды Moodle // Язык и культура. 2015. № 1 (29). с. 169–175.
7. Mitchell, P. J., Zarubin A. N. The English language internationally: an introduction to the case of China // В сборнике: Язык и культура Сборник статей XXII Международной научной конференции. Отв. ред. С. К. Гураль / Министерство образования Российской Федерации, Томский государственный университет. Томск, 2012. с. 14–20.

8. Митчелл, П. Д., Зарубин А. Н. Чинглиш — культурный феномен // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 1 (9). с. 69—80.
9. Алексеева, М. Г. Чинглиш как результат культурной глобализации // Молодой ученый. 2015. № 11 (91). с. 1550—1553.

Художественный перевод и китайская литература

Тихонова Евгения Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент;

Хегай Артём Дмитриевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Перевод приобрёл своё значение с появлением различных народов, которые использовали присущие только им языки. Необходимость взаимодействия между такими сообществами была очевидной: на тот момент существовали различные экономические, политические и общественные причины, такие как торговля, союзы, договорённости, межкультурное обогащение и банальная любознательность [1].

Есть утверждение, что люди, которые могли понимать языки других народностей, появились с тех пор, как возник и сам язык. Однако есть здесь и доля правды, ведь человек по природе своей склонен к общению и взаимодействию с другими людьми. Из некоторых источников следует, что первые переводчики появились в Египте. Как правило, это были жрецы, т.к. подобную почётную должность должны были занимать образованные люди. Переводчики обязаны были читать множество книг, часть из которых была на других языках. В других источниках сказано, что переводчики появились в древнем Карфагене, где проживало огромное количество народностей. В отличие от Египта, в Карфагене существовала привилегированная каста переводчиков. Как мы знаем, каста — это обособленное социальное сословие, в котором профессия и статус передаются по наследству, и, выход из которого был невозможен.

Перевод получает всё большее и большее значение с развитием экономических, политических и культурных связей между странами. В наши дни перевод пронизывает всю нашу жизнь, начиная с наклеек на продуктах и заканчивая переговорами на высшем уровне. Перевод делится на устный и письменный, а письменный, в свою очередь, — на пословный, дословный и художественный.

Пословный перевод (буквальный или подстрочный) — это механический перевод слов иностранного текста в том порядке, в каком они встречаются в тексте, без учета их синтаксических и логических связей. Используется в основном как база для дальнейшей переводческой работы.

Дословный перевод, при правильной передаче мысли переводимого текста, стремится к максимально близкому воспроизведению синтаксической конструкции и лексического состава подлинника. Несмотря на то, что дословный перевод часто нарушает синтаксические нормы языка, он

также может применяться при первом, черновом этапе работы над текстом, так как он помогает понять структуру и трудные места подлинника

Художественный перевод передает мысли подлинника в форме правильной литературной речи, и вызывает наибольшее количество разногласий в научной среде — многие исследователи считают, что лучшие переводы должны выполняться не столько посредством лексических и синтаксических соответствий, сколько творческими изысканиями художественных соотношений, по отношению к которым языковые соответствия играют подчиненную роль [2].

Из всех видов художественный перевод отличается своей сложностью и объёмом. При переводе произведений необходимо воссоздать текст в чужой системе второго языка, принимая во внимание все его особенности. Переводчик должен перевести текст так, как написал бы его автор, если бы знал второй язык. Художественный перевод имеет право называться творческим процессом, т.к. переводчик не только подбирает эквиваленты слов и выражений, выстраивая логичные предложения, он должен заново написать произведение, которое будет повторять мысли автора. Для оформления содержания текста могут быть использованы следующие средства:

Эпитеты — передаются с учетом их структурных и семантических особенностей (простые и сложные прилагательные; степень соблюдения нормативного семантического согласования с определяемым словом; наличие метафоры, метонимии, синестезии), с учетом позиции по отношению к определяемому слову и ее функции.

Сравнения — передаются с учетом структурных особенностей, стилистической окраски входящей в него лексики.

Метафоры — передаются с учетом структурных характеристик, с учетом семантических отношений между разным и предметным планом.

Авторские неологизмы — передаются по существующей в языке перевода словообразовательной модели, аналогичной той, которую использовал автор, с сохранением семантики компонентов слова и стилистической окраски.

Повторы фонетические, морфемные, лексические, синтаксические, лейтмотивные — передаются по воз-

возможности с сохранением количества компонентов повтора и самого принципа повтора на данном языковом уровне.

Игра слов, основанная на многозначности слова или оживлении его внутренней формы, — в редких случаях совпадения объема многозначности обыгрываемого слова в оригинале и переводе сохраняется и смысл, и принцип игры; в остальных случаях игра не передается, но может быть компенсирована обыгрыванием другого по значению слова, которое вводится в тот же текст.

Ирония — для её воспроизведения в переводе передается, прежде всего, сам принцип контрастного столкновения, сопоставления несопоставимого.

«Говорящие» имена и топонимы — передаются с сохранением семантики «говорящего» имени и типичной для языка оригинала словообразовательной модели, экзотичной для языка перевода.

Синтаксическая специфика текста оригинала — наличие контраста коротких и длинных предложений, ритм прозы, преобладание сочинительной связи и пр. — передается с помощью грамматических соответствий.

Диалектизмы — как правило, компенсируются просторечной лексикой; жаргонизмы, ругательства передаются с помощью лексики языка с той же стилистической окраской.

При художественном переводе невозможно полностью передать смысл и содержание оригинала. В процессе неизбежно происходит следующее:

какая — то часть материала не воссоздается и отбрасывается;

какая-то часть материала дается не в собственном виде, а в виде разного рода замен / эквивалентов;

привносится такой материал, которого нет в подлиннике [3].

Особое место в художественном переводе занимает поэзия. Поэзия в плане перевода разительно отличается от прозы. Некоторые стихотворные произведения полностью привязаны к местности, контексту и не могут быть отделены от своего родного языка, т.е. их нельзя перевести на другой язык, не потеряв при этом смысл и ритм. Касательно перевода остальных произведений тоже есть свои особенности. Эдит Гроссмэн, известный переводчик испаноязычных писателей, говорит, что очень важным является сохранить ритм в обрабатываемой поэзии. Она проводит анализ перевода с испанского на английский.

В английском языке гораздо больше односложных слов, чем в испанском. Взглянем на поэзию Шекспира, Хопкинса или Йейтса, ударные строки их произведений полностью составлены из односложных слов. В то время

как в испанской поэзии строки в основном состоят из многосложных слов, т.е. для сохранения ритма в стихе при переводе необходимо подобрать равные по значению и по количеству слогов слова. Такая задача редко выполнима из-за больших различий в лексическом составе языков. Гроссмэн использовала в своих переводах замещение одного многосложного слова двумя односложными. В этом случае сохранялось общее количество слогов, что помогало сохранить ритм. Слова должны быть подобраны так, чтобы они были близки по смыслу к заменяемому слову или в совокупности имели то же самое значение. Также для поддержания ритма могут использоваться дополнительные союзы, постанова или знаки препинания [4].

В переводе китайской поэзии гораздо сложнее сохранить структуру строки из-за разительного различия между системами языков. Здесь наиболее важную роль играет рифма, т.к. до XX в. китайская поэзия строится на ней. В связи с этим, переводы, сделанные без сохранения рифмы, не правильны и подлежат переработке. Помимо своих особенностей поэзия обладает теми же проблемами, что и перевод художественного текста. В целом перевод поэзии является более сложным и требует больше времени и сил, так как нужно соблюдать ритм и рифму, сохраняя при этом внутренний смысл и содержание [5].

К сожалению, в наше время не так много переводов китайской литературы, но чем это обусловлено? Во-первых, художественные тексты играли второстепенную роль в китайской литературе, уступая историографическому и этико-философскому направлению. Во-вторых, китайская литература не получила широкого распространения и не вызвала бурного интереса у мировой общественности, за исключением, возможно, философских произведений. В-третьих, перевод китайской литературы занимает много времени и не оплачивается должным образом, т.е. им может заниматься только человек с хорошим постоянным заработком. Для привлечения переводчиков для перевода художественных текстов следует их стимулировать, например, повысить ставку за перевод и предоставить какие-нибудь привилегии [6].

Китайская литература является частью одной из богатейших культур. Мы должны принять меры для того, чтобы распространить и сохранить её. Китайцы чтят свою историю и традиции, которые они пронесли сквозь века, и нам нужно следовать их примеру, а также помочь им в этом, ведь человечество строится на культурном взаимообогащении и взаимопомощи. Также следует изучить методы и средства художественного перевода, чтобы в будущем облегчить и оптимизировать работу переводчиков.

Литература:

1. Тихонова, Е. В. Обучение будущих лингвистов устному последовательному переводу на основе анализа дискурса аудио- и видеоматериалов (китайский язык; профиль «Перевод и переводоведение»): автореферат дис... кандидата педагогических наук: 13.00.02 / Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова. Томск, 2014

2. Edith Grossman Why Translation matters / E. Grossman // the USA, 2010. — 137 p.
3. Гарбовский, Н. К. Теория перевода / Н. К. Гарбовский // М.: МГУ, 2007. — 544 с.
4. Samlib.ru [Электронный ресурс] О китайской поэзии URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/menshikov.shtml
5. Википедия [Электронный ресурс] Китайская литература URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%CA%E8%F2%E0%E9%F1%EA%E0%FF_%EB%E8%F2%E5%F0%E0%F2%F3%F0%E0
6. Articlekz.com [Электронный ресурс] Проблемы художественного перевода URL: <http://articlekz.com/article/6756>
7. Tikhonova, E. V., Tereshkova N. S. Information and Communication Technologies in the Teaching of Interpreting // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2014. Т. 154. с. 534–538.
8. Shoikova, A. M., Tikhonova E. V. The Development of Students' Mental Lexicon in Legal Discourse by Means of Authentic Materials // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2014. Т. 154. с. 522–526.
9. Привороцкая, Т. В. Особенности перевода кинодиалога с китайского языка на русский [Текст] / Т. В. Привороцкая / Язык и культура: сб. статей XXIII Международной научной конференции. Томск: Издательство Томского университета, 2013. С 90–92.

Китайский разговорный язык. Сленг

Цветкова Софья Сергеевна, студент;

Колпашникова Анастасия Владимировна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В данной статье рассматривается тема словообразования китайского разговорного языка, то есть «сленга». Особое внимание уделяется вопросам его образования, характеристики, сферы применения, а также приводятся примеры.

Ключевые слова: китайский язык, молодежный язык, сленг.

Одна из наиболее заметных тенденций нашего времени — нарастающий интерес в общении между народами и отдельными людьми, развитие контактов на всех уровнях взаимодействия стран мир. Развитие транспорта, средств коммуникации и информатизации, повышение культурного и образовательного уровней общества, поиски путей и средств решения глобальных проблем современности — всё это может быть достигнуто лишь объединёнными усилиями всех народов. Без сомнения, эти факторы являются серьёзным толчком для развития переводческой деятельности [1, 2]. Вообще, современное положение дел даёт возможность видеть, какое огромное место сейчас занимает перевод в научной, политической и культурной жизни каждой страны и всего мира. Развитие взаимоотношений между Россией и КНР заставляет по-новому взглянуть на профессиональные навыки переводчиков, осуществляющих общение между народами двух государств. Лингвистика и переводоведение переключились с изучения письменного языка на исследование и анализ непосредственного живого общения, лексических единиц, которые постоянно развиваются и видоизменяются [3, 4].

В настоящее время существует достаточно большое количество определений сленга, нередко противоречащих друг другу. В данном исследовании под термином «сленг» понимается социальный диалект-групповые речевые особенности, характерные для группы людей в возрасте

12–22 лет, возникший из противопоставлений себя не столько старшему поколению, сколько официальной системе. Бытует в среде городской учащейся молодежи и отдельных замкнутых референтных группах [5].

Словарный состав китайского языка постоянно меняется, из-за этого происходит много изменений. В настоящее время одной из самых любопытных (занимательных) является проблема (изменения) молодежной лексики. Это лексика молодежных чатов, или молодежный сленг.

Сленг может охватывать почти все области и ситуации жизни, описывая практически все, так как появление сленга вызвано внешними причинами. Благодаря изучению сленга, можно понять изменения общества, а именно языка и культуры.

Способы образования сленгизмов в китайском языке:

Образованные посредством смыслового развития (замены словарного соответствия)

Например, 位到 — (дошли) проехали (забыли)

Такой способ также популярен и в русском языке. Например, оторваться, помимо прямого значения «отделиться от чего-либо под действием тянущего усилия, взлететь», также приобрел значения «отдохнуть от души».

Буквальное значение (слова с измененным в положительную или отрицательную сторону эмоциональным компонентом значения)

Например, 调情 — флиртовать

Образованы посредством фонетических калек

Например, 贝贝 — детка (baby); 甜蜜 — сладкий (для обращения к другу/подруге) от англ. слова «honey»

Также существуют и сленгизмы, выраженные с негативным эмоциональным компонентом значения.

Например, 可恶 — Черт подери! [6]

Данный тип образования слов также популярен и в России. Например, айдолы — произошло от английского «idol», что означает популярный персонаж, личность (музыкант, кумир), бро — от английского «brother», это сокращения из американского сленга, что означает брат, товарищ, принятое обращение друг к другу [9].

Несмотря на сложность языка, китайцы склонны к сокращению. Сокращение происходит за счет использования других иероглифов, за счет цифроязыка и латинских букв.

Использование других иероглифов употребляемые в речи китайской молодежи для выражения положительных эмоций, а также для положительной оценки качеств человека, в своем составе могут иметь: морфемы животных:

Например, 牛 — Круто! В данном случае эта морфема имеет дословный перевод «корова». Самое большое распространение получил цифровой язык. Дело в том, что в китайском языке цифры звучат так же, как и некоторые слова. Например, когда китайцы пишут «88», это означает «пока». Восьмерку китайцы произносят как «ba», это все и объясняет (происходит фонетическое сходство с английским «bye bye»). Особо чувствительные к языку китайцы пишут «886», где шестерка-ничего не означающее, но употребляемое для красоты и ритма окончания «bai bai le». Также одни из часто употребляемых цифровых выражений: «1414», что означает «интересно», «526» — «я голодный», «918» — «Вперед! Давай!». Игра слов и цифр используется не только молодежью, но и компаниями. Например, в вывесках: бар с названием «519» на слух звучит как «я хочу выпить», также такая игра слов используется для того, чтобы проще запоминать телефон. Например, телефон заказа еды в «Макдоналдсе» записывается 4008-517-517, но последние цифры при произнесении звучат как — «я хочу есть» [7].

Данный способ образования сленгизмов не развит в России, он характерен только для Китая. Так как игра в омофоны очень популярна среди молодежи Китая, особенно в молодежном и интернет-сленге, так набор цифр может означать даже целое выражение. Например, 53880 — я хочу тебя обнять [7].

В китайском интернет-сленге очень часто используют аббревиатуры. Например, PF от 佩服 уважать, восхищаться, «респект», FQ — «сердитая молодежь» [7]. В русский язык очень хорошо приживаются сокращения, принятые в английском языке, обычно представляющие

собой транслитерацию оригинала. Например, лол — «laughing out loud», что означает громко, вслух смеяться [10].

Смешанные англо-китайские сокращения, лексические единицы данного типа содержат в своем составе англоязычную аббревиатуру и иероглиф, уточняющий ее значение. Например, T恤 — заимствовано из английского «T-shirt» — тенниска [11].

Также существуют целые выражения, которые очень популярны и имеют свою «историю происхождения».

打酱油 (покупать соус на развес)

Как известно, соевый соус — приправа, практически каждый день используемая в китайской кухне. Сейчас соевый соус продается в бутылках, больших и маленьких, а в прошлом он продавался на развес, и китайцы ходили магазин за соевым соусом со своей бутылкой или другой какой тарой. Однако сейчас выражение «打酱油» очень популярно у китайской молодежи [8].

Это произошло в результате того, что в 2008 году одна телекомпания города Гуанчжоу брала интервью у прохожих на улице. Корреспондент поймал одного молодого человека, и спросил его мнения об одном сенсационном событии. Молодой человек с безразличным видом совершенно равнодушно ответил: «А при чём тут я? Я вообще за соусом вышел». С тех пор, китайская молодежь стала использовать эту фразу для выражения своего безразличия и незаинтересованности к какому-либо делу. Появились даже выражения «», «», означающие общественные мероприятия, в которых не хочется участвовать и людей, которые безразличны вообще ко всему. Берём на заметку: когда нам не хочется высказывать своё мнение по какому-либо поводу, оставляем комментарий «我是打酱油的» [8].

Сравнивая методы образования сленговых слов и выражений, можно прийти к выводу, что оба языка имеют не мало общих способов словообразования, таких как: большое количество заимствований, аббревиатур, искажения смысла. Но можно выявить и яркие отличия образования сленговой лексики: самым ярким отличием русского сленга от китайского, является набор цифр, также в молодежном сленге русского языка распространены аффиксальные способы (например, врубаться), суффиксальные способы (тусовка) и т.д.

Таким образом, сленговые слова и выражения используются молодежью для характеристики, описания и названия различных объектов, чувств, эмоций как отрицательных, так и положительных. Так же следует отметить, что молодежный сленг — это отдельный «язык», который находится в постоянном обновлении, поэтому знание (владение) сленгом отражает уровень подготовки переводчика (китаеведа) и его ценность как специалиста.

Литература:

1. Тихонова, Е. В. Компоненты устного билингвального дискурса (на материале китайского языка) // Молодой ученый. 2015. № 10 (90). с. 1443–1446.

2. Тагина, Е. К., Тихонова Е. В. Обучение экономическому переводу студентов-лингвистов китайского отделения посредством виртуальной обучающей среды Moodle // Язык и культура. 2015. № 2. с. 141–145.
3. Tikhonova, E. V., Tereshkova N. S. Information and Communication Technologies in the Teaching of Interpreting // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2014. Т. 154. с. 534–538.
4. Кулманаква, Е. В. Формирование и развитие коммуникативно-речевой компетенции студентов, изучающих китайский язык // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2010. № 1. с. 178–181.
5. Википедия[Электронный ресурс]: Молодежный сленг. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D1%91%D0%B6%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%81%D0%B%D0%B5%D0%BD%D0%B3
6. Классификация молодежного сленга китайского языка URL: conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/thesis/s052/s052-026.pdf
7. Китайский язык винтернет и СМС URL: http://www.chaskor.ru/article/kitajskij_yazyk_v_internete_i_sms_14967
8. Китайский сленг online URL: <http://sadpanda.cn/archives/9550>
9. Словарь молодежного сленга URL: <http://teenslang.su/>
10. Сравнительный анализ словообразовательных моделей интернет-сленга в русском и китайском языках в контексте влияния социальной среды (ТПУ) URL: <http://sjs.tpu.ru/journal/article/viewFile/1018/679>
11. Туманова, Е. В. Типы языковых сокращений в китайской лексике молодежных чатов (на материале сайта Вейбо) URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/11192>
12. Кулманаква, Е. В. Психология студентов и развитие их мотивации к изучению китайского языка // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2010. № 12–2. с. 105–110.
13. Привороцкая, Т. В. Особенности перевода кинодиалога с китайского языка на русский [Текст] / Т. В. Привороцкая / Язык и культура: сб. статей XXIII Международной научной конференции. Томск: Издательство Томского университета, 2013. С 90–92.
14. Жукаускене, Т. С. Сравнительный анализ фонемы и слогоморфемы в английском и китайском языках // Язык и культура (Приложение). 2012. с. 5–12.

Еще раз о гендере

Ялтырь Вахишак Дрдатович, кандидат филологических наук, доцент;
Ялтырь Маргарита Вахишаквна, студент
Южный федеральный университет

Начиная со второй половины 20 века формируется и начинает активно развиваться новое направление в науках о языке — гендерная лингвистика. Интрига создается, прежде всего, семантикой самого слова «gender», что в переводе на русский означает и физиологический пол, и грамматический род, а теперь еще и неперебиваемое слово «гендер», означающее наложение биологического пола на речь индивида, на социально-культурные аспекты его жизнедеятельности. Отсюда необходимость провести четкую демаркационную линию между этими тремя понятиями в английском, французском и русском языках, учитывая, что к существующим в русском языке двум лексемам с четкой семантикой прибавилась еще одна с семантикой, еще требующей осмысления.

Как пишет А. В. Кирилина в своей вступительной статье к антологии «Гендер и язык» (Московский гос. Лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. — М.: Языки славянской культуры, 2005): «Хотя понятие *гендер* признается сегодня большинством исследователей, существует ряд трудностей, возникающих при

чтении специальной литературы и связанных с некоторыми различиями в понимании гендера и сравнительной новизной этого понятия. Прояснению вопроса не способствует растущий поток переводов с английского на русский язык, где английское соотношение *sex — gender* оказывается не вполне соответствующим русскому пониманию аналогичных понятий. Так, в русском языке пара *секс — пол* оказывается не адекватна английскому *sex — sex*, что, на наш взгляд, несколько «разгружает» слово *пол*. Не будем также забывать, что во многих языках не существует знака равенства между биологическим полом и грамматическим родом. В русском языке: муж / жена — понятно, но мужчина и женщина? Во французском языке: *homme / femme* фонетически и орфографически равнозначны, что требует использования детерминативов, а слово *personne* — в равной степени может быть применимо к представителям обоих полов и, совсем странно, к мужчинам даже с детерминативом женского рода: *une personne, cette personne*. В итальянском языке: *uomo / donna* — понятно, но *una persona (non grata)* может быть

и мужчиной, и женщиной, супруг — *marito*, но супруга — *moglie*, хотя окончание имени на «е» в равной степени свойственно представителям обоих полов. Вспомните свое недоумение, когда, начав изучение немецкого языка, вы обнаружили, что девушка у немцев — среднего рода: *das mädchen*. Наверное не меньшее, нежели недоумение иностранцев по поводу среднего рода для русского слова «дитя». Кроме того, в западных странах в последние годы наметилась отчетливая тенденция — даже вне научного дискурса — к вытеснению номинации *sex* в значении *пол* и замене ее словом *gender* в целях политической корректности. Функционирование терминологических единиц исследуемой области обнаруживает следующие особенности:

Значительная часть трудов, посвященных полоролевой дифференциации общества и связанным с ней процессам, написана до возникновения термина *гендер* и оперирует понятиями *sex*, *sexus*, *sexuality* даже в тех случаях, когда речь идет о социальных аспектах взаимодействия полов;

Термин *гендер* возник в англоязычном пространстве и является английским омонимом грамматической категории рода, что в ряде случаев приводит к неясностям именно в лингвистическом описании».

Исследования в области гендерной лингвистики велись в нескольких парадигмах: в социолингвистике, в анализе дискурса, в лингвистической антропологии, в социофонетике.

Начало этим исследованиям было положено еще в первой четверти прошлого века Отто Есперсоном. От утверждал, что речь женщин отличается от речи мужчин своей вежливостью, более ограниченным словарем, более широким использованием наречий интенсивности (*awfully pretty*, *terribly nice*). Есперсон отмечал также, что женщина более болтливы, чем мужчины, и говорят существенно быстрее. Как отмечает Арон Арнолд в статье «*Genre et langage*» (*Sexuelle Identität*, 2008 — forum.lu), по сути, эта работа была отражением сексистских стереотипов в лингвистических фактах. Не случайно Дебора Камерон охарактеризовала их как «научное обоснование бытующего мнения о женской неполноценности». (D. Cameron (1992:36) *Feminism and Linguistic Theory*, London: Macmillan)

Уже не так давно статистические исследования социолингвистов Вильяма Лобова (W. Lobov: 1966, *The social Stratification of English in New York City*, Center for Applied Linguistics, Washington) и Петера Трудгилла (P. Trudgill: 1972, *Sex, Covert Prestige and Linguistic Change in the Urban British English of Norwich*» *Language in Society* 1) были использованы, чтобы показать, что речь женщин менее приближена к стандарту, чем речь мужчин, и что она отличается множеством лингвистических форм престижности (например: «*yes*» вместо «*yeah*»). Эта характеристика объяснялась большей чувствительностью женщин к «знакам социального положения и к языковым признакам социального статуса в отсутствие прочих знаков, связанных, например, с профессиональным или

финансовым положением. Объяснялось это тем обстоятельством, что большинство женщин выполняли роль матери или домохозяйки» (Mondada (1998: 257) «*L'identité sexuelle comme accomplissement pratique*», in M. J. Fernandez (eds) *Parler femme en Europe*, L'Harmattan, Paris).

Такой подход вызвал живую критику со стороны феминистов по следующим причинам: 1) он помещает понятие «женщина» в сферу семьи и материнства; 2) он представляет языковую практику женщин как отражение психологических черт, якобы присущих женщинам, таких как чувствительность и безответственность (Мондада 1998: 257).

Феминистские исследования в языке начались в 70-е годы прошлого века. Робин Лакофф в своей статье (R. Lakoff, 1972: «*Language and woman's place*» в *Language in Society* 2: 45–79) была первой, кто утверждал, что различие между женской и мужской речью отражает и одновременно создает подчиненное положение женщины в обществе. По мнению Лакофф, женская речь, нашпигованная смягчительными выражениями («*sort of*» — «*une sorte de*»), («*I think*» — «*je crois*»), («*really happy*» — «*vraiment heureux/se*»), («*so beautiful*» — «*si beau/belle*») (*tag questions* («*the war in Vietnam is terrible, isn't it?*» — «*la guerre au Vietnam est terrible, n'est-ce pas?*»?) (*Французский вариант наш — В.Я.*) и т.д. — является бессильной, сомневающейся и тривиальной. В этом смысле, именно речь не позволяет женщинам приобрести авторитет и властность, что приводит к их доминированию со стороны мужчин.

В последующие годы понятия «различия» и «доминирования», являющиеся центральными в аргументации Лакофф, стали концептуальной основой двух различных парадигм.

Различие и доминирование

Анализы, связанные с парадигмой доминирования, отстаивали мнение, что неравенство между женщинами и мужчинами создавалось и воссоздавалось в речи и через речь. Среди исследований в рамках этого подхода можно отметить работу Дейла Спендера (1980). Спендер заявляет, что человекоформирующая речь сексистская, что она контролируется и доминируется мужчинами и используется этими последними, чтобы господствовать над женщинами. Спендер считает, что это мужское господство материализуется во взаимодействиях через различные разговорные практики, как например, практика перебивания. Различное управление практиками перебивания мужчинами и женщинами порождает асимметрии в контроле топика, контроле объема речи и т.д. По мнению Спендера, мужчины ограничивают речь женщин и вынуждают их к молчанию, обеспечивая тем самым свое господство над ними.

Исследования, проведенные в рамках парадигмы различия, выявили, что мужчины и женщины говорят по-разному, поскольку поддерживают разное отношение по отношению к своей речи. Танен в своей книге *You Just Don't*

Understand: Women and Men in Conversation (1990), анализируют мужчин и женщин как членов двух различных субкультур, обладающих каждая своими собственными условностями во взаимодействии. Тот факт, что мужчины и женщины говорят на различных «гендерлектах» (1990:42) создает, по мнению Танен, трудности коммуникации между членами различных полов (1990: 120).

Ее работа *You just Don't Understand: Women and Men in Conversation* была раскритикована многочисленными лингвистами-феминистами, которые рассматривают то, что анализирует Танен в терминах коммуникативного провала, как «instances of conflict between subjects positioned not just differently but unequally» (Cameron 1998: 949) Танен упрекали в полном исключении из ее работ категории доминирования, хотя признать различия уже означает признать доминирование. Как считает Ушида, Танен забывает, что в отношениях полов «различие есть доминирование».

Эссенциалистский подход

Исследования, проведенные в парадигмах доминирования и различия, объединяет зачастую эссенциалистский подход к категориям идентичности. Они рассматривают род как нечто, присущее глубинной человеческой природе — «эссенции». Они ее анализируют как социальную переменную, определяющую поведение людей и через него находят отражение в их речи. Так же, как возраст, социальный класс или этнос, род рассматривается как вытекающий сам из себя, как составляющий эссенцию, природа которой определяет общественное поведение людей. Но и эссенциалистские анализы в свою очередь, были подвергнуты критике феминистов. Сьюзен Спир приводит следующие доводы (Спир 2005:46–47): S. Speer: *Gender talk: Feminism, Discourse and Conversation Analysis*, Routledge, New York.):

Во-первых, эссенциалистский анализ речи рассматривает женщин и мужчин как принадлежащих двум гомогенным группам, у каждой из которых своя жизненная практика. Такой подход приводит к стиранию сходств и к акцентированию различий между мужчинами и женщинами. Он способствует, таким образом, не только к бинарному видению рода, но и к глобализации категорий «женщина» и «мужчина». В силу своего зачастую этноцентрического характера, эта глобализация стала объектом критики со стороны феминистских движений, таких как Черный феминизм, Постколониальный феминизм или Феминистский Джихад.

Во-вторых, эссенциалистские подходы, анализируя род как нечто фиксированное, инвариантное и когерентное, имеют тенденцию к его материализации, его опредмечиванию. Эта материализация состоит в подмене текучего и абстрактного социального конструкта в нечто устойчивое и конкретное. Эффект, который процесс опредмечивания будет иметь на род выразится в его ре-натурализации и ре-биологизации.

В-третьих, аргументарий, используемый эссенциалистами, может быть определен как циркулярный. Учитывая, что они исходят из мысли, что женщины и мужчины являются фундаментально различными и что их манера речи варьируется в зависимости от их пола, неудивительно, что они действительно обнаруживают различия, которые сами же изначально ввели в свой анализ.

В течение 90-х годов прошлого века число работ в гендерной лингвистике, осуществленных с позиций эссенциализма, стало сокращаться. Они уступили место новой волне исследований, наполненных духом постструктурализма. Постструктуралистское философское течение, выдвинувшее на передний план дискурсивную и текстовую природу социальной жизни (R Gill (1995) *Relativisme, reflexivity and politics*», in S. Wilkinson & C. Kizinger (eds) *Feminism and Discourse*, p.165–186, London: Sage), послужило весьма плодотворными теоретическими рамками, чтобы вернуться к определению идентичности рода. Внутри самого постструктурализма, благодаря работам таких теоретиков как Жюдит Батлер, Тереза де Лаурентис, Эва Кософски Седгвик получили развитие так называемые «Странные исследования — Queer Studies), которые отличаются от остальных тем, что отклоняют бинарный и антиномный подход к категориям мужчина/женщина, самец/самка, мужественность/женственность, гетеросексуальный/гомосексуальный, природный/культурный. Мнение, что род есть результат, но не причина «гендерных поступков» («gender acts») побудило значительное число лингвистов рассматривать половые идентичности как построенные, с одной стороны в речи и речью, а с другой — теми практиками, который связаны с речью.

Другое теоретическое поле, способствовавшее прогрессивному отходу от эссенциалистских подходов в социолингвистических исследованиях о гендере, стало социологическое течение этнометодологии. Этнометодологи предложили анализировать гендер как результат, выявляющийся из взаимодействий между социальными актерами, а не как эссенцию.

Таким образом, между началом 1990-х годов и сегодняшним днем под влиянием таких течений как постструктурализм, Странные исследования или этнометодология все большее число исследователей приняли подход, определяемый как «конструктивистский». Гендер больше не рассматривается как целостная переменная величина, которая якобы конфигурирует поступки — лингвистические и прочие, но как личностные проявления, создаваемые и воссоздаваемые социальными актерами в ходе взаимодействия. В центре внимания больше не оказывается различие между женщинами и мужчинами, но то, каким образом речь используется, чтобы создать это различие между мужчинами и женщинами.

Вместе с тем, остаются без ответа еще многие вопросы, возникающие при исследованиях в области гендерной лингвистики. В частности, влияет ли биологический пол на речь индивида, и если согласиться с мнением многих, что

влияет, то следует более конкретный вопрос: как именно биологический пол влияет на речь? Как отмечает в своей статье « Пол и гендер в лингвистических исследованиях» Н. И. Миронова (Вестник Челябинского государственного университета № 37/ 2008) с.128), бытующее мнение, что девочки школьного возраста раньше и лучше, чем мальчики, овладевают навыками речи, вовсе не распространяется вообще на всех женщин и мужчин и на их речь вообще. Исследования показали, что превосходство женщин касается лишь определенных вербальных навыков: беглости речи, способности выполнять вербальные задания, связанные с категорией цвета, и способность к запоминанию вербального материала. И что гораздо большую роль в речевом поведении индивида играет его социальная функция, социальный контекст, нежели его биологический род.

Один из популярных во всем мире стандартных тестов, используемых для оценки вербальных навыков людей разного возраста — это тест Векслера, WAIS (Wechsler Adult Intelligence Scale). Его вербальная часть содержит следующие задания:

- на общие знания (information);
- на понимание (головоломки) (comprehension);
- на объем оперативной памяти (digit span);
- на установление сходства (similarities);
- на подбор толкования к слову (vocabulary);

*арифметические задачи в вербальной форме (arithmetic).

Интересно, что по всем этим тестам результаты лиц мужского пола оказываются несколько лучше, чем у женщин.

Хочется завершить статью приглашением к читателю представить себе женщину — директора серьезной фирмы со множеством сотрудников на ее рабочем месте, в цехе, на совещании с подчиненными, когда фирма переживает трудные времена, и по ее возвращении домой. Будет ли для нее в этих различных социальных сферах характерно одно и то же речевое поведение? Не превратится ли обычно веселая и словоохотливая женщина в замкнутое, даже грубое существо, неспособное вместе с изменением окружения так же легко изменить и свое речевое поведение? А почему, собственно говоря, нужно брать в пример женщину, а не мужчину? А может быть, вопрос в принципе должен стоять не так: не кто это, мужчина или женщина, а какой мужчина и в каких обстоятельствах и какая женщина и в каких обстоятельствах. Напомним читателю известный исторический анекдот как раз по теме:

После тихой и благопристойной смерти Льва IV папский престол занял его тайный секретарь отец Иоанн, ставший папой Иоанном VIII (855—856 г.г.). Однако оказалось, что это была женщина, что противоречит канонам церкви. Любопытна карьера этой папессы. Маленькая Агнесса переносила со своим отцом, английским монахом, все тяготы бродячей жизни. Но она обладала исключительной памятью и сообрази-

тельностью. Уже к 10 годам она постигла все догмы церкви, запомнила много изречений из Библии, и отец стал выставлять ее на диспуты в замках, монастырях и массовых скоплениях народа. После смерти отца, в 17 лет, она пошла в женский монастырь, где продолжала удивлять всех своими познаниями святых истин и усердно учиться. Потом она влюбилась в молодого бенедиктинца — отца Фрументия, сбежала с ним в один из монастырей, где жила, переодевшись в брата. Затем они перебрались в Афины, где она блестяще окончила философскую школу и похоронила своего любовника, умершего от заразной болезни. Далее был Рим. Благодаря знаниям, диплому философа и красноречию она стала кардиналом Иоанном Ланглуа и достигла избрания на папский престол, где неплохо справлялась с обязанностями папы, представляясь все время мужчиной. А поскольку в связях с женщинами она не могла быть замечена, то ее считали и весьма добродетельным и смиренным руководителем римской церкви.

Но женская суть брала свое, и она открылась одному из служителей папской канцелярии, который не упустил выгоду ситуации. Скрыть беременность папы им не удалось: 20 ноября 857 г. во время крестного хода в базилику св. Петра, когда она в парадном обличи первосвященителя возглавляла процессию верхом на коне, начались родовые схватки. Она упала с коня и в страшных конвульсиях разродилась от бремени. Чтобы скрыть этот позор от мира, церковь сохранила порядковый номер VIII для следующего папы Иоанна. И именно этот позорный факт побудил Рим прибегать к половому осмотру пап в течение шести с половиной веков. Для этого даже было введено кресло с отверстием в сидении. А период правления папессы был причислен к правлению следующего папы — Бенедикта III. (приводится по А. Г. Сергеев «Правители государств и отцы церкви Европы за 2000 лет. Владимир: «Посад», 1997).

Можно привести и другой известный исторический анекдот, связанный с именем великого Бомарше. В нескольких словах интрига такова: двору Людовика XV становится известно, что в Англии находятся планы Франции, готовящие нападение на Англию и что планы эти находятся в руках одного загадочного персонажа по имени Шарль-Женевьев-Луиз-Огюст-Андре-Тимоте д'Эон де Бомон, по поводу сексуальной принадлежности которого ломает себе голову весь Париж, как, впрочем, и весь Лондон. Этот дипломат и писатель, бывший отважный капитан драгунов и тайный агент маршала де Броли был одно время поверенным в делах Франции в Лондоне, где и прибрал к рукам весьма неприятную для Версальского двора корреспонденцию. За соответствующую цену он готов расстаться с ней. Бомарше, которому поручено вести это дело, пытается выиграть его на разумных для Франции условиях. Чтобы поставить все точки над *i* в их взаимоотношениях, д'Эон без стеснения разделся, чтобы доказать своему поклоннику свою принадлежность к прекрасному

полу. Дело завершилось ко взаимному согласию сторон, но интересен тот факт, что вскрытие его трупа доказало, что кавалер д’Эон был все-таки мужчиной. (приводится по: *Gonzague Saint Bris: La Fayette. Editions France Loisirs, с.с.90–92*).

Мы привели эти два известных исторических факта, разумеется, не для того, чтобы потешить читателя, а чтобы показать, что иногда и целой жизни недостаточно, чтобы с определенностью утверждать с кем мы имеем дело: с мужчиной или с женщиной.

Литература:

1. А. В. Кириллина: Вступительная статья к антологии «Гендер и язык» (Московский гос. Лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. — М.: Языки славянской культуры, 2005, с.127)
2. Arnold «Genre et langage» (*Sexuelle Identität*, 2008 — forum.lu)
3. D. Cameron (1992:36) *Feminism and Linguistic Theory*, London: Macmillan)
4. W. Lobov: 1966, *The social Stratification of English in New York City*, Center for Applied Linguistics, Washington
5. P. Trudgill: 1972, *Sex, Covert Prestige and Linguistic Change in the Urban British English of Norwich» Language in Society 1*
6. Mondada (1998: 257) «L’identité sexuelle comme accomplissement pratique», in M.J. Fernandez (eds) *Parler femme en Europe*, L’Harmattan, Paris
7. R. Lakoff, 1972: *Language and woman’s place in Language in Society 2: 45–79*
8. D. Spender 1980: *Man Made Language*, London: Routledge and Kegan Paul.
9. D. Tannen 1990 *You Just Don’t Understand: Women and Men in Conversation*, London, Virago.
10. S. Speer 2005:46–47): *Gender talk: Feminism, Discourse and Conversation Analysis*, Routledge, New York.
11. R. Gill 1995 *Relativisme, reflexivity and politics*, in S. Wilkinson & C. Kizinger (eds) *Feminism and Discourse*, p.165–186, London: Sage
12. Н. И. Миронова «Пол и гендер в лингвистических исследованиях». *Вестник Челябинского государственного университета № 37/ 2008*) с.128

Молодой ученый

Научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 19 (99) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.
Яхина А. С.
Ячинова С. Н.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игиснинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Голубцов М. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

E-mail: info@moluch.ru

http://www.moluch.ru/

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25